

№

СЛАВЯНОСВЕДЕНИЕ

№ 1 г.

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

2001

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3
2001

МАЙ

ИЮНЬ

Содержание

СТАТЬИ

<i>Гибианский Л.Я.</i> (Москва). Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945).....	3
<i>Марьина В.В.</i> (Москва). К событиям в Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине) осенью 1944 – зимой 1945 года.....	27
<i>Газбир Я.</i> (Варшава). Польские гуманитарные науки в XXI веке – угрозы и шансы.....	49
<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). Теория и художественная практика социалистического реализма в Венгрии начала 1950-х годов.....	59

СООБЩЕНИЯ

<i>Марней Л.П.</i> (Москва). Торговая политика России и Королевства Польского после Венского конгресса, 1815–1819 годы.....	74
<i>Чуканов М.Ю.</i> (Калуга). "Остановка в Белграде": замыслы и попытки осуществления (1914 год).....	82
<i>Петрова И.</i> (София). Новые общественно-политические городские праздники Болгарии периода после освобождения от турецкого ига (1878–1900).....	98

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Никифоров К. В.К.</i> Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы.....	103
<i>Ненашева З.С.</i> V. Doubek. T.G. Masaryk a česká slovanská politika (1882–1910).....	108
<i>Болдов А.В.</i> Powstanie Warszawskie 1944.....	112
<i>Гусев В.Е.</i> Slovensko pesništvo Upora. 1941–1945.....	114
<i>Досталь М.Ю.</i> Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов.....	116

Колобкова Л.В. Совецание-семинар преподавателей славянских языков 120

PERSONALIA

Булатова Р.К. К 70-летию Владимира Антоновича Дыбо 122
Людмила Александровна Софронова 124

НЕКРОЛОГИ

Жакова Н.К. Памяти Всеволода Дмитриевича Андреева (1929–2000) 126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

© 2001 г. Л.Я. ГИБИАНСКИЙ

ТРИЕСТСКИЙ ВОПРОС В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1944–1945)¹

Завершение Второй мировой войны и связанные с этим огромные изменения на мировой арене сопровождалось на Балканах и в Центральной Европе новой волной территориальных проблем, традиционно характерных для данного региона. Особо значительное место занял триестский вопрос. Возникнув как столкновение территориальных устремлений Югославии и Италии, он на заключительном этапе войны, в 1944–1945 гг., стал полем, где непосредственно скрестились также интересы трех ведущих держав антигитлеровской коалиции – СССР, Англии и США, а в победные майские дни 1945 г. вызвал ощутимые и до того времени почти беспрецедентные осложнения внутри коалиции.

Неудивительно, что тогдашние события вокруг Триеста и прилегающей области, которую итальянцы именовали Венецией-Джулией, а югославы – Юлийской Краиной, равно как и последующее развитие триестского вопроса в первые послевоенные годы, уже давно привлекли внимание в историографии, особенно западной (из наиболее крупных работ см., например, [1–3]), югославской (например, [4; 5]) и в наибольшей мере – итальянской (самые известные работы – [6–9]). В отечественной исторической литературе триестский вопрос в течение многих лет неизменно упоминался при рассмотрении международных отношений в Европе конца Второй мировой войны и первых послевоенных лет, однако посвященных ему специальных исследований в советское время почти не было, тем более по периоду 1944–1945 гг. Единичные же исключения, подобные [10], несли на себе отпечаток, с одной стороны, цензурных ограничений, а с другой стороны, – отсутствия доступа авторов к необходимым архивным источникам. Впрочем, многолетняя почти тотальная закрытость соответствующих советских, а в немалой мере и югославских архивов делала изучение событий, о которых идет речь, крайне затруднительным не только для отечественных, но и для всех зарубежных исследователей. Многие в закулисной истории триестского вопроса, и в частности как раз применительно к 1944–1945 гг., оставались неизвестным либо искаженно интерпретировались, мифологизировались.

В последнее десятилетие в изучении данной проблематики произошел крупный сдвиг, связанный с открывшейся возможностью исследования прежде малодоступных или вовсе недоступных материалов из бывших советских и югославских архивов, а также архивных документов Итальянской компартии (ИКП), которая в рассматриваемый период играла существенную роль в развернувшихся комбинациях по поводу триестского вопроса ввиду ее тогдашних специфических связей с СССР и коммунистическим режимом, возникшим в Югославии. Появились новые труды, написанные главным образом итальянскими историками, которые, помимо статей, уделили триестскому вопросу значительное внимание и в недавних крупных монографиях о роли ИКП во внешнеполитических проблемах Италии и международных отношениях конца

Гибянский Леонид Янович – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Статья является частью исследовательского проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (грант № 00-01-00224).

Второй мировой войны и начала холодной войны [11–13]. В ряду исследований последних лет были опубликованы и работы автора данной статьи, посвященные различным аспектам триестского вопроса в 1940-е годы [14–17]. Продолжая эту тему, более подробно рассмотрим особенно важный для ее понимания период 1944–1945 гг. на основе широкого круга источников различного происхождения, включая значительный архивный материал².

Триест и вся упомянутая область, включавшая на востоке и полуостров Истрия, традиционно являлись сферой национально-территориальных противоречий, будучи зоной со смешанным населением: как итальянским, так и югославянским – словенским и хорватским. Вплоть до падения Австро-Венгрии находившаяся под австрийским господством, она после Первой мировой войны целиком была включена в состав Италии, хотя в отличие от Триеста с его итальянским большинством преобладающая часть остальной территории области была населена преимущественно словенцами и хорватами. Вопрос об этой территории, по восточному рубежу которой прошла итало-югославская граница, был одним из моментов, осложнявших отношения между Югославией и Италией в период между двумя мировыми войнами. А в ходе Второй мировой войны, когда фашистский режим Италии явился наряду с гитлеровской Германией основным участником нападения на Югославию и ее оккупации, широко развернувшаяся под руководством югославской компартии вооруженная борьба за освобождение страны от захватчиков распространилась не только на всю довоенную Югославию, но и стала охватывать значительную часть югославянского населения указанной выше области в составе Италии. Организованное и всецело возглавляемое компартией так называемое народно-освободительное движение Югославии выдвинуло вместе с целями восстановления независимости страны и создания новой, "народно-демократической" государственности также и задачу присоединения всей упомянутой области, включая Триест. Этой задаче стало уделяться особенно много внимания с осени 1943 г., после падения Муссолини и капитуляции Италии. Инициированные руководством Коммунистической партии Югославии (КПЮ) соответствующие решения о присоединении были декларированы 16 сентября 1943 г. пленумом Освободительного фронта Словении и 20 сентября Антифашистским вече народного освобождения Хорватии. В обоих случаях решения аргументировались тем, что речь идет о территории, где большинство населения является словенским и хорватским, активно участвует в югославском народно-освободительном движении и выступает за присоединение, соответственно, к Словении и Хорватии в составе Югославии [20. S. 83; 21. S. 175–176]. Два с лишним месяца спустя эти декларации были подтверждены и закреплены при конституировании революционной югославской государственности, так называемой новой Югославии, провозглашенном под руководством коммунистических лидеров в конце ноября 1943 г. на сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии [22. S. 223].

Заявленные таким образом новой Югославией претензии на присоединение всей территории Истрии и Триеста с прилегающими районами подкреплялись все более активным развертыванием на значительной части этой территории боевых действий югославских партизанских формирований и более крупных соединений регулярной так называемой народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). Они вели там интенсивную борьбу с немецкими войсками, оккупировавшими указанную область после капитуляции Италии, и с силами фашистского режима марионеточной "Республики Салó", существовавшей под защитой германских штыков. В ходе борьбы шел, по сути, процесс неуклонного расширения фактического военно-политического присутствия новой Югославии в этой области, превращавшегося в фактор, способный при поражении нацистского рейха привести к установлению здесь югославского контроля.

² Некоторые из исследованных нами архивных материалов были включены в документальные публикации последнего времени, в том числе подготовленные с участием автора данной статьи [18–19].

Такая перспектива вызывала серьезную озабоченность не только у итальянских властей, возглавлявших страну после свержения Муссолини и разрыва с Германией, но и у западных союзников, прежде всего у Англии, проявлявшей особую заинтересованность относительно того, как развивается ситуация в Италии и на Балканах. Западные державы вообще опасались, что в результате войны произойдет неконтролируемый, без их участия территориальный передел, прежде всего в Европе, который был бы чреват последующими конфликтами, а тем более угрозой их собственным интересам. В случае же с Триестом и областью, о которой шла речь, дело значительно осложнялось еще и тем, что, хотя претензии, выдвинутые здесь новой Югославией, были, в сущности, продолжением уже традиционной спорной национально-территориальной проблемы, однако в условиях, когда эти претензии исходили от возникшего фактически коммунистического режима, тесно связанного с СССР, они приобретали характер угрозы расширения явочным порядком, опираясь на силу, советско-коммунистической сферы. Это обстоятельство заставляло тех же англичан обеспокоиться намного сильнее, нежели тогда, когда еще раньше, в 1942–1943 гг. с аналогичными территориальными пожеланиями к ним обращалось находившееся под британским покровительством югославское королевское правительство в эмиграции (об этих пожеланиях см. [23. S. 16–21]).

Британская сторона в принципе сама достаточно критически оценивала установленную после Первой мировой войны границу между Италией и Югославией в регионе Истрии – Триеста. В различных аналитических разработках, составлявшихся в ходе Второй мировой войны, преимущественно с 1942 г., аппаратом МИД Великобритании и консультировавшими его экспертами, указывалось на порождаемые этим разграничением противоречия и столкновение интересов, рассматривались различные варианты некоторой ревизии границы в пользу Югославии, которые могли бы быть осуществлены после победы над "осью" [9. P. 26–29]. Но даже эксперты, характеризуя сложившуюся ситуацию, нередко затруднялись рекомендовать какое-то определенное решение в качестве наиболее целесообразного и тем самым фактически уклонялись от прямого ответа на вопрос о том, что именно следовало бы предпринять. Так, в одном из аналитических материалов, составленных в оксфордском Баллиоль Колледже по заказу британского МИД (он затем стал известен советской стороне, очевидно, через агентурные каналы), лишь указывалось на очевидное югославское стремление передвинуть границу с Италией на запад вплоть до Изонцо и аннексировать Триест, но никаких определенных выводов или рекомендаций при этом не делалось [24. Ф. 0512. Оп. 4. П. 22. Д. 179. Л. 51–52]. Ничего конкретного не было решено и на более высоком уровне МИД или правительства. Однако в период, последовавший за упомянутыми выше заявлениями новой Югославии осенью 1943 г. с претензией на присоединение Истрии и Триеста с прилегающими районами, в Лондоне все в большей мере зрела мысль о том, чтобы воздействовать на решение вопроса о дальнейшей судьбе этой области попутно, в рамках более широких британских планов высадки крупных сил западных союзников в Истрии для возможного последующего наступления к дунайской равнине и Центральной Европе. Выступая в пользу этой операции, премьер-министр Англии Уинстон Черчилль в телеграмме президенту США Франклину Рузвельту 1 июля 1944 г. акцентировал внимание на том, что Истрия и Триест представляют собой позиции, которые имеют большое значение в военном и политическом отношении и занятие которых может повлечь за собой далеко идущие важные последствия [25. С. 566]. В письмах тому же Рузвельту и южноафриканскому премьеру Яну Сметсу 31 августа 1944 г. Черчилль, в частности, указывал, что Истрия и Триест открывают путь к Вене [26. P. 91, 110]. Но в любом случае появление западных союзников в Истрии дало бы возможность установления их контроля во всей области вместе с Триестом и тем самым позволяло бы воспрепятствовать тому, чтобы новая Югославия распространила здесь свой контроль.

Вместе с тем Черчилль, заинтересованный в успехе тогдашних усилий Лондона, направленных на то, чтобы руководство новой Югославии пошло на компромисс с

югославским королевским правительством в эмиграции, и стремившийся избежать опасности прямого столкновения с НОАЮ, чьи силы уже оперировали в Истрии, попытался урегулировать с революционными югославскими лидерами вопрос о предстоявшем в случае появления западных войск в этом районе установлении там контроля со стороны союзников. Такая попытка была предпринята премьер-министром Англии на состоявшихся в Неаполе 12–13 августа 1944 г. переговорах между ним и Тито, который, будучи руководителем компартии и народно-освободительного движения, являлся главнокомандующим НОАЮ и председателем Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ), осуществлявшего функции правительства новой Югославии.

Во время переговоров Черчилль, указав на возможность того, что войска западных союзников вступят на территорию Истрии (речь шла не только о высадке, но и об их подходе туда по восточному побережью Италии), упомянул о желательности сотрудничества и содействия со стороны находящихся там вооруженных сил Тито и заявил о необходимости установить в Истрии и Триесте с прилегающим районом военное управление союзников. На этом глава британского правительства и представители союзного средиземноморского командования усиленно настаивали перед Тито. Вместе с тем они старались уверить его в том, что установлением такого управления вовсе не будет predeterminedо будущее данной области и что югославы получат возможность поставить свои территориальные претензии при послевоенном мирном урегулировании, только во время которого и может решаться вопрос, кому должна принадлежать эта территория.

Лидер новой Югославии отнюдь не был в восторге от изложенного ему плана, но он не мог противиться тому, чтобы западные союзники предприняли операцию в Истрии против немцев. К тому же он, в свою очередь, стремился избежать нежелательного обострения отношений с союзниками, и в частности с англичанами, являвшимися инициаторами всего замысла. Соответственно, на переговорах с Черчиллем и представителями союзного средиземноморского командования, в котором англичане играли главную роль, Тито старался нащупать пути частичного компромисса, приемлемого, однако, для руководства новой Югославии. Он заявил о своем положительном отношении к перспективе операции западных союзников в Истрии и отметил, что в нее могли бы внести свой вклад и его войска, в том числе силы, уже действующие в этой области. Он указал также, что понимает необходимость для союзного командования в случае действий в Истрии обеспечить там собственный контроль на линиях коммуникаций своих войск и согласен на то, чтобы оно осуществляло на данной территории общий оперативный контроль в той мере, в какой нужно для безопасности этих линий. Но вместе с тем Тито решительно подчеркнул, что западные союзники, со своей стороны, должны считаться с уже имеющим место присутствием его вооруженных сил на упомянутой территории и функционированием там в ряде мест органов югославской гражданской администрации, под которыми он имел в виду так называемые народно-освободительные комитеты, действовавшие всюду, где соединения НОАЮ и партизанские отряды контролировали в той или иной мере территории. В качестве приемлемого решения он выразил готовность пойти на то, чтобы союзный командующий был наделен некоторыми общими прерогативами управления областью, о которой шла речь, но при участии в управлении и югославской стороны, которой бы принадлежали функции военной и гражданской власти на местах [27. S. 275, 279–280, 285–286, 289, 292–294; 28. S. 209–210, 221–222, 225–227, 229, 232, 235–236].

Переговоры не привели к определенному зафиксированному решению, хотя информируя об их итогах на заседании НКОЮ 17 августа 1944 г., Тито оценивал эти итоги в том духе, что на встрече в Неаполе была принята его позиция, в соответствии с которой в случае операции западных войск в Истрии югославские военные и гражданские власти функционировали бы на освобожденной от немцев территории самостоятельно, оказывая союзникам техническую помощь. Впрочем, на этом

заседании НКОЮ Тито сказал даже, что, по его впечатлению, при послевоенном мирном урегулировании Черчилль будет поддерживать югославские претензии на данную область [22. S. 29–30]. Исследования до сих пор документы не дают ответа на вопрос, действительно ли глава новой Югославии столь радужно оценивал результаты переговоров в Неаполе или по каким-либо причинам счел нужным представить их своему окружению успешными до такой степени.

Но как бы то ни было, в период, последовавший за встречей Тито с Черчиллем, югославское коммунистическое руководство проявило еще большую активность в своих устремлениях по поводу Истрии и Триеста с округой. Оно взяло линию на усиление подготовки к установлению контроля в этой области как путем наращивания там своих вооруженных сил и дальнейшего развертывания их действий против немцев, так и путем принятия политических и организационных мер, призванных обеспечить условия для незамедлительного взятия власти при отступлении германских войск с данной территории. В частности, по указанию Эдварда Карделя, фактически второго по рангу в руководстве компартии и новой Югославии, было ускорено и в середине сентября осуществлено создание краевого народно-освободительного комитета районов, непосредственно окружавших Триест (так называемое Словенское приморье), а также стали с начала сентября предприниматься шаги, направленные на то, чтобы заранее подготовить образование народно-освободительного комитета Триеста, в котором были бы представлены не только словенское меньшинство населения города, но и его итальянское большинство [29. S. 331, 347–348, 357]. Вместе с тем в сентябре–октябре югославские коммунистические лидеры обратились как к руководству организацией ИКП в Венеции–Джулии и Северной Италии, так и к генеральному секретарю ИКП Пальмиро Тольятти, настаивая на том, чтобы итальянские коммунисты в Триесте и других близлежащих местах с преобладающим или значительным итальянским населением действовали заодно с КПЮ и возглавляемым ею движением, предприняли политико-пропагандистские и организационные усилия в поддержку проводимого югославами курса и способствовали привлечению итальянских масс на этой территории, прежде всего рабочего класса Триеста, на позицию такой поддержки, а созданные там итальянские партизанские формирования, в значительной или преобладающей мере руководимые ИКП, были включены в состав НОАЮ. В этих обращениях к ИКП с югославской стороны подчеркивалось, что речь идет о совместном установлении власти, в которой руководящая роль будет принадлежать коммунистам, а итальянская часть населения будет пользоваться в составе новой Югославии всеми необходимыми правами [29. S. 348–355; 30. S. 47, 217, 344; 31. S. 399]. В сущности, от итальянских коммунистов требовали, чтобы они руководствовались не какими-либо своими национальными интересами, а признали приоритет югославских целей, поскольку в Югославии уже реально складывался в виде повстанческой государственности режим, возглавлявшийся компартией и имевший все более несомненные шансы утвердиться при освобождении от оккупации. Соответственно, присоединение спорной области к Югославии рассматривалось – и выступало на практике – как расширение сферы, в которой устанавливается коммунистическое правление. Вместе с тем в ответ на делавшиеся рядом членов итальянского правительства, видных политических деятелей и влиятельных органов печати на освобожденной войсками западных союзников территории Италии заявления, что Триест с округой и Истрия должны остаться в составе Италии, Тито 12 сентября выступил с речью, в которой, помимо других вопросов, вновь были публично выдвинуты цели присоединения всей этой области к Югославии, аргументировавшиеся исключительно задачами национального воссоединения словенцев и хорватов. "Мы чужого не хотим, но своего не отдадим", – заявил он. Текст речи был распространен информационной службой НКОЮ [22. S. 415–419].

Между тем британский замысел операции западных союзников в Истрии оставался неосуществленным. Хотя на встрече с Рузвельтом в Квебеке в середине сентября 1944 г. Черчиллю удалось заручиться американским согласием на реализацию

своих планов, однако союзное средиземноморское командование, исходя из складывавшейся военной обстановки и того наличия сил, которым оно располагало, не видело возможности подготовить операцию – путем высадки с моря – раньше февраля 1945 г. Это мнение разделялось и комитетом начальников штабов США. Черчилль настаивал на скорейшем проведении высадки, считая, что это позволит Англии и США сыграть необходимую роль в Центральной и Южной Европе и не допустить, чтобы там все "упало в советские руки". Он высказал резкое недовольство медлительностью средиземноморского командования, поскольку опасался, что при надвигавшемся поражении Германии основные силы Тито, которые получили мощную поддержку от советских войск, вступивших в Югославию в конце сентября 1944 г., и развернули фронтальное наступление с целью окончательного освобождения страны от немецких оккупантов, успешно продвигаясь через ее восточную и южную части в направлении северо-западных югославских границ, в результате сумеют войти в спорную область и занять ее всю раньше, чем западные союзники приступят к этому в феврале 1945 г., а соответственно, последние не смогут помешать югославам. В итоге планировавшаяся высадка теряла, по мнению британского премьера, смысл [27. С. 309, 362; 32. С. 62–64, 351]. А темпы продвижения союзных войск по восточному побережью Италии серьезно замедлялись немецким сопротивлением на всем итальянском фронте, линия которого лишь постепенно смещалась к северу.

В такой ситуации, когда англичанам стало ясно, что союзным войскам едва ли удастся занять всю область Истрии – Триеста, они в начале 1945 г. стали искать иное, не военное, а дипломатическое решение, которое позволило бы западным союзникам получить контроль хотя бы над частью этой территории. Выбор в пользу нового решения был во многом связан и со все усиливавшейся необходимостью считаться с режимом Тито, поскольку этот режим по мере своего утверждения в освобождаемой от оккупантов Югославии превращался из системы повстанческой власти в подлинное государство, успешно укреплявшееся во внутривосточном плане и пользовавшееся активной поддержкой и прямой помощью Советского Союза. Соответственно, британская сторона видела выход в достижении какого-то компромисса с новой Югославией. В частности, фельдмаршал Александер и британский министр-резидент на Средиземноморье Гарольд Макмиллан рассматривали возможность договориться с Тито о разделе указанной области, юридически принадлежавшей Италии, на зоны оккупации. Один обсуждавшийся ими вариант предусматривал ее разделение демаркационной линией на восточную и западную части, первая из которых оккупировалась бы югославскими войсками, вторая – силами западных союзников. Другой вариант имел в виду установление на территории области режима трехсторонней оккупации – британской, американской и югославской [33. Р. 567–568]. Правительство Англии склонилось к первому варианту и пыталось заручиться согласием на него не только США, но и Советского Союза, поскольку было понятно, что в случае советского согласия было бы несравненно больше шансов, что коммунист Тито, связанный с СССР, пойдет на такую договоренность (о выработке британской позиции см. подробнее [9. Р. 72–75]).

На состоявшейся 4–11 февраля 1945 г. Крымской конференции главы советского правительства И.В. Сталина, премьер-министра Англии Черчилля и американского президента Рузвельта, уже в предпоследний ее день – 10 февраля, британский министр иностранных дел Антони Иден передал государственному секретарю США Эдварду Стеттиниусу и народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову ноту, в которой утверждалось, что "провинция Венеция-Джулия на северо-востоке Италии представляет собой потенциальный пороховой погреб", ибо "весьма вероятно, что, когда война будет подходить к концу, в этом районе могут иметь место стычки между югославами и итальянцами". Аргументируя таким образом необходимость принятия мер по предотвращению подобного развития событий, британская сторона указывала, что с данной целью она предполагала установить союзную военную администрацию во всей упомянутой провинции, но это оказывается трудно осуществимым, поскольку

Тито, намеренный "сам управлять значительными территориями, которые, по его мнению, должны принадлежать Югославии и часть которых уже контролируется его партизанами", "дал довольно ясно понять", что не согласится с таким решением. Столкновение же с Тито, говорилось в ноте, грозило бы опасностью военного конфликта. В качестве выхода из положения в ноте предлагалось, чтобы американская и советская стороны согласились вместе с англичанами "создать какой-либо орган для выработки временной демаркационной линии между той частью провинции Венеция-Джулия, которая должна находиться под контролем Тито, и той, на которой мы должны установить Союзную военную администрацию". Имелось в виду, что такой орган будет составлен "из специалистов". Когда демаркационная линия будет подобным образом определена, а соответственно, одобрена тремя державами, британское правительство было готово добиться ее принятия руководителем новой Югославии, опираясь на "возможность заявить, что оба его союзника (т.е. СССР и США. — Л.Г.) согласны с этим предложением" [34. С. 196, 201–202].

В ноте не содержалось никаких пожеланий относительно того, по каким параметрам следовало бы определить демаркационную линию, но отмечалось, что англичане уже "сделали попытку сами наметить такую линию, основанную по большей части на этнических соображениях" [34. С. 202]. Это значило, что Лондон хотел, чтобы Триест и ряд окружающих его населенных пунктов с преимущественным или значительным итальянским населением были включены в западную зону. Причем англичане оговаривали необходимость того, чтобы союзный командующий на Средиземноморье, "по крайней мере на ранних стадиях, пользовался путями сообщения к северу от Триеста", ведущими в Австрию, "в связи с чем ему придется принять соответствующие меры" [34. С. 202]. Поскольку эти пути сообщения проходили по территории, хотя бы часть которой должна была бы, скорее всего, отойти в югославскую зону, упоминание о "соответствующих мерах" подразумевало британское намерение получить хоть в какой-то степени возможность распространения своего контроля и в той зоне.

На самой конференции в Ялте ни американская, ни советская стороны не высказали никакого мнения относительно предложений, содержащихся в английской ноте. В итоговом протоколе конференции лишь констатировался факт представления ноте британской делегацией и указывалось, что делегации США и СССР согласились рассмотреть ее и "изложить свои взгляды позднее" [34. С. 281]³. В такой ситуации англичане сразу же после конференции, опасаясь, как бы в условиях вплотную приблизившегося поражения Германии вообще не опоздать с предотвращением занятия войсками новой Югославии всей спорной области, решили все-таки попытаться напрямую договориться с Тито. С этой целью 15 февраля на совещании в посольстве Англии в Афинах, в котором участвовал ряд прибывших туда видных британских дипломатов и военных, включая возвращавшихся с Крымской конференции Идена, его заместителя Александра Кадогана, фельдмаршала Александра, а также прилетевшего на совещание Макмиллана, было решено, что Александр отправится в Белград и попробует добиться от руководителя Югославии согласия на упомянутый выше план раздела на две зоны. На совещании имелось в виду, что в случае, если бы это Александру удалось, не было бы необходимости создавать вместе с СССР и США "группу специалистов" для определения демаркационной линии [27. S. 466–467].

Однако американцы, проинформированные о намеченном визите Александра в Белград и его целях, выразили англичанам свое возражение против выделения зоны, которая была бы под югославским контролем. В отличие от британской компромиссной позиции, Вашингтон настаивал на том, что, руководствуясь условиями перемирия с Италией, частью которой является Венеция-Джулия, западные союзники не-

³ В протоколе говорилось, что нота касается вопроса об "итало-югославской границе", хотя на самом деле в ней речь непосредственно шла не об этом, а о демаркационной линии между западной и югославской зонами оккупации. Всем было, однако, достаточно очевидно, что установлением такой линии была бы в значительной мере предопределена новая граница между Италией и Югославией.

пременно должны оккупировать всю эту область и установить на всей ее территории свое военное управление. Англичанам пришлось срочно корректировать намеченный план. Александер должен был во время визита в Белград не предлагать Тито раздел спорной области на две оккупационные зоны, а только прозондировать позицию руководителя новой Югославии в данный момент по поводу возможного установления военного управления западных союзников в этой области. А по результатам бесед с Тито Александеру предстояло сформулировать свои предложения о наиболее целесообразном решении и представить их объединенному комитету начальников штабов Англии и США [33. Р. 568; 9. Р. 76–78].

В этом духе командующий союзными силами на Средиземноморье и обсуждал данный вопрос во время переговоров с Тито 21 февраля. В качестве зондажа Александер выдвинул максимальные требования, на которых настаивали американцы. Ссылаясь на необходимость союзнического контроля над коммуникациями между своими войсками, которые займут Австрию, и Триестом как важным портом, он сказал о том, что с этой целью как в самом Триесте, так и на всей территории к западу от предвоенной итало-югославской границы следовало бы установить военное управление западных союзников. Разумеется, он счел нужным подчеркнуть, что такое решение не будет иметь отношения к послевоенному мирному урегулированию, то есть к вопросу о том, кому будет принадлежать эта область – Италии или Югославии. Это заверение едва ли могло успокоить югославов, но перед лицом заявлений Александера, которые звучали как требование западных союзников, Тито посчитал необходимым предложить компромисс. Он сказал, что согласен на союзнический контроль над коммуникациями между Австрией и Триестом, но при двух условиях. Одно из них состояло в том, что Истрия, т.е. вся восточная часть спорной области, вообще не будет занята западными союзниками, а будет полностью под югославским как военным, так и гражданским управлением. Другим условием было то, чтобы на остальной части спорной территории, включая сам Триест, военное управление западных союзников совмещалось с существованием там югославской гражданской власти [27. S. 470–471, 487; 28. S. 353; 35. P. 1108].

Таким образом, Тито, во-первых, предложил фактически то же самое решение с учреждением зон, которое содержалось в компромиссном плане англичан, но которое встретило возражение американцев. Сам Тито два с половиной месяца спустя, на I съезде компартии Сербии, объяснял эту свою позицию на встрече с Александером тем, что в момент переговоров он полагал, что югославские войска, вероятно, не смогут достигнуть Триеста раньше, чем тот уже будет занят англо-американскими войсками [36. С. 214]. Встает, однако, вопрос, знал ли глава новой Югославии, предлагая подобный компромисс, что англичане сами планируют аналогичное решение и уже представляли его для рассмотрения на Крымской конференции. Единственным источником, из которого он мог бы быть информирован об этом, была советская сторона. И в случае, если это произошло, возможно, что либо Тито было рекомендовано Москвой пойти на такой компромисс, либо он сам решил воспользоваться британской готовностью к подобному варианту, поскольку не видел тогда реальных шансов добиться большего. Но в исследованных нами советских и югославских документах нет никаких данных, которые бы позволили судить о том, располагал ли Тито при встрече с Александером какими-либо сведениями о британском плане, представленном в Ялте, или соответствующими советскими рекомендациями.

Однако, во-вторых, Тито на переговорах с Александером пытался все-таки добиться для новой Югославии таких политических позиций в отношении западной части спорной области, включая Триест, которые бы давали Белграду шанс на возможно более удовлетворительное для него решение и по поводу этой территории при последующем послевоенном мирном урегулировании. Потому-то югославский руководитель настаивал на том, чтобы и в западной зоне была по крайней мере сохранена югославская гражданская администрация, пусть и при военном управлении союзников. Видимо, он надеялся, что это позволит затем выторговать у Лондона и Вашингтона

хотя бы какой-то территориальный компромисс относительно Триеста и ближайшей округи.

Александр, в соответствии с той линией поведения, которая была спешно, перед самым его визитом в Белград намечена британской стороной ввиду американских требований,отреагировал на предложение Тито уклончивым заявлением о том, что доложит об этом предложении соответствующим союзным властям [27. S. 471; 28. S. 353]. Таким образом, практическим результатом белградских переговоров в вопросе об Истрии и Триесте с округой (на переговорах обсуждался также ряд других проблем) стало лишь то, что Тито выразил готовность на установление двух оккупационных зон, при условии, что и в союзной зоне будет югославская гражданская администрация, но ни какого-либо соглашения, ни просто договоренности на сей счет между ним и Александром зафиксировано при этом не было.

По возвращении из Белграда Александр, информируя объединенный англо-американский комитет начальников штабов об итогах встречи, указывал на два возможных варианта решения. Один заключался в том, чтобы договориться с Тито именно на основе предложенного самим руководителем новой Югославии раздела спорной области на югославскую и союзническую зоны оккупации. Причем в этом случае Александр считал необходимым, чтобы зона, где управляли бы союзники, помимо Триеста и прилегающих районов на западе области включала бы также наиболее крупные портовые города Пулу и Риеку (Фиуме) в Истрии, т.е. в восточной части. Другой вариант, без разделения на зоны, предусматривал установление союзного военного управления во всей области, но при том, что в таком управлении участвовали бы и югославы [35. P. 1109–1110]. Вариант раздела на зоны оказывался по-прежнему в противоречии с позицией США. Еще 28 февраля, в тот самый день, когда Александр вернулся из Белграда в свою ставку в Казерте, заместитель государственного секретаря Джозеф Грю, в тот момент исполнявший в отсутствие Стеттиниуса обязанности своего шефа, телеграфно информировал Александра Кёрка, американского политического советника при штабе Александра, о необходимости добиться от Тито согласия поставить югославские войска, которые оказались бы на территории области, под контроль командования западных союзников, а югославскую гражданскую администрацию, которая была бы там установлена, – под контроль союзного военного управления [35. P. 1107]. Эта линия была затем подтверждена 14 марта официальным ответом, данным, наконец, госдепартаментом США на британское предложение о зонах, выдвинутое Иденом на Крымской конференции. В ответе высказывалось отрицательное отношение к указанному предложению и говорилось о предпочтительности установления союзного военного управления во всей спорной области, хотя и с возможным сохранением действующей югославской администрации [35. P. 1114–1115; 37. P. 368]. Однако, что касалось последнего, то, как мы видели, фактически имелось в виду ее подчинение военным властям западных союзников.

Как сами разногласия по данному поводу между Лондоном и Вашингтоном, так и их совместная озабоченность относительно того, что Тито может опередить западных союзников и явочным порядком решить по-своему вопрос об оккупации этой области и управлении ею, заставляли британскую и американскую дипломатию продолжать во второй половине марта – апреле 1945 г. дискуссии на сей счет, обсуждая различные комбинации, которые бы позволили, насколько удастся, обеспечить там достижение целей, желательных для Англии и США (см., в частности, [9. P. 83–89; 35. P. 1115–1121]). Но примерно с середины марта Черчилль, крайне раздосадованный тем, что его упорные усилия по объединению НКОЮ и югославского эмигрантского правительства хотя и привели 7 марта 1945 г. к созданию единого правительства во главе с Тито, но оказались не в состоянии реально изменить коммунистический характер утвердившегося в Югославии режима и ориентацию последнего на СССР, стал все больше склоняться к курсу на поддержку Италии против территориальных претензий этого режима. В сложившейся ситуации британский премьер пришел к выводу, что

проведение такого курса позволит оказать влияние в пользу противодействия коммунистам на внутриитальянской политической сцене, даже, быть может, расколоть ИКП и не только "спасти Италию от большевистской чумы", но и укрепить ее как важный заслон, способный помешать, насколько возможно, "русскому прорыву в Центральную и Западную Европу". Поэтому Черчилль считал в данный момент одной из главных задач согласование интересов Англии, США и Италии в отношении спорной территории по итало-югославской границе и, соответственно, выступил за более тесное взаимодействие с американцами по поводу предстоявших там действий [26. Р. 523; 27. S. 492, 495, 502, 503].

Между тем американцы были озабочены проблемой, как добиться, чтобы Тито не воспрепятствовал установлению союзного военного управления на всей территории спорной области. Стремясь заранее повлиять на новую Югославию, американская дипломатия попыталась действовать через советского патрона югославских коммунистов. 19 марта 1945 г. посол США в Москве Аверелл Гарриман вручил Молотову ноту, в которой говорилось о необходимости введения союзного военного управления во всей Венеции-Джулии [38. Р. 1216]. Однако никакого определенного советского ответа на американскую ноту не последовало, так же, как и на британскую ноту с планом раздела Венеции-Джулии на две оккупационные зоны, врученную Иденом 10 февраля на Крымской конференции [37. Р. 368].

Хотя в обстановке приближавшегося вплотную конца войны в Европе советское руководство предпочитало хранить молчание по вопросу о том, кем и в каких пределах должны быть осуществлены оккупация и управление в спорной области, однако относительно того, кому должна принадлежать эта территория после войны, оно высказалось почти тремя с половиной годами раньше, еще во время переговоров в Москве с Иденом в декабре 1941 г. Опубликованная среди других ставших в последние годы, наконец, доступными документов из отечественных архивов советская запись беседы между британским министром иностранных дел и Сталиным, состоявшейся 16 декабря 1941 г., подтверждает то, что уже раньше было известно из мемуаров Черчилля [39. Р. 558] и из британской записи этой беседы [40. Р. 222–223]: излагая советский план "реорганизации европейских границ после войны", Сталин в качестве одного из пунктов отметил, что Югославия должна быть "несколько расширена за счет Италии", указав на "Триест, Фиуме, острова в Адриатическом море и т.д." [41. С. 502]. Это было сказано задолго до того, как стала просматриваться перспектива прихода югославских коммунистов к власти, а стало быть, вне связи с подобной перспективой. Скорее всего Сталин исходил тогда просто из цели наказания и ослабления Италии.

Позже в Москве вернулись к рассмотрению вопроса о ревизии итало-югославской границы в пользу Югославии, когда с осени 1943 г. ввиду начавшегося развала фашистского блока и приближавшегося поражения Германии руководство СССР решило активизировать усилия по разработке советских планов послевоенного мирового порядка. В рамках этой активизации было решено взамен комиссии по проектам послевоенного устройства мира, учрежденной постановлением политбюро ЦК ВКП(б) еще в январе 1942 г., создать три новые комиссии при НКВД СССР, специализированные, соответственно, по трем главным направлениям: по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, по вопросам перемирий и по проблемам компенсации потерь, причиненных СССР Германией и ее союзниками. Комиссии, сформированные опять-таки решениями политбюро ЦК ВКП(б), стали заниматься практической подготовкой конкретных предложений по этим направлениям (об этих комиссиях см. [42]). Намечая перечень основных вопросов, на которых должна была сосредоточиться первая из упомянутых трех комиссий, образованная решением от 4 сентября 1943 г. [43. С. 118], ее председатель, заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов в предложениях, направленных 9 сентября 1943 г. на утверждение Сталину и Молотову, в частности, выделил в разделе "Италия" пункт "Границы Италии", но без какой-либо конкретизации, а в разделе "Югосла-

вия" – более конкретный пункт "Югославно-итальянская граница", указав при этом – "Далмация, Триест, Фиуме" [43. С. 122, 123]⁴.

Как видно из материалов комиссии Литвинова, при утверждении представленного перечня вопросов, которыми она должна была заниматься, советское руководство санкционировало и рассмотрение проблемы будущего решения относительно возможной ревизии границы Италии в пользу Югославии. 23 декабря 1943 г. Литвинов, давая поручение работавшим в Москве в течение войны деятелям КПЮ Велько Влаховичу и Божидару Масларичу составить справку о перспективах как внутривосточного развития и послевоенного устройства Югославии, так и ее международного положения, специально отметил среди проблем, которые необходимо осветить, пункт о территориальном споре между Югославией и Италией и при этом обозначил: "Далмация, Истрия, Триест" [44. 1–3–с/3. Л. 2–3]. Но в отличие от декабря 1941 г., когда Сталин впервые высказался перед западными союзниками за решение данного вопроса в пользу Югославии, теперь желательность такого решения была связана для Кремля уже и со все более вероятной перспективой занятия югославской компартией доминирующих позиций в своей стране в результате войны.

В справке, составленной Влаховичем и Масларичем для комиссии Литвинова, указывалось на принятие народно-освободительным движением Югославии решения о присоединении спорной с Италией территории со словенским и хорватским населением и обосновывалось это требование. В качестве аргументов указывалось, во-первых, что "ее большая часть уже сейчас находится под контролем частей Народно-освободительной армии Югославии", т.е. использовалась апелляция к ситуации "совершившегося факта". Во-вторых, что было главным, говорилось об этническом преобладании там словенцев и хорватов. Правда, отмечались анклавные территории с итальянским большинством – в Триесте, Гориции, Пуле, Риеке (Фиуме) и некоторых других городах. Но в целом в качестве этнической границы, отделявшей от собственно итальянской территории зону с преимущественно югославским населением, в справке указывалась линия по Изонцо от устья до Гориции, а далее еще немного западнее – до Кормонс и Джемоны и затем на север до австрийской границы. Все к востоку от этой линии рассматривалось как районы, которые должны отойти к Югославии на основе этнического принципа. В-третьих, в качестве аргумента в пользу такого решения подчеркивалось то, о чем югославские коммунистические лидеры, естественно, не заявляли публично, но что было весьма важно с точки зрения перспективы расширения "сферы социализма", в которой новая Югославия должна была стать одним из существенных звеньев: в справке шла речь о военно-стратегическом значении упомянутой территории, с одной стороны, как "ворот в Италию" с востока и северо-востока, т.е. со стороны Югославии, а с другой – в силу того, что новая граница по Изонцо была бы выгодна для безопасности Югославии с запада, поскольку "опирается на горные массивы, которые запирают вход в Словению". В-четвертых, указывалось то, о чем руководство югославской компартии тоже предпочитало публично не распространяться: на экономическое значение области, на которую претендовала новая Югославия, как с точки зрения некоторых полезных ископаемых, так и особенно из-за важности порта Триест [44. 1–3–с/3. Л. 35–39].

Другой документ, которым также предусматривалась необходимость изменения итало-югославской границы в пользу Югославии, был направлен 11 января 1944 г. Молотову заместителем наркома иностранных дел И.М. Майским. Это была записка "О желательных основах будущего мира". В ней, в частности, говорилось о сохранении целостности территории, принадлежавшей Италии в Европе, "но исключая все

⁴ Далмация (на адриатическом побережье Югославии) была областью, на которую Италия претендовала до Второй мировой войны и которую она целиком захватила после оккупации Югославии. Как объект итало-югославского спора Далмация могла быть упомянута лишь чисто номинально, ибо было очевидно, что при освобождении Югославии от оккупантов эта область автоматически является необъемлемой частью югославской территории.

ее прежние владения на Балканах" [43. С. 128]. Иными словами, речь шла об изъятии у Италии тех районов, включая Триест, на которые претендовала новая Югославия.

Однако, разделяя в принципе устремления своего младшего коммунистического союзника в Югославии относительно послевоенного разграничения с Италией, в Москве в то же время считали нужным соотнести конкретную тактику выдвижения этого вопроса с рядом важных с советской точки зрения внешнеполитических факторов.

Пока что все еще остается недоступной значительная часть документов отечественных архивов, исследование которых позволило бы более детально проследить тогдашние калькуляции в инстанциях, определявших советские планы и тактику в связи с проблемой Триеста и всей окружающей области. Но судя по некоторым документам, с которыми удалось познакомиться, в ситуации, сложившейся после того, как новая Югославия выступила в конце 1943 г. с публичными заявлениями о решимости присоединить спорную территорию; советская сторона, определяя практическую линию политики по данному вопросу, исходила из необходимости учитывать прежде всего такие существенные для нее моменты, как, во-первых, возможное негативное отношение со стороны западных союзников к подобной перспективе, а во-вторых, отрицательную реакцию со стороны итальянского правительства, возглавляемого тогда маршалом Бадольо. В частности, об этом можно судить по проекту одной из радиотелеграмм, которую советское руководство собиралось в середине апреля 1944 г. отправить в адрес Тито. В основном она касалась югославо-болгарских проблем, но вместе с ними затрагивался и Триест. "Считаем, – говорилось в проекте, – пока преждевременной постановку вопроса о Триесте и о вхождении Болгарии в Югославскую федерацию, так как это может способствовать сплочению соседних с Югославией государств (Италии Бадольо и Болгарии) против Югославии и вызвать охлаждение со стороны Англии и Америки к Национальному комитету [освобождения] Югославии и армии маршала Тито" [45. Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 41]. Радиотелеграмма была, правда, послана в значительно измененном виде и упоминание о Триесте не вошло в ее окончательный текст – в нем остались только югославо-болгарские проблемы, связанные с Македонией [44. I–3–b/574]. Но проект тем не менее отражал те соображения, которые принимались в расчет в Москве. Причем, хотя необходимость выжидательной тактики аргументировалась в проекте исключительно лишь важностью для самой новой Югославии не допустить ухудшения отношения к ней со стороны Англии, США и правительства Бадольо (что и в самом деле было важно), однако очевидно, что не меньше, если не еще больше заботило советское руководство и то, как бы постановка серьезных территориальных претензий повстанческим коммунистическим режимом Югославии ни повлекла в тот момент осложнений в отношениях западных союзников и Италии с СССР, который рассматривался в мире как патрон югославских коммунистов. Кремлю были крайне нежелательны такие осложнения не только с основными партнерами по антигитлеровской коалиции, но и с правительством Бадольо. Ибо как раз в это время с целью противопоставления Италии англичанам Сталин предпринял далеко нацеленную политическую акцию, выразившуюся в том, что Москва первой из Объединенных Наций установила непосредственные отношения с правительством Бадольо и продиктовала лидеру ИКП Тольятти тактику так называемого "поворота в Салерно", в результате которой итальянские коммунисты вошли в это правительство (подробнее см.: [46]).

Склонность советской стороны к тактической сдержанности в вопросе о территориальных претензиях новой Югославии к Италии усиливалась и возникшими вокруг этого вопроса сложностями между итальянскими и югославскими коммунистами.

Еще 24 сентября 1943 г., вслед за декларированными за несколько дней до того решениями югославского народно-освободительного движения о необходимости присоединения спорной области, находившийся в Москве Тольятти направил по этому поводу письмо Г. Димитрову, который после формального роспуска Коминтерна и его реорганизации в отдел международной информации ЦК ВКП(б) стал заместителем заведующего отделом, но фактически возглавлял его работу. В письме Тольятти

квалифицировал югославское решение о "Триесте и Истрии" как "преждевременное", ибо оно может быть использовано итальянскими фашистами для противопоставления итальянского населения области словенскому, т.е. югославскому, движению. Лидер ИКП не высказывал своего отношения к существу выдвинутых территориальных претензий, но высказал мнение, что на данном этапе надо выступать только за борьбу против итальянского фашизма и гитлеровской Германии, а вопрос об определении итало-югославской границы оставить на потом, когда с победой в войне будет решена задача освобождения от фашизма [45. Ф. 495. Оп. 74. Д. 256. Л. 50–50об.]. Своим обращением к Димитрову он фактически ставил вопрос о необходимости воздействия советской стороны на югославское коммунистическое руководство, чтобы то заморозило территориальные требования к Италии по крайней мере до указанного выше срока.

Вместе с тем ряд деятелей ИКП в оккупированной немцами Северной Италии, в том числе Умберто Массола-Квинто, представлявший руководство ИКП Северной Италии в Венеции-Джулии, скорее всего не зная об этой позиции Тольятти, со своей стороны, посчитали, что декларированные новой Югославией решения о присоединении спорной области носят односторонний характер и нарушают право на самоопределение ее итальянского населения, прежде всего там, где оно преобладает, как, например, в Триесте. А руководители КПЮ и ее региональных организаций в Словении и Хорватии (компартий Словении и Хорватии) расценили подобную позицию коллег из ИКП, в частности Квинто, как уступку "бадольевской реакции", как проявление оппортунизма и игнорирование роли новой Югославии в качестве, по мнению югославов, авангарда и опоры "народного демократического движения" во всех окружающих странах (например, см.: [47. S. 86–88; 48. S. 348–349]). В итоге в середине марта 1944 г. обе спорившие друг с другом стороны через радиосвязь обратились совместно в Москву как высшую инстанцию для каждой из компартий. Радиотелеграмма, полученная Димитровым, который к тому времени стал заведующим отделом международной информации ЦК ВКП(б), была подписана Бирком, т.е. Карделем, находившемся в тот момент в Словении, и Квинто, прибывшим туда в это время [45. Ф. 495. Оп. 74. Д. 259. Л. 16] (подробнее об обстоятельствах посылки этой телеграммы см.: [14. P. 40–41; 16. P. 87–88]).

В документах, которые до сих пор оказались доступными, нет сведений о том, как реагировал на письмо Тольятти от 24 сентября 1943 г. болевший тогда Димитров и предпринимались ли советской стороной какие-либо шаги в связи с этим письмом. Но что касается телеграммы Карделя и Квинто, то, получив ее, Димитров 17 марта 1944 г. направил на утверждение Молотова проект ответа на нее, в котором говорилось: "Считаем политически неправильным, когда идет борьба против общего врага, обострять взаимоотношения между итальянскими и словенскими партизанами территориальными спорами о Триесте или зоне между Чивидале и Джемонай, спорами, которые должны быть разрешены после разгрома врага" [45. Ф. 495. Оп. 74. Д. 259. Л. 16–17]. Хотя отправление ответа, намечавшееся на 18 марта, задержалось на десять дней (что свидетельствует о том, что в советских верхах раздумывали, какую линию тактически целесообразнее избрать в данном вопросе), тем не менее в конечном счете был санкционирован и передан по радио Карделю и Квинто текст, подготовленный Димитровым [48. S. 459]. Содержание ответа означало тактическую установку на то, чтобы на время, возможно, до окончания войны или во всяком случае до полного освобождения Югославии и Италии от фашистской оккупации, отложить вопрос о Триесте и прилегающих районах. Такая установка, с одной стороны, была направлена на то, чтобы предотвратить дальнейшее осложнение отношений между новой Югославией и итальянскими коммунистами по этому вопросу. С другой стороны, она давала Москве возможность избежать нежелательной для нее в тогдешней ситуации ангажированности в пользу одного из участников спора, которая была чревата опасностью серьезного недовольства другого.

Директива, содержащаяся в ответе Карделю и Квинто, явилась выражением той

же самой линии, которая чуть позже, в середине апреля 1944 г., была обозначена в уже упоминавшемся выше проекте телеграммы, предназначавшейся для отправления в адрес Тито. Таким образом, по крайней мере уже весной 1944 г. три существенных фактора – стремление предотвратить нежелательные осложнения с западными союзниками, усилия, направленные на то, чтобы наладить отношения с правительством Италии, и необходимость погасить трения между КПЮ и ее товарищами из ИКП – толкали Кремль к тактическому решению не будировать вопрос о Триесте и всей спорной области, выжидая, когда сложатся более подходящие условия для его постановки, а соответственно, уклоняясь пока от того, чтобы заявить о своей позиции относительно решения этого вопроса.

Перечисленные факторы продолжали действовать и в течение последующего времени. А потому советская тактика оставалась неизменной. Однако параллельно в Москве шла разработка проектов тех решений, с которыми можно было бы выступить позже, при послевоенном урегулировании. В ходе разработки, осуществлявшейся в упомянутой выше комиссии Литвинова, между ее членами проявились различия в подходе к триестскому вопросу, связанные главным образом с не совсем одинаковыми представлениями об общем направлении советской внешнеполитической стратегии и тактики в Европе и, в частности, в средиземноморской зоне. Как уже отмечалось при анализе архивных материалов комиссии, сам Литвинов и некоторые другие ее члены исходили из того, что при послевоенном урегулировании необходимо проводить дифференцированную, более мягкую линию в отношении Италии, чем в отношении Германии, имея в виду желательность поощрения потенциальной роли Италии как противовеса стремлению Англии к гегемонии на Средиземноморье. Странники такой точки зрения не были склонны к простому отторжению Триеста от Италии в пользу Югославии, а искали более умеренные варианты решения, считая, например, что наилучшим для советской стороны было бы выступить за интернационализацию Триеста. По их мнению, это позволило бы Москве избежать негативной реакции на советскую позицию со стороны как Италии, так и в целом европейского общественного мнения, а в то же время открыло бы возможности советского присутствия на Адриатике. Между тем влиятельный член комиссии, заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский, полагавший необходимым при послевоенном урегулировании проведение единообразной жесткой линии в отношении не только Германии, но и ее бывших союзников, чтобы не создавать опасности прецедента, который мог бы быть использован затем Англией как часть антисоветской политики в Германии, выступал против каких-либо смягчений для Италии и в том числе высказывался за передачу Триеста Югославии [49. Р. 290–191].

Первая из названных точек зрения была ближе той уже отмечавшейся выше акции, которую в начале 1944 г. предпринял Сталин, установив отношения СССР с правительством Бадольо и продиктовав ИКП тактику "поворота в Салерно". Однако вторая точка зрения серьезно подкреплялась все большими успехами движения, руководимого КПЮ, и все ошутимее обозначавшейся перспективой утверждения коммунистического режима в Югославии. Это осложняло для советской стороны выбор будущего решения относительно Триеста. В сентябре 1944 г. комиссия Литвинова подготовила документ под названием "Обращение с Италией", в котором рассматривались проблемы, касавшиеся выработки будущего мирного договора с этой страной, и в том числе, ревизии итало-югославской границы в пользу Югославии. В документе предлагались разные принципы решения, хотя в целом в нем, пожалуй, в большей мере проведена линия на осуществление ревизии, причем фактически с охватом той же территории, на которую распространялись югославские претензии, включая и Триест. Хотя в документе отмечалось, что Триест является по составу населения преимущественно итальянским городом, но при этом подчеркивались как наличие в нем значительного славянского меньшинства, так и, главное, экономическая роль Триеста как порта, обслуживавшего прежде всего бассейны рек Сава и Драва с их югославским населением, а не долину реки По, населенную итальянцами. Этим ар-

гументировался вывод о возможности передачи Югославии не только этнически тяготеющих к ней районов, окружавших Триест, но и самого города с его портом (об этом см.: [50. С. 64]). Однако альтернативность выбора по-прежнему оставалась даже на уровне предложений комиссии, а на более высоком уровне, об окончательном решении пока и вовсе речи не было. Во всяком случае в течение 1944 – первых месяцев 1945 г. советская сторона упорно предпочитала не выступать со своей позицией ни в отношении послевоенной принадлежности спорной территории, ни по поводу оккупационного управления ею после предстоявшего освобождения от немцев.

Между тем не только англичане, выдвинувшие свои предложения на Крымской конференции, и американцы, попытавшиеся прозондировать советскую позицию в середине марта 1945 г., были заинтересованы в том, чтобы выяснить намерения Москвы и, если удастся, склонить ее к согласию со своими планами. Не меньшая заинтересованность возникла у младших коммунистических партнеров и подопечных Кремля – новой Югославии и итальянских коммунистов.

Руководство новой Югославии, значительно активизировав, как уже говорилось, с начала осени 1944 г. подготовку к тому, чтобы в максимально возможной степени устандвить свой контроль в спорной области, серьезно нуждалось для осуществления таких планов в действенной советской политической поддержке. И в этом смысле не было бы ничего удивительного, если бы Тито, выступивший 12 сентября 1944 г. с упоминавшейся ранее речью, в которой вновь были публично подтверждены территориальные претензии к Италии, несколько дней спустя, во время своего тайного визита в Москву в конце сентября, обсуждал данный вопрос со Сталиным и другими советскими представителями. Но в документах из российских и югославских архивов, которые пока оказалось возможным исследовать, не удалось обнаружить ответа на вопрос о том, имело ли тогда место подобное обсуждение. Какими-либо записями переговоров, которые велись во время визита Тито, мы не располагаем. Позднее, в начале января 1945 г., когда в Москву с поручением от Тито прибыл член политбюро ЦК КПЮ и член НКОЮ Андрия Хебранг, поднявший перед Молотовым, а затем и перед Сталиным территориальные требования к ряду соседних государств, и в том числе к Италии, он упомянул в беседе с Молотовым, что, "как ему кажется, маршал Тито об этом уже говорил во время своего пребывания в Москве" [24. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 1]. Однако ни Молотов, ни принявший Хебранга на следующий день Сталин ничем даже не намекали на какой-либо разговор с Тито в сентябре 1944 г. по вопросу о территориальных претензиях Югославии к Италии, так же как на какие-нибудь другие советско-югославские контакты в течение последних месяцев 1944 г. по этому поводу [24. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 1–7; 51. С. 118–133]. Но во время визита самого Хебранга данная проблема обсуждалась специально.

Хебранг был прислан в начале января 1945 г. в Москву с особыми полномочиями от Тито для переговоров на самом высоком советском уровне по вопросам, которые югославское коммунистическое руководство считало особенно важными в тот момент, когда новая Югославия уже превратилась из повстанческой власти в подлинное государство в ходе развернувшегося освобождения страны от фашистской оккупации. Наряду с вопросами получения от СССР, во-первых, экономической помощи, а во-вторых, – помощи в вооружении, обучении и реорганизации югославской армии, третьей важнейшей проблемой, которую Хебрангу было поручено обсудить с советской стороной, являлись территориальные интересы Югославии, затрагивавшие ее соседей. Сразу же по приезде, при встрече с Молотовым 8 января и в беседе со Сталиным 9 января Хебранг выдвинул претензии югославского коммунистического режима на те или иные территории почти всех сопредельных стран. Наряду с Италией речь шла об Австрии (Каринтия), Венгрии (район Печи и Байский треугольник), Румынии (районы Тимишоары и Решицы), Греции (Эгейская Македония с Салониками) [24. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 1; 51. С. 126–128, 129–130]. В отношении Болгарии имелась в виду не только ее часть Македонии (Пиринская Македония), но, по сути, вся болгарская территория, поскольку югославское руководство, и Хебранг по

его поручению, настаивали на том, чтобы в планировавшуюся югославо-болгарскую (южнославянскую) федерацию, о которой с санкции Москвы велись тогда переговоры между Белградом и новым болгарским режимом, фактически возглавлявшимся коммунистами, Болгария была включена на тех же основаниях, что и каждая из шести федеральных единиц самой федеративной Югославии [24. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 2; 51. С. 128–129] (см. также [52. С. 98–99]). Это означало просто присоединение Болгарии к Югославии. Единственной из соседних стран, по поводу которой югославы через Хебранга не выдвинули никаких претензий, была Албания. Хебранг лишь подчеркнул чрезвычайно тесный дружеский характер югославо-албанских отношений [51. С. 130]. Однако, принимая во внимание, что реально к этому времени югославский режим играл роль патрона такого же режима, установленного в Албании, фактически тесные югославо-албанские отношения содержали тенденцию к интегрированию Албании в федеративную Югославию (подробнее см.: [52. С. 102, 105–106]).

В таком общем контексте югославских территориальных устремлений Хебранг на встречах с Молотовым и Сталиным поставил вопрос о претензиях к Италии. В советской записи беседы с Молотовым не отмечено, чтобы последний как-либо отреагировал на это (впрочем, он не отреагировал и на претензии к другим странам, за исключением Болгарии) [24. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 1–3]. Сталин же, принимая Хебранга днем позже, ответил на югославские пожелания относительно территорий, спорных с Италией: "...необходимо, чтобы сами эти области требовали своего присоединения к Югославии" [51. С. 127]. Так же он отвечал и на изложенные Хебрангом пожелания, касавшиеся территорий Венгрии, Австрии, Румынии. При этом Сталин пояснял, что югославам, т.е. сербам, словенцам, хорватам, проживающим в районах, на которые претендует Югославия, "надо выносить решения, шуметь" в пользу присоединения к ней, поскольку "надо иметь известные аргументы", чтобы можно было поставить эти вопросы на "будущей мирной конференции" [51. С. 126–128]. Молотов, присутствовавший на беседе Сталина с Хебрангом 9 января, сказал то же самое по поводу присоединения к Югославии Эгейской Македонии: "...этот вопрос греческие македонцы могут поставить сами" [51. С. 130]. Таким образом, советское руководство связало перспективу возможного удовлетворения территориальных требований югославского режима только с политико-дипломатическим решением в рамках общего послевоенного урегулирования в Европе, которое должно было осуществляться государствами-участниками антигитлеровской коалиции. Ни о каких силовых действиях Белграда, которые бы мог поддержать СССР, Сталин, судя по записи беседы с Хебрангом, ни словом не обмолвился.

Но в отличие от того, что касалось территориальных претензий к другим странам, Хебранг в отношении территории, которую югославы хотели получить у Италии, отреагировал на занятую Сталиным позицию ссылкой на решения, декларированные новой Югославией осенью 1943 г. Кроме того, Хебранг подчеркнул, что "с первых дней войны и по настоящее время в этих областях имеется широко развернутое партизанское движение югославы". А начальник верховного штаба югославской армии генерал Арсо Йованович, участвовавший в беседе вместе с Хебрангом, тут же добавил, что "на территории этих областей сейчас действуют 2 югославских корпуса, 1 дивизия и несколько партизанских отрядов. Эти области полностью находятся в югославских руках" [51. С. 127]. Очевидно, такое положение должно было, по мысли Хебранга и Йовановича, явиться весомым аргументом в пользу того, чтобы Сталин склонился к желательной Белграду более активной позиции в поддержку югославских устремлений в отношении территорий, спорных с Италией. Но никакой прямой реакции Сталина на эти сведения, сообщенные югославами, советская запись беседы не зафиксировала.

Однако, когда Хебранг, продолжая тем не менее попытку убедить руководителя СССР в уже вполне созревшей готовности населения указанных областей к объединению с Югославией, сказал, что "в Триесте и Риеке (Фиуме) имеются лишь малочисленные группы автономистов, которые требуют предоставления автономии для

этого района под протекторатом Англии", Сталин проявил несколько больший интерес. В записи беседы говорится: "Тов. Сталин спросил о численности этих групп, и когда выяснилось, что они весьма незначительны, полуслушя предложил их утопить" [51. С. 127]. Возможно, сталинская "шутка" была своего рода знаком благожелательного отношения к югославским требованиям в отношении Италии. Далее в записи беседы отмечено, что затем Сталин и Молотов "вспомнили о неофициальном разговоре с Черчиллем, в котором последний предлагал выделить Истрию в автономную область, которая бы позволила будущей Австрии получить выход к Адриатическому морю" [51. С. 127]. Но ничего более определенного о советской позиции в данной связи ни Сталин, ни Молотов, судя по записи, не сказали.

В целом югославские аппетиты в отношении всех окружающих стран, выяснившиеся в ходе беседы 9 января, были в итоге оценены Сталиным как чрезмерные. И ближе к концу встречи он прямо сказал Хебрангу о том, что "не имеет смысла" создавать положение, при котором югославы оказываются в состоянии враждебности с соседями и чуть ли ни собираются "воевать со всем миром" [51. С. 130]. А на следующий день в телефонном разговоре с Димитровым Сталин, рассказав ему о беседе с Хебрангом, так резюмировал свою оценку территориальных устремлений югославы: "Это неразумно. Не нравится мне их поведение. Хебранг, видимо, толковый человек и понял, что я ему говорил, но другие в Белграде погибают" [53. С. 460]⁵. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что, подчеркивая в беседе с Хебрангом и в разговоре с Димитровым непомерность югославских территориальных запросов, Сталин при этом упоминал всех соседей Югославии за исключением Италии [51. С. 128, 130; 53. С. 460]. Вряд ли это было случайно, принимая во внимание его позицию, высказанную еще в 1941 г., и ту ориентацию, которая, как уже говорилось, была характерна при выработке в НКВДе предложений о советской политике в отношении послевоенного устройства в Европе. Видимо, Кремль в начале 1945 г. был солидарен с югославскими стремлениями в отношении территории, спорной с Италией, и скорее настроен поддержать, насколько возможно, своих югославских союзников, но не в плане решения этого вопроса явочным порядком, путем установления там контроля югославских войск, а лишь при будущем мирном урегулировании после войны. Впрочем, судя по советской записи беседы с Хебрангом, Сталин предпочел пока вообще не ангажироваться и обещать что-либо определенное в смысле поддержки в вопросе о Триесте и всей спорной области. Прямого ответа по поводу югославских территориальных претензий к Италии Хебранг так и не получил. Не исключено, что эта советская позиция являлась одним из факторов, заставивших затем Тито на переговорах с Александером в феврале 1945 г. предложить компромиссное решение о разделе спорной области на две зоны, что гарантировало бы югославам установление их контроля хотя бы в ее восточной части – Истрии.

В еще большей степени, чем по отношению к югославам, такая советская политика по поводу Истрии и Триеста с прилегающими районами проявилась в отношении итальянских коммунистов.

Когда осенью 1944 – в начале 1945 г., в обстановке упоминавшейся выше активизации югославской подготовки к установлению контроля в спорной области, там вновь усилились осложнения между югославскими и итальянскими коммунистами (об этих осложнениях подробнее см.: [16. Р. 94–98]), руководивший в это время организациями ИКП в Венеции-Джулии Винченцо Бьянко-Витторио, только несколькими месяцами раньше, весной 1944 г., прибывший из СССР, обратился в конце 1944 – январе 1945 г. через подпольные каналы связи в Москву к Димитрову с критикой действий югославы. Он считал, что стремление последних к тому, чтобы решительно форсировать присоединение области к Югославии, включая и места с преобладанием итальянцев, прежде всего Триест, грозит изоляцией ИКП среди итальянского насе-

⁵ В этой публикации запись дана в переводе на болгарский язык. Мы цитируем русский оригинал записи по дневнику Димитрова, хранящемуся в архиве [54. Ф. 146 б. Оп. 2. А.е. 15].

ления, опасностью создания по национальному признаку единого фронта остальных итальянских политических сил против как ИКП, так и югославов, способно породить серьезную проблему положения в Италии в целом. Ответные рекомендации Димитрова, как и прежде, не касаясь того, как решить вопрос о спорной территории, сводились к необходимости уладить расхождения между тамошними итальянскими коммунистами и югославами путем переговоров, ставя во главу угла общую для обеих компартий задачу борьбы с гитлеровской Германией [45. Ф. 17. Оп. 128. Д. 799: Л. 39–49, 140–166, 217, 219, 222–224] (см. также [16. Р. 96–99]).

Советская сторона уклонилась от обозначения своей позиции по поводу этой территории и в связи с последовавшими затем обращениями в Москву самого Тольятти, выражавшего серьезную озабоченность ситуацией, которая складывалась на внутриитальянской политической сцене вокруг вопроса о Триесте. Еще в середине октября 1944 г. на встрече с посетившими Италию Карделем и другим ближайшим к Тито членом югославского коммунистического руководства Милованом Джиласом генеральный секретарь ИКП согласился с необходимостью того, чтобы в противоположность перспективе оккупации Венеции-Джулии войсками западных союзников и восстановления там "реакционной итальянской администрации" эта область была бы в ходе борьбы против немцев и итальянских фашистов занята "войсками маршала Тито" и чтобы там была установлена "народная власть", в организации которой в сотрудничестве с югославами участвовала бы и ИКП. В соответствии с этим Тольятти направил директивы организации ИКП в Венеции-Джулии, указав, что такая линия касается и Триеста, населенного в большинстве итальянцами. В переговорах с Карделем и Джиласом он не возражал, чтобы Триест принадлежал Югославии, при условии проведения там национальной политики, которая бы удовлетворяла итальянских жителей [30. S. 344, 456–457; 55. P. 957–958]. Однако Тольятти не учел, какие сложности для ИКП может породить эта проблема. И 9 февраля 1945 г. Димитров получил от него переданное через советское посольство в Риме послание, в котором говорилось, что "вопрос о городе Триесте и его будущий статус начинает интересовать общественное мнение" в Италии и что "им злоупотребляют наши враги для того, чтобы создать националистическое движение и изолировать коммунистическую партию". В связи с этим Тольятти, подчеркивая, что ИКП стоит на позиции совместных действий с Тито по освобождению Триеста от немцев и итальянских фашистов и по организации здесь "народной власти", указывал тем не менее на необходимость для ИКП выработки более конкретного решения о будущем Триеста. В послании высказывалась мысль предложить для Триеста статус свободного города, но говорилось, что против этого резко выступили бы другие партии в Италии, возможно, даже социалисты, тесно сотрудничавшие с ИКП, и выражалась неуверенность в том, что такое предложение было бы принято Югославией. Тольятти просил у Димитрова совет, "чтобы ориентировать наши будущие действия" по триестскому вопросу, который, как он писал, "может превратиться в один из наиболее важных вопросов итальянской политики" [53. С. 465]. Послание свидетельствовало о том, что, столкнувшись с перспективой неблагоприятной для ИКП реакции общественного мнения Италии на передачу Триеста Югославии, Тольятти фактически пытался отступить от той позиции, которую он занял на встрече с югославами в октябре 1944 г. Однако в предвидении острого отпора со стороны югославского руководства он старался заручиться поддержкой Москвы, формально как бы спрашивая у нее совета, а по сути внушая мысль, что линия на отказ от Триеста в пользу Югославии грозит ИКП опасной изоляцией в итальянском обществе и что поэтому необходим компромисс: получение Триестом статуса свободного города как максимальная уступка югославам. В случае, если бы советскую сторону удалось склонить к такому решению, Тольятти мог рассчитывать на то, что югославское коммунистическое руководство будет вынуждено с этим согласиться.

Однако в Москве не торопились отвечать лидеру ИКП. Только 21 февраля, 12 дней спустя после получения послания Тольятти, Димитров обратился к Молотову за ин-

струкциями о содержании ответа. На что ушли эти 12 дней, изученные нами архивные материалы не поясняют. Любопытно, что даже с таким опозданием Димитров, в отличие от того, что практиковалось в большинстве случаев, не направил Молотову никакого проекта ответа либо предложения о том, в каком духе его было бы целесообразно составить, а лишь запросил указания [45. Ф. 17. Оп. 128. Д. 799. Л. 1]. Как видно из документов, затяжка продолжалась и на следующем этапе: Димитров получил эти указания еще десяток дней спустя. Причем в качестве ориентира, которым следовало руководствоваться при подготовке ответа, ему был прислан из НКВД СССР материал, составленный в комиссии Литвинова [45. Ф. 17. Оп. 128. Д. 799. Л. 2, 4]. Из архивных данных остается неясным, что это был за материал: то ли упоминавшийся нами выше документ "Обращение с Италией", то ли еще какой-то, в котором шла речь о проблеме изменения итало-югославской границы. Во всяком случае, направляя 7 марта на утверждение Молотову проект телеграммы, которая предназначалась для отправки в адрес генерального секретаря ИКП, Димитров указал, что проект подготовлен "в соответствии с запиской т. Литвинова" [45. Ф. 17. Оп. 128. Д. 799. Л. 2]. Но о советской позиции в проекте было сказано весьма уклончиво: "Вопрос о Триесте еще не обсуждался. Имеются различные варианты, в том числе предложение интернационализировать его в международный порт под контролем международной комиссии" [45. Ф. 17. Оп. 128. Д. 799. Л. 3]. В сущности, тем самым дело сводилось к тому, чтобы на попытку Тольятти убедить советскую сторону в целесообразности предоставления Триесту статуса свободного города ответить ему, что не исключено рассмотрение и такого варианта, причем он предусматривал бы интернационализацию Триеста. Но ни о том, какие еще варианты могут быть, ни о том, какие из них Москва считала бы предпочтительнее, в проекте телеграммы речи не было. Единственное, на что намекалось, так это на возможность изъятия Триеста из-под итальянской власти: в проекте указывалось, что "Вам можно было бы, не заявляя сейчас об отказе от Триеста, не слишком ангажироваться в этом вопросе, учитывая возможные в будущем уступки в отношении Триеста" [45. Ф. 17. Оп. 128. Д. 799. Л. 3].

Но даже столь осторожный ответ, очевидно, не был утвержден, и телеграмма, проект которой Димитров представил Молотову, осталась неотправленной. Ибо во второй половине апреля в Москве было получено опять через советское посольство в Риме новое обращение Тольятти по поводу Триеста, в котором лидер ИКП ссылаясь на свое предыдущее обращение, но ни словом не упоминая о каком-либо советском ответе. В этом новом запросе Тольятти говорилось, что "вопрос о Триесте все больше используется реакционерами для возрождения националистического духа и антидемократического движения". Имелась в виду, конечно, обстановка внутри Италии. Ссылаясь на свой предшествовавший запрос в Москву, генеральный секретарь ИКП отметил, что уже сообщил тогда, "какая наша позиция по этому вопросу". Далее Тольятти указывал: "Мы предложили Тито встречу, чтобы определить общую линию, но до сих пор не получили возможности организовать эту встречу. Было бы желательно получить Ваш ответ, чтобы мы знали, в каком направлении наша партия может и должна развивать свою инициативу (какие конкретные предложения мы можем сделать народу, какую конкретную позицию занять в дискуссиях, которые могут развиваться в правительстве и т.д.)" [45. Ф. 17. Оп. 128. Д. 42. Л. 10].

Как видно из документов, получив этот второй запрос Тольятти по триестской проблеме, Москва опять предпочла промолчать: в мае генсек ИКП прислал третий запрос на ту же тему (о нем речь пойдет ниже), из которого следует, что ни на один из предыдущих он ответа не получил, а Димитров, информируя 18 мая Сталина о третьем запросе, с одной стороны, отметил, что "уже до этой телеграммы т. Эрколи (т.е. Тольятти. – Л.Г.) запрашивал совета, какую позицию должен занять он и итальянская компартия по вопросу о Триесте", а с другой стороны, вообще не упоминал о каких-либо ответах на вопросы лидера ИКП [45. Ф. 17. Оп. 128. Д. 716. Л. 45–47]. Очевидно, уже в марте 1945 г., рассматривая представленный Димитровым проект

ответа на первый запрос Тольятти, советское руководство приняло решение воздержаться пока от любого выражения своей позиции и продолжило затем эту тактику.

Таким образом, Кремль выжидал дальнейшего развития событий, оставляя в неведении о своих намерениях как западных союзников, так и коммунистических подопечных – новую Югославию и ИКП.

Однако во время визита югославской правительственной делегации во главе с Тито в Москву 5–16 апреля 1945 г. югославы вновь подняли перед советской стороной вопрос об изменении границы с Италией в пользу Югославии. Пока ни в российских, ни в югославских архивах не удалось найти записи бесед, которые в ходе этого визита велись Тито со Сталиным и Молотовым. Но в отечественных архивах имеется документально зафиксированное свидетельство того, что по крайней мере входивший в состав делегации югославский министр иностранных дел Иван Шубашич – бывший глава эмигрантского правительства, подписавший соглашение с Тито и вошедший в объединенное правительство Югославии, которое было образовано 7 марта 1945 г., в первой же беседе с Молотовым, состоявшейся 6 апреля, на следующий день после прибытия делегации в Москву, заявил о необходимости присоединить к Югославии Истрию. Причем, как указано в имеющейся советской записи беседы, Шубашич выразил мнение, что "если в ходе нынешней войны югославские войска займут Истрию, то в этом случае для Югославии будет легче разрешить вопрос об исправлении своих границ с Италией" [51. С. 194]. Эта позиция, которую Шубашич изложил Молотову вместе с выдвижением вновь югославских претензий на пограничные с Югославией районы Австрии и Венгрии [51. С. 194], была, несомненно, согласована с Тито. Показательно, что почти одновременно, накануне приезда делегации в Москву, югославское правительство 2 апреля 1945 г. уже направило идентичные ноты британскому, американскому и советскому правительствам с просьбой предоставить Югославии возможность участвовать в оккупации части австрийской территории, прилегающей к "старой югославо-австрийской границе", "особенно включая провинцию Корушка (т.е. Каринтия – Л.Г.), тем более, что в значительной части этих районов живет югославское население" [56. С. 23–24]. В сущности, тем самым Белград вновь выдвинул претензии на Каринтию, вопрос о которой югославское руководство неизменно ставило вместе с триестским вопросом (например, Тито в упоминавшейся выше речи 12 сентября 1944 г. и Хебранг в беседе со Сталиным 9 января 1945 г.). Причем на сей раз югославы прямо претендовали на то, чтобы их войска заняли Каринтию, аналогично тому, что Шубашич четыре дня спустя заявил Молотову по поводу Истрии. Не исключено, что Тито, памятуя об отрицательном отношении Сталина к планам, изложенным в январе 1945 г. Хебрангом, предпочел во время апрельского визита в Москву специально выпустить вперед для зондажа по вопросам о территориальных устремлениях Югославии, и в частности по поводу районов, спорных с Италией, именно Шубашича. Это давало бы возможность югославскому коммунистическому руководству, вынужденно пошедшему на временное частичное партнерство с бывшим эмигрантским премьером, не подставляться самому в случае опять негативной реакции Кремля и в любой момент дистанцироваться от сказанного Шубашичем на встрече с Молотовым. Заметим, что Тито в тот же день, 6 апреля, встречался со Сталиным в присутствии Молотова, но уже после того, как состоялась беседа Молотова с Шубашичем⁶.

Судя по советской записи беседы Молотова с Шубашичем, нарком иностранных дел СССР не выразил никакого определенного отношения к югославским территориальным претензиям, в том числе претензиям к Италии. Он ограничился только двумя осторожно-нейтральными замечаниями: во-первых сказал, что они могут лишь обсуждать эти вопросы, но не решать их, а во-вторых, в ответ на слова Шубашича о намерении югославо разработать "самую строгую и объективную аргументацию"

⁶ Беседа Молотова с Шубашичем началась в 17 часов и продолжалась полтора часа [51. С. 191, 195], а встреча Сталина с Тито в присутствии Молотова началась в 19 часов и закончилась в 21 час 30 минут [57].

своих требований реагировал репликой о том, что "трудно убедить всех объективной аргументацией" [51. С. 194]. Таким образом, Молотов продолжил тактику, сводившуюся к тому, чтобы пока уклониться от ангажированности как по поводу будущей принадлежности спорных территорий, так и относительно установления там военного контроля. Но, очевидно, на последовавших переговорах советского руководства, прежде всего Сталина, с Тито, состоявшихся во время визита, советская позиция изменилась. Хотя в распоряжении исследователей пока нет данных о ходе переговоров, однако об этом изменении можно судить по тем публичным заявлениям и практическим шагам, которые имели место в результате пребывания Тито в Москве.

Прежде всего еще накануне отъезда югославской делегации из советской столицы, 15 апреля 1945 г. газета "Красная звезда", орган народного комиссариата обороны СССР, опубликовала беседу Тито с сотрудником газеты, и в этой публикации, помимо прочего, содержалось следующее заявление руководителя Югославии: "Население Истрии и Триеста желает быть в составе новой Югославии, и мы уверены, что это желание будет осуществлено" [58]. Нет сомнений, что такая публикация могла появиться только вследствие решения, согласованного во время переговоров между советским руководством и Тито. На это тогда же обратил внимание временный поверенный в делах Великобритании в СССР Фрэнк Робертс в своем донесении Идену [27. S. 506]. Заметим, что в публикации "Красной звезды" речь шла об "Истрии и Триесте", в то время как в беседе с Молотовым 6 апреля Шубашич, согласно советской записи беседы, вел речь только об Истрии, а о Триесте с прилегающими районами не говорил вовсе. Архивные материалы, которые до сих пор оказались доступными для исследования, не содержат данных, позволивших бы выяснить, является ли отсутствие упоминания Шубашичем Триеста следствием того, что запись, быть может, не совсем точно передавала содержание его беседы с Молотовым, или же Шубашич действительно Триест не упоминал. Так же, как в случае, если имело место второе, мы не знаем, подразумевал ли Шубашич, когда сказал об Истрии, и Триест тоже или он имел в виду лишь собственно Истрию без Триеста и прилегающих к нему районов. Но отнюдь не исключено, что Тито, с которым предварительно согласовывалась позиция, которую Шубашичу следовало занять при встрече с Молотовым, вообще не считал в тот момент нужным обсуждать с бывшим эмигрантским премьером, а теперь своим министром иностранных дел что-либо, касавшееся Триеста, из опасения, как бы Шубашич, связанный с англичанами, ни проинформировал их, тем более после того, как Тито на февральских переговорах с Александром соглашался на установление в Триесте и прилегающих к нему районах, в отличие от Истрии, контроля военного командования западных союзников⁷. Однако, как бы ни было на самом деле, в любом случае публикация в "Красной звезде" выступала своеобразной демонстрацией того, что на апрельских переговорах советское руководство заняло позицию поддержки югославских претензий в отношении Италии, причем не только применительно к Истрии, т.е. восточной части спорной области, но и применительно к ее западной части, включавшей Триест. И это сразу же вызвало озабоченность Идена и Черчилля [27. S. 502].

Правда, при оценке публикации в "Красной звезде" перед историком неизбежно должен встать вопрос, значила ли она, что в Москве просто дали "добро" на то, чтобы югославы, вопреки февральскому заявлению Тито Александру, попытались осуществить военный захват не только восточной, но и западной части спорной территории, в том числе Триеста, опережая приход туда войск западных союзников, или публикация была лишь пробным шаром с целью прозондировать реакцию Лондона и Вашингтона, а возможно, и итальянского правительства.

⁷ Тито вообще предупредил Шубашича о визите в Москву лишь перед самой поездкой и держал его в неведении относительно своих основных переговоров с советским руководством, которые велись за спиной Шубашича. Последний участвовал лишь в тех встречах, которые были предусмотрены официальным протоколом. Это сразу же было отмечено британскими дипломатами, поддерживавшими контакт с Шубашичем, и затем на основе их донесений комментировалось в английском МИДе [59].

В этой связи небезынтересны имеющиеся документальные свидетельства о занятой одновременно советской позиции по аналогичному вопросу: относительно упомянутых выше претензий Белграда на оккупацию югославскими войсками Каринтии и некоторых других районов Австрии с этнически югославским населением, официально выдвинутых правительством Югославии накануне визита Тито в Москву. По этому вопросу советское руководство прямо санкционировало югославские пожелания. Вслед за отъездом Тито из Москвы, когда возглавляемая им югославская делегация еще находилась в СССР, советское посольство в Белграде передало 19 апреля министерству иностранных дел Югославии меморандум с ответом на югославскую ноту державам "большой тройки" от 2 апреля. В меморандуме содержалось уведомление о том, что правительство СССР поддерживает югославские пожелания по поводу участия в оккупации Австрии и готово предоставить возможность такого участия в советской оккупационной зоне. При этом в качестве условия указывалось, что югославские войска, которые будут размещены в районах, входящих в советскую зону оккупации, должны находиться под командованием главнокомандующего советскими войсками в Австрии [18. С. 442]. После того, как в конце апреля правительство Югославии официально подтвердило правительству СССР свое согласие с такой процедурой [18. С. 444–445], советские и югославские военные приступили в середине мая к практическому осуществлению ввода югославских воинских частей в советскую оккупационную зону [18. С. 455; 60. S. 713] (подробнее см.: [61. С. 176–177]). Это, как впоследствии отметил Сталин в беседе с послом Югославии в Москве Владимиром Поповичем 18 мая 1945 г., создавало прецедент и тем самым подкрепляло принятый явочным порядком незадолго до того ввод югославских войск в районы Каринтии, которые в соответствии с межсоюзнической договоренностью о перераспределении территорий между зонами оккупации Австрии должны были отойти в британскую зону [44. I-3-d/13. L. 5]⁸.

Ставшая таким образом осуществляться Москвой сразу после визита Тито линия на фактическую поддержку стремления Белграда обеспечить свое военное присутствие в районах Австрии, на которые претендовали югославы, представляла собой изменение советской позиции по сравнению с той, какая была занята Сталиным в январе 1945 г. при переговорах с Хебрангом. Это свидетельствует о том, что в апреле, когда советские войска продвинулись уже значительно дальше на запад, и в частности заняли обширную часть Австрии, включая ее столицу (они окончательно овладели Веной 13 апреля), Кремль решил, что в новых условиях можно попробовать перейти к активным действиям на северо-западной границе Югославии в интересах югославского режима.

Поскольку советское руководство сочло теперь допустимой попытку подкрепить территориальные претензии своего югославского союзника к Австрии вводом туда югославских войск, опубликование в "Красной звезде" заявления Тито об Истрии и Триесте было скорее всего результатом того, что Москва согласилась и с аналогичной акцией Белграда в той же северо-западной пограничной зоне в отношении Италии. Показательно и другое: на заседании политбюро ЦК КП Югославии 23 апреля 1945 г. Тито, только что вернувшийся из СССР, говорил одновременно о предстоявшем занятии югославскими войсками как районов Австрии, так и Истрии и Триеста. Объяснив присутствовавшим на заседании руководящим деятелям КП Югославии о том, что "наши части будут оккупировать часть Австрии", он тут же указал, что нужно "для Истрии, Триеста, Корушки (т.е. Каринтии. – Л.Г.) и австрийских районов" предусмотреть кадры, которые займут там должности комендантов в населенных пунктах,

⁸ Таким образом, британский временный поверенный в делах в СССР Робертс ошибался, когда в своем донесении из Москвы Идену 21 апреля полагал, что коль скоро в беседе, опубликованной "Красной звездой", Тито сказал о претензиях на Истрию и Триест, но промолчал о Каринтии, то это значит, что советское руководство не поддержало югославских территориальных претензий к Австрии [27. S. 506].

городах, будут осуществлять функции тыловых военных властей [18. С. 444]⁹. Это серьезное свидетельство в пользу того, что Тито заручился советским согласием не только на югославское военное присутствие в Австрии, но и на военную акцию в отношении Триеста и всей спорной области.

В результате сразу после возвращения Тито из СССР руководство Югославии в конце апреля и самом начале мая 1945 г. спешно направило усилия на то, чтобы югославские войска, опережая западных союзников, срочно заняли не только Истрию, но и Триест с прилегающими районами вплоть до реки Изонцо.

Окончание следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Durosselle J.-B.* Le Conflit de Trieste, 1943–1954. Bruxelles, 1966.
2. *Novak B.* Trieste 1941–1954: The Ethnic, Political, and Ideological Struggle. Chicago; London, 1970.
3. *Cox G.* The Race for Trieste. London, 1977.
4. *Jeri J.* Tržaško vprašanje po drugi svetovni vojni: Tri faze diplomatskega boja. Ljubljana, 1961.
5. *Kostić U.* Oslobođenje Istre, Slovenačkog Primorja i Trsta 1945: Ofanziva jugoslovenske 4 armije. Beograd, 1978.
6. *Pupo R.* La rifondazione della politica estera italiana: la questione giuliana (1944–1946): Linee interpretative. Udine, 1979.
7. *De Castro D.* La questione di Trieste: L'azione politica e diplomatica italiana dal 1943 al 1954. Trieste, 1981. Vol. I–II.
8. *de'Robertis A.G.* Le grandi potenze e il confine giuliano 1941–1947. Bari, 1983.
9. *Valdevit G.* La questione di Trieste 1941–1954: Politica internazionale e contesto locale. Milano, 1987.
10. *Губианский Л.Я.* К истории триестского кризиса 1945 г. // Славяне и Россия: К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1972.
11. *Gualtieri R.* Togliatti e la politica estera italiana: Dalla Resistenza al trattato di pace 1943–1947. Roma, 1995.
12. *Aga-Rossi E., Zaslavsky V.* Togliatti e Stalin: Il PCI e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca. Bologna, 1997.
13. *Pons S.* L'impossibile egemonia: L'URSS, il PCI e le origini della guerra fredda (1943–1948). Roma, 1999.
14. *Gibjanskij L.* L'Unione Sovietica, la Jugoslavia e Trieste // La crisi di Trieste. Maggio-giugno 1945: Una revisione storiografica. (Collana "i Quaderni di Qualestoria", 9). Trieste, 1995.
15. *Gibiansky L.* La questione di Trieste tra i comunisti italiani e jugoslavi // L'altra faccia della luna: I rapporti tra PCI, PCF e Unione Sovietica. Bologna, 1997.
16. *Gibjanskij L.* Mosca, il PCI e la questione di Trieste (1943–1948) // Dagli archivi di Mosca: L'URSS, il Cominform e il PCI (1943–1951). Roma, 1998.
17. *Губианский Л.Я.* Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война. М., 1998.
18. Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998.
19. Dagli archivi di Mosca: L'URSS, il Cominform e il PCI (1943–1951). Roma, 1998.
20. *Šnuderl M.* Dokumenti o razvoju ljudske oblasti v Sloveniji. Ljubljana, 1949.
21. Izvori za istoriju SKJ. Serija A. Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija (1941–1945) (далее DCO KPJ). Beograd, 1990. Knj. 13.
22. Zapisnici NKJ-a i Privremene vlade DFJ 1943–1945. Beograd, 1991.
23. *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991.
24. Архив внешней политики Российской Федерации.

⁹ К сожалению, в этой публикации соответствующий фрагмент протокола заседания политбюро ЦК КПЮ от 23 апреля 1945 г. переведен на русский язык не совсем точно (см. югославское издание той же публикации: [62. С. 736–737]). На упомянутое заявление Тито, сделанное в ходе заседания 23 апреля, как на свидетельство того, что во время визита в Москву он заручился советской поддержкой, уже обращалось внимание в историографии, в частности югославским (словенским) исследователем Д. Бибером [63. С. 676–677].

25. Эрман Дж. Большая стратегия: Август 1943 – сентябрь 1944. М., 1958.
26. Churchill W.S. The Second World War. London, 1954. Vol. VI.
27. Tito-Churchill. Strogo tajno. Beograd; Zagreb, 1981.
28. Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije (далее DSP SFRJ). 1941–1945. Beograd, 1989. Т. II.
29. DCO KPJ. Beograd, 1986. Knj. 19.
30. DCO KPJ. Beograd, 1987. Knj. 20.
31. Dilas M. Revolucionarni rat. Beograd, 1990.
32. Эрман Дж. Большая стратегия: Октябрь 1944 – август 1945. М., 1958.
33. Macmillan H. The Blast of War. 1939–1945. New York; Evanston, 1968.
34. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. М., 1979. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.).
35. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее FRUS). 1945. Washington, 1968.
36. Оснивачки конгрес КП Србије (8–12 мај 1945). Beograd, 1972.
37. Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1971. Vol. III.
38. FRUS. 1945. Washington, 1967. Vol. V.
39. Churchill W.S. The Second World War. London, 1950. Vol. III.
40. Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1971. Vol. II.
41. Документы внешней политики. М., 2000. Т. XXIV.
42. Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995.
43. "Заняться подготовкой будущего мира" // Источник. 1995. № 4(17) (Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 4).
44. Arhiv Josipa Broza Tita (Белград), Fond Kabinet Maršala Jugoslavije.
45. Российский государственный архив социально-политической истории.
46. Наринский М.М. Тольятти, Сталин и "поворот в Салерно" // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995.
47. DCO KPJ. Beograd, 1986. Knj. 15.
48. DCO KPJ. Beograd, 1986. Knj. 16.
49. Pons S. In the Aftermath of the Age of Wars: the Impact of World War II on Soviet Security Policy // Russia in the Age of Wars, 1914–1945 (Fondazione Giangiacomo Feltrinelli: Annali. Anno Trentaquattresimo. 1998). Milano, 2000.
50. Агафонова Г.А. Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМИД // Сталин и холодная война. М., 1998.
51. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. М.; Новосибирск, 1997. Т. I. 1944–1948 гг.
52. Гибанский Л.Я. Балканский узел // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М.
53. Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997.
54. Централен държавен архив. София.
55. Aga-Rossi E., Zaslavsky V. L'URSS, il PCI e l'Italia: 1944–1948 // Storia Contemporanea (Roma). 1994. № 6.
56. DSP SFRJ. 1945. Beograd, 1984.
57. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. // Исторический архив. 1996. № 4. С. 96.
58. Красная звезда. 1945. 15.IV.
59. Public Record Office. Foreign Office. 371/48928, R 6175/2808/92; R 6838/2808/92; R 6399/2808/92; R 6697/2808/92; R 7704/2808/92. P. 1.
60. Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988.
61. Гибанский Л.Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987.
62. Относи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Документи и материјали. Beograd, 1996.
63. Biber D. Trst, Trieste ali Trieste: Geneza in dileme o tržaški krizi // Konec druge svetovne vojne v Jugoslaviji. Ljubljana, 1986 (Borec. Št. 12).

© 2001 г. В.В. МАРЬИНА

К СОБЫТИЯМ В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ (ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЕ) ОСЕНЬЮ 1944 – ЗИМОЙ 1945 ГОДА*

29 июня 1945 г. в Москве был подписан Договор о Закарпатской Украине, согласно которому эта область, входившая ранее в состав Чехословакии под названием Подкарпатская Русь (ПР), воссоединялась "со своей издавней родиной – Украиной" и включалась в состав Украинской ССР [1. С. 78–79]. В официальных и неофициальных документах, речах политических деятелей периода Второй мировой войны, в научной литературе и публицистике указанная территория называлась по-разному: Закарпатская Украина (ЗУ), Карпатская Русь, Карпатская Украина, Подкарпатская Украина, Подкарпатье, Закарпатье и пр. Учитывая, что согласно чехословацкой Конституции в рассматриваемые годы данная область именовалась Подкарпатская Русь, автор статьи будет пользоваться преимущественно этим термином.

До конца Первой мировой войны ПР входила в состав Венгрии (Австро-Венгерской империи) и называлась Угорская Русь. Ее судьба была решена на Парижской мирной конференции (18 I 1919 – 21 I 1920). По Сен-Жерменскому мирному договору с Австрией (10 сентября 1919 г.) ПР была включена в состав Чехословакии. Согласно договору она обязалась предоставить этой области автономию с широким самоуправлением и своим сеймом. Автономия ПР была подтверждена и чехословацкой Конституцией 1920 г. Однако фактически этого не произошло. Только после Мюнхена чехословацкое правительство предоставило автономию как Словакии, так и Подкарпатской Руси. В ноябре 1938 г. по Венскому арбитражу Германии и Италии южная часть Словакии и юго-западная часть Подкарпатской Руси были переданы Венгрии. 14–16 марта 1939 г. при окончательном разделе Чехословакии ПР была полностью оккупирована венгерскими войсками. Ее территория составляла 12 617 кв. км, на ней проживало по данным на 1930 г. примерно 750 тыс. человек, в том числе около полумиллиона "карпатских украинцев (русин)", по сто тысяч венгров и евреев, а также пятьдесят тысяч чехов, немцев и румын (см. Справки о Закарпатской Украине [2. Д. 707. Л. 70; Д. 764. Л. 38]). До лета 1939 г. на этой территории существовала военная диктатура. Руководители компартии Чехословакии в ПР О. Борканюк, С. Вайс, И. Турияница, Г. Феер эмигрировали в Советский Союз [3. С. 148]. Многие тысячи жителей ПР предпочитали самостоятельное решение проблемы и нелегально переходили новую советско-венгерскую границу, рассчитывая получить на российской

Марьина Валентина Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ: Грант № 00-01-00224.

стороне понимание и поддержку. Однако здесь их ждало горькое разочарование: большинство за нелегальный переход границы попали в лагеря НКВД, а позже составили значительную часть чехословацких воинских формирований в СССР.

Германия, вынашивавшая идею создания под своей эгидой "Великой Украины", намечалась включить в нее и ПР, которая по настоянию немцев еще в 1939 г. была переименована в Карпатскую Украину [4. С. 265; 5. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 111]. "Подкарпатскую карту" в своих интересах во время войны пытались разыгрывать также Венгрия, Польша и Словакия [6. С. 198–240; 7. С. 514–533]. Постановка вопроса о государственной принадлежности ПР, если говорить о советско-чехословацких отношениях, имела свои отличия на разных этапах Второй мировой войны. Первый из них, 1939 – лето 1941 г., может быть охарактеризован, что касается чехословацкой стороны, словами, выражающими позицию президента в изгнании Э. Бенеша: Подкарпатская Русь должна принадлежать либо нам, либо России, венграм – никогда. СССР в этот период в силу особенностей своей внешней политики и складывавшейся международной обстановки не мог пойти на то, чтобы "взять себе" ПР, хотя ситуация, например, осенью 1939 г. или летом 1940 г. и благоприятствовала этому. Для второго этапа, 1941–1943 гг., характерна позиция Бенеша, состоявшая в утверждении: Чехословакия должна быть восстановлена в домюнхенских границах, это – государство трех братских народов – чехов, словаков и подкарпатских украинцев. СССР занимал сдержанно-выжидательную позицию в вопросе о дальнейшей судьбе ПР и никак не афишировал свои намерения. Третий этап, 1944–1945 гг., связан с освобождением ПР от венгерско-немецкой оккупации (в марте 1944 г. Венгрия сама была оккупирована Германией) и развернувшимся там движением за присоединение к Советскому Союзу (УССР). Именно этот период и рассматривается в статье.

12 декабря в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией [8. С. 132–135]. Состоялось несколько встреч Бенеша с В.М. Молотовым и И.В. Сталиным. 16 декабря во время второй беседы Бенеша с Молотовым обсуждался и вопрос о Подкарпатской Руси. Чехословацкий президент был реалистом в политике и мастером политического торга, чутко угадывавшим намерения партнера (или противника) по игре и стремившимся извлечь из этого пользу для себя. В вопросе о будущем ПР он исходил из убеждения, изложенного им в разговоре с министром польского эмигрантского правительства Я. Станьчиком 12 ноября 1943 г., т.е. за несколько дней до своего отлета в СССР с целью заключения договора: "Скажу Вам, чего хотят русские: окончательно решить украинский вопрос. Без этого они войну не окончат и действуют в соответствии с этим" [9. С. 350].

Бросается в глаза, что во время упомянутой беседы с Молотовым уже не говорилось о Подкарпатской Руси, а употреблялся термин Закарпатская Украина. В советской записи беседы под пунктом № 10 "О будущем государственном устройстве Чехословакии" значится: "Говоря о Закарпатской Украине, Бенеш заметил, что их прежняя политика там имела ошибки. Теперь они хотят максимального развития русской и украинской культуры. Сохраняя Закарпатскую Украину в составе Чехословакии, Бенеш надеется сплотить ее со всей страной на базе славянской культуры" [5. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 18]. В чешской записи беседы при этом зафиксирована реплика Молотова: "Хорошо" [10. С. 157]. В Меморандуме чехословацкого правительства, касающемся положения Чехословакии и решения ее национального вопроса в будущем, говорилось, что ЧСР станет "государством чехов и словаков, к которому присоединена Закарпатская Украина с особым автономным режимом" [10. С. 171–172]. Во время беседы Бенеша со Сталиным 18 декабря 1943 г., записанной послом Чехословакии в СССР З. Фирлингером, советский руководитель задал вопрос относительно ПР и "с удовлетворением" принял к сведению, что "мы считаем ее население украинцами. Президент повторил свою точку зрения, что в культурном отношении следует приспособить Подкарпатскую Русь к остальной Украине" [10. С. 179]. Думается, что инициатором этой идеи был сам Бенеш, чутко уловивший

замыслы СССР в отношении ПР и как бы авансировавший Москву за ее согласие отложить решение вопроса на послевоенное время и на законных основаниях. Советское же руководство пока устраивала своего рода промежуточная позиция Бенеша в отношении ПР, свидетельствующая о его намерениях не противиться в будущем возможному присоединению этой области к СССР (Украине). Обе стороны прекрасно понимали, что именно так и будет, но предпочитали в данный момент не ставить точку над "i". 24 января 1944 г. статс-секретарь чехословацкого МИД Г. Рипка отправил депешу чехословацким дипломатическим представителям о результатах переговоров Бенеша в Москве, в которой говорилось: "Подчеркиваю, что с советской стороны не предъявляется никаких претензий на Подкарпатскую Русь. Советское правительство считает ее частью ЧСР" [11. С. 141].

Разговоры в Москве велись также о возможной помощи со стороны СССР готовящемуся на территории Чехословакии восстанию, которое должно было начаться "в благоприятный момент в зависимости от ситуации на фронтах". В качестве возможных районов восстания на территории ПР назывались Рахово, Волове, Воловец, Березны, Медзилаборце [11, С. 117]. Но, как считает чешский исследователь Й. Шолц, "на Подкарпатской Руси вообще не удалось создать сколько-нибудь влиятельного движения сопротивления с программой восстановления ЧСР" [12. С. 11]. Этой области исторически были свойственны русо- и украинофильские настроения, которые усилились после оккупации ПР Венгрией. Поэтому чехословацкое правительство, опираясь на советско-чехословацкий договор 1943 г., намеревалось хотя бы временно, до окончания войны, удержать эту область под своей властью. 8 апреля 1944 г. советские войска вышли к домюнхинским границам Чехословакии на участке ПР. 8 мая советский посол при союзных правительствах в Лондоне В.З. Лебедев и Рипка поставили свои подписи под Соглашением об отношениях между советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии [8. С. 160–162]. Текст Соглашения был подготовлен чехословацкой стороной и почти без изменений принят советским руководством [10. С. 238–239, 245–248, 251, 255–256].

Подписание Соглашения явилось и для советской, и для чехословацкой сторон импульсом к активизации действий перед началом освобождения чехословацкой территории. Москва заинтересована была в развитии там партизанского движения, естественно под советским контролем и управлением. В мае 1944 г. Украинский штаб партизанского движения (УШПД) направил на территорию ПР три группы десантников, которые высадились в районах Тячев, Мукачево и Свалява, чтобы помочь местным коммунистам-подпольщикам создать партизанские отряды, 17 июня 1944 г. по просьбе заграничного бюро ЦК КПЧ в Москве было принято постановление политбюро ЦК КП(б)У об оказании помощи КПЧ в организации партизанского движения на территории Чехословакии. УШПД предписывалось "сформировать и направить на территорию Карпатской Украины и Словакии 10 украинских организаторских партизанских отрядов, численностью 10–15 человек каждый". Они должны были выйти в районы Великий Бочков, Мукачево, Ужгород, Гуменне и Прешов, чтобы "произвести связь с местным населением и из числа патриотов Чехословацкой Республики организовать партизанские отряды" [13. С. 85–86]. 14 июля 1944 г. чехословацкий военный атташе в Москве Г. Пика сообщал чехословацкому министру обороны С. Ингру в Лондон: "Партизанский штаб уже имеет две группы на нашей территории и, кроме этого, подготовил 12 групп по 12–30 человек (лучших украинских партизан с двухлетним опытом) для районов: Прешов – 2 группы, Гуменне – 2 группы, Перечин – 3 группы, Мукачево – 3 группы, Рахово – 2 группы, которые будут заброшены туда, невзирая на наше мнение" [8. С. 171]. С мая по октябрь 1944 г. на территорию ПР было сброшено 262 опытных партизана. Организаторские группы, состоявшие из 15–20 человек, включали, как правило, нескольких украинцев. В июне-сентябре 1944 г. в Закарпатье действовали отряды под командованием И. Косика, В. Лаврова, И. Маслова, С. Сопилкова, героя Советского Союза А. Тканка, В. Русина,

В. Буянова, В. Хоменко, М. Перечинского, В. Магориты [3. С. 361–362]. Партизаны установили контакт с пятью подпольными коммунистическими организациями, насчитывавшими свыше 720 человек. Боевые операции велись в районах Вел. Березнова, Перечина, Ужгорода, Мукачева, Свалявы [14. С. 417]. Кроме того, свои диверсионные и разведывательные группы на территорию ПР направляли советское военное командование и НКВД [11. С. 220]. Руководили партизанскими отрядами, как правило, советские офицеры. Чехословацкое эмигрантское правительство не имело в партизанском движении влияния [8. С. 174], опасалось его развития и делало ставку на восстание при опоре на мятежные части словацкой армии.

Бенеш и его окружение (особенно военные) были встревожены активностью УШПД в ПР, тем более, что она последовала за заявлениями советских официальных лиц, сделанными, в частности, в связи с преобразованием НКВД СССР и возникновением "самостоятельных" НКВД УССР и БССР, решение о чем было принято на сессии Верховного Совета СССР 1 февраля 1944 г. Фирлингер, выслушавший внимательно выступления украинских представителей на сессии, в беседе с замминистра иностранных дел СССР А.Е. Корнейчуком 2 февраля, высказал свое недоумение по поводу заявления председателя Верховного Совета УССР М.С. Гречухи о том, "что надо объединить всех украинцев". "Я понял, – записал Корнейчук в своем дневнике, – что этим Фирлингер хотел выяснить, не имел ли в виду Гречуха также и Карпатскую Украину". Корнейчук уклонился от прямого ответа и сказал ему, что "на Запад от линии Керзона, например, на Холмщине или в районе Перемышля, имеется много украинцев и вполне естественно, что представители украинского народа обратились с просьбой к советскому правительству помочь Украине объединить всех украинцев". "Заявление т. Гречухи о реорганизации НКВД видимо встревожило его (Фирлингера. – В.М.)", – записал Корнейчук [5. Ф. 0138а. Оп. 25в. П. 154. Д. 5. Л. 8. 13–16].

Выход УССР на международную арену, активное развертывание в ПР партизанского движения, руководимого УШПД из Киева, видимо, заставили Бенеша снова повторить в разговоре с Лебедевым 12 июля 1944 г., что "в определенное время мы договоримся о том, чтобы русские взяли также Подкарпатскую Русь" [10. С. 266]. Являясь решительным сторонником восстановления Чехословакии в домюнхенских границах, президент намеревался, по его словам, отстаивать это право "до последнего дыхания" [2. Д. 764. Л. 72].

9 сентября 1944 г. началась Карпато-Ужгородская операция 4-го Украинского фронта, целью которой было разгромить противника в Восточных Карпатах и выйти в район Ужгород – Мукачево – Чоп. Войска фронта, преодолев 9 октября Главный Карпатский хребет, "продвинулись в глубь территории Чехословакии от 20 до 50 км на фронте протяжением 275 км". Соединения и части, наиболее отличавшиеся в боях за преодоление Карпат, получили наименование "Карпатских". 18 октября Москва салютовала в их честь [13. С. 211–212]. 23 октября был взят г. Хуст, 26 октября освобожден г. Мукачево, а 28 (по другим данным 27) октября – Ужгород.

20 октября чехословацкое правительство приняло решение о направлении правительственной делегации "на освобожденную территорию Карпатской Украины". Советские органы дали разрешение на размещение чехословацкой правительственной делегации лишь в Хусте, мотивируя это тем, что Ужгород является зоной оперативных действий. 28 октября, т.е. в день государственной независимости Чехословакии, правительственная делегация во главе с министром экономики и реконструкции социал-демократом Ф. Немецем прибыла в Хуст. 29 октября Немец направил телеграмму Сталину, в которой говорилось, что он "принял власть в освобожденных районах Чехословацкой Республики" [13. С. 223]. Аналогичная телеграмма была послана и Бенешу. В ней Немец выражал надежду, что президент как можно скорее прибудет на освобожденную территорию. В Лондоне ликовали [2. Д. 764. Л. 190], но радостью была преждевременной. 1 ноября НКВД счел необходимым конфиденциально указать Фирлингеру, что формулировка в телеграмме Немеца точно не отвечает принципам Соглашения о компетенции правительственного делегата и что

вопрос о переезде на освобожденную территорию президента и правительства пока не актуален, поскольку Карпатская Украина до сих пор является военной зоной [10. S. 316].

11 ноября 1944 г. Пика посредством радиодепеши информировал министра иностранных дел Я. Масарика и Ингра о наборе жителей ПР в Красную Армию. Он передал и текст вывешенных по этому поводу для всеобщего ознакомления объявлений, сообщенный членом правительственной делегации генералом А. Гасалом: "От русского и украинского населения Подкарпатской Украины приходят вопросы о том, как вступить добровольно в Красную Армию. Объясняем, что граждане Подкарпатской Украины, русские и украинцы, могут вступить добровольно в ряды Красной Армии, чтобы сражаться с оружием в руках против немецких и венгерских захватчиков. 2. По всем вопросам, связанным с добровольным вступлением в ряды Красной Армии, обращайтесь к военному командованию. 3. В Красную Армию принимаются добровольцы до 40 лет". В Лондоне были обеспокоены этой информацией. Секретарь Бенеша Э. Таборский записал в своем дневнике 12 ноября: «Из ПР доходят тревожные сообщения о вызывающем удивление советском поведении. Подкарпатским русинам публично через советские объявления предлагается вступать в советскую армию. А Москва вчера по радио передавала заявление, которое якобы было отправлено Сталину с торжеством по случаю 27 годовщины Октябрьской революции, прошедших в Ужгороде 7 ноября. В нем кроме прочего говорится: "наши мысли и стремления были всегда с народом украинским и русским. К нашим братьям по крови были обращены наши взгляды и надежды. Нашим вечным сном было и есть – жить в единой и общей семье с украинским народом". Что это может означать? Ведь это же явная агитация за присоединение Подкарпатской Руси к СССР. Удержим мы ее? Ведь Сталин президенту во время его визита в Москву ясно сказал, что Подкарпатская Русь есть и остается чехословацкой!» [10. S. 339]. Бенеш в беседе с Лебедевым 13 ноября обратил его внимание "на невозможность действий советских военных органов в Подкарпатской Руси, где набирают добровольцев в Красную Армию" [10. S. 337–338]. 14 ноября, Лебедев посетил Бенеша, чтобы сообщить ему, согласно записи в дневнике Таборского, ответ Молотова. Советский нарком просил, чтобы "мы не держались за требование об увольнении уже принятых добровольцев и не возражали против набора последующих". Бенеш настаивал на прекращении призыва и агитации, сказав только, "что мы не будем дезавуировать русское командование в вопросе о людях, уже вступивших в Красную Армию" [10. S. 340]. Естественно предположить, что Молотов осознавал несоответствие действий советских военных органов на освобожденной территории ПР советско-чехословацкому Соглашению от 8 мая 1944 г., но также естественно предположить, что он понимал и стремление военных путем набора добровольцев хотя бы отчасти восполнить колоссальные потери, понесенные советскими войсками в боях за преодоление Карпат. Отсюда – попытка Молотова "полюбовно" договориться с Бенешем, на что тот прежде всего по политическим соображениям не пошел.

Следует сказать, что у советского руководства были свои представления о том, как практически должна действовать чехословацкая администрация на освобожденной территории ПР. Эти представления исходили из долговременной заинтересованности СССР в этой области, но *формально* базировались, как на статьях майского Соглашения, так и на необходимости решения первоочередных задач. С этой точки зрения интересна беседа Фирлингера с начальником 4-го Европейского отдела НКВД СССР В.А. Зориным 14 ноября 1944 г., записанная чехословацким послом. По его словам, позиция Зорина сводилась к следующему: «Наша новая администрация должна прежде всего стремиться поставить весь тыл на службу армии с точки зрения военной и хозяйственной. Всюду там, где это возможно, следует восстановить производство, работающее прежде всего на фронт. Делегат должен свои требования всегда обсуждать со штабом фронта, прежде всего с военным советом фронта, который состоит из ближайших сотрудников командующего фронтом и в компетенцию которого

входят все важные политические и хозяйственные вопросы, касающиеся не только фронта, но и всего тыла. Этот военный совет останется в контакте с нашей делегацией также и в зонах, на которые будут полностью распространяться полномочия делегата. Членом Военного совета является бывший редактор "Правды", комиссар Мехлис, который имеет инструкции идти во всем навстречу нашей делегации. Там, где вопросы, предложенные нашим делегатом военному совету, будут превышать его полномочия, военный совет будет обращаться к Верховному Главнокомандованию Красной Армии, а оно же, в случае необходимости, далее – к правительству». Фирлингер так комментировал слова советского дипломата: "Из того, что мне говорил Зорин ясно, что нашей военной миссии, которая должна быть связующим звеном между командованием Красной Армии и нашей делегацией, выпадает важная роль (статья 4 Соглашения. – *В.М.*). Известно, что в свое время нами было заявлено Наркоминделу, что главой военной миссии при Красной Армии является генерал Гасал, а теперь, по приезду, мне Гасал сообщил устно, что он собственно главой миссии не будет, а будет в действительности выполнять функции главнокомандующего всеми нашими тыловыми воинскими формированиями. Я не исключаю, что подобная невыясненность компетенций может нанести вред делу. Я полагаю, что важная функция главы военной миссии должна была бы быть поручена надежному и знающему русские условия высшему офицеру, и сожалею, что Гасал эту функцию не сохранил за собой, или же, что не был немедленно заменен подходящим лицом". С другой стороны, Соглашение прямо не предусматривало деятельность Главнокомандующего чехословацкими тыловыми военными формированиями на освобожденной территории, но, с другой стороны, поскольку в обязанности правительства делегата входило воссоздание чехословацких военных сил, нужен был и соответствующий военный орган для его реализации. Задачи чехословацкой военной миссии сводились Соглашением к роли связующего звена между командованием Красной Армии и правительственным делегатом. Видимо, сознавая это невыгодное для себя упущение в составленном им же тексте Соглашения, чехословацкое правительство еще в октябре 1944 г. просило Фирлингера и Пику урегулировать с советскими органами вопрос о предполагаемом перемещении на освобожденную территорию ЧСР чехословацкого главного командования во главе с Ингром. Москва сочла постановку этого вопроса несвоевременной [15. S. 387].

Фирлингер был прав, полагая, что невыясненность компетенций Гасала может повлечь за собой много неприятностей. Так на практике и произошло. 16 ноября Фирлингер, сообщая в Лондон о беседе с Зориным, подчеркивал, что тот советовал не придавать значения факту набора добровольцев в Красную Армию, что речь идет "о действиях местных военных органов, которые, вероятно, не хотели отвергать априори добровольцев, выразивших желание вступить в Красную Армию, и предоставляли им информацию, куда они должны обратиться", а "что касается резолюций о присоединении к СССР, то это не имеет ничего общего с официальной политикой советского правительства, речь идет о спонтанных выступлениях, в чем Немец мог сам убедиться" [10. S. 345–346]. Спонтанность выступлений, не имеющих ничего общего с советской политикой – таков лейтмотив всех заявлений советских официальных лиц по поводу событий, развертывавшихся на территории ПР.

Поскольку Фирлингер не делал никаких официальных заявлений советскому правительству, Пика, занимавший более жесткие позиции, сам попытался выяснить вопрос о наборе добровольцев в Красную армию. 16 ноября он направил письмо заместителю Уполномоченного СНК СССР по иностранным военным формированиям на территории СССР генерал-майору А. Белянову, в котором были изложены мотивы действий и намерения чехословацких военных на освобожденной территории ПР. В письме говорилось, что объявленная чехословацкими административными органами всеобщая мобилизация жителей ПР преследует цель быстрого пополнения чехословацкого армейского корпуса, понесшего тяжелые потери в боях на Дукельском перевале. Из письма никак не следовало, что правительственный делегат намерен

был создавать "тыловую армию" на освобожденной территории ПР, в чем его впоследствии неоднократно обвиняли. Спустя несколько дней Белянов сообщил Пике, что набор в чехословацкую армию можно будет проводить также в оперативной зоне и что советские военные органы не намерены осуществлять его далее, особенно, что касается Словакии [10. S. 361]. Однако набор в Красную Армию в ПР не был остановлен и продолжался, по сути, до конца 1944 г. Почему? Ведь было ясно, что эта акция противоречила майскому Соглашению и грозила ухудшением советско-чехословацких отношений. В известных автору документах советского происхождения (партийного и дипломатического характера) утверждается, что мужское население ПР призывного возраста, русские и украинцы, стихийно стремилось вступить в ряды Красной Армии, создавая даже очереди у пунктов набора добровольцев. Советскому командованию, дескать, ничего не оставалось, как пойти навстречу этому движению. Сообщения же в Лондон, направленные тайно членами чехословацкой правительственной делегации Ф. Галой и Ф. Круцким (офицером разведки) свидетельствуют об ином: набор, в том числе и насильственный, проводился политработниками Красной Армии при поддержке коммунистов. Очевидно, в действительности имело место и то, и другое, но сегодня трудно (и даже невозможно) установить, какой из этих методов преобладал. Вероятно, в начальный период после освобождения и наблюдалось спонтанное стремление вступить в ряды армии-освободительницы, но потом, когда эйфория спала, эти настроения быстро пошли на убыль. К концу 1944 г. на территории ПР действовало 520 пунктов набора добровольцев, которые охватывали 640 населенных пунктов края. В ряды Красной армии было мобилизовано 15–16 тыс. человек [2. Д. 764. Л. 80; 16. S. 82].

Пополнению рядов Красной Армии, безусловно, содействовали и вышедшие из подполья коммунисты, которые, как правило, возглавляли местные национальные комитеты (они назывались также народные комитеты, народные рады), которые в массовом порядке возникали по всей ПР. Восстанавливались и создавались заново местные организации компартии. "Огромную роль во всей экономической и политической деятельности населения Закарпатской Украины (в советских документах употребляется только это название. – В.М.) играют коммунисты, – говорилось в материале о политических событиях в ЗУ, подготовленном для руководителя Отдела международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б) Г. Димитрова в январе 1945 г. – Коммунистическая партия является единственной политической партией на территории Закарпатской Украины, которая сохранилась организационно как единое целое. Коммунистическая партия в своей практической работе с первого дня освобождения Закарпатской Украины от немецко-фашистских захватчиков проявила себя как руководящая и организующая сила народного движения за создание новой народной власти. Коммунисты провели повсеместно, где имелись партийные организации, выборы партийных органов – местных, заводских, городских и окружных" [2. Д. 764. Л. 80].

19 ноября в зале местного театра г. Мукачево состоялась первая конференция компартии Закарпатской Украины, на которой присутствовали 294 делегата и 124 гостя. Среди делегатов было 35% рабочих, 50% – крестьян и 15% – представителей трудовой интеллигенции. Конференция приняла резолюцию "О воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной". В ней говорилось о желании воссоединиться "со своим старшим братом – народом Советской Украины": "Отныне мы не малый народ, который нуждается в опеке. Мы – составная часть великого украинского народа". В качестве основной задачи компартии ЗУ называлась "организация сил народа для окончательного разгрома гитлеровской Германии, уничтожения фашистской тирании и разрешения национальных, культурных и социальных вопросов путем объединения с Советской Украиной".

Конференция направила письмо Сталину, в котором содержалась благодарность за освобождение и говорилось: "Только Вы, Иосиф Виссарионович, только украинский и русский народы могут понять наши чувства и наши стремления. ... Верните нас в лоно

нашей матери-родины – Украинской державы. Народ наш вечно будет благодарен Вам за эту помощь". Письмо о желании воссоединиться "с великим украинским народом" было направлено также первому секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву, который именовался "вождем украинского народа, вождем украинских большевиков". Конференция послала "братский привет ЦК ВКП(б) и ее гениальному вождю т. Сталину". Это приветствие было доставлено адресату. С ним ознакомились также Молотов, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков [2. Д. 707. Л. 17–23; Д. 708. Л. 38–540; 5. Ф. 06. Оп. 6. П. 56. Д. 765. Л. 11].

Избранный на конференции Центральный комитет Коммунистической партии Закарпатской Украины (ЦК КПЗУ) состоял из 24 человек. Его секретарем стал один из членов чехословацкой правительственной делегации И.И. Туряница. В руководство КПЗУ входили, как прибывшие из СССР, так и местные коммунисты. Что представляли собой эти люди, видно из кратких характеристик, которые были составлены на основе данных, присланных Л.З. Мехлисом Димитрову в ОМИ ЦК ВКП(б) и личных дел, имевшихся в отделе. ПР в них именовалась не иначе, как Закарпатская Украина. Приведем некоторые сведения из этих характеристик, помеченных грифом "совершенно секретно". Туряница (он же – Турец И.И.): родился в 1901 г. в Мукачево, украинец, из рабочих, в 1925–1930 гг. прошел путь от низового партработника до секретаря областного комитета КПЧ в Ужгороде; в 1930–1933 гг. учился в Коммунистическом институте журналистики в Харькове; в 1933–1939 гг. – секретарь крайкома Красных профсоюзов, член крайкома КПЧ; с 1939 г. – политэмигрант в СССР, офицер политпросвещения в 1-ом чехословацком армейском корпусе; "имеет большой опыт оргмассовой и руководящей работы, политически развит, теоретически подготовлен, пользуется авторитетом в партийных рядах и популярностью в стране". Вайс Самуил (он же – Варга Ш., Весели В., Вольф К., Кольбен) родился в 1899 г. в Венгрии, из рабочих, образование высшее, по профессии бухгалтер, член ЦК КПЧ с 1921 г.; в 1934–1935 гг. учился в Международной ленинской школе, в 1935–1936 гг. – секретарь крайкома Красных профсоюзов в г. Нитра, затем – секретарь крайкома КПЧ в Мукачево и Ужгороде; с 1939 г. – политэмигрант в СССР, работал на предприятиях в Ворошиловграде и Алма-Ате, затем в НИИ-205 при ОМИ ЦК ВКП(б), откуда осенью 1944 г. был командирован в ЗУ, "политически развитый и теоретически подготовленный товарищ, в партработе инициативен". Ледней И.Д. (он же Олений Василь), родился в 1904 г. в ЗУ в семье батрака, украинец; в 1930–1934 гг. учился в совпартшколе в Киеве и институте журналистики в Харькове; в 1934–1939 гг. – на партийной работе в ЗУ; с 1939 г. – в СССР, с 1941 г. – доброволец в РККА (специальная служба), затем – в чехословацкой части на территории СССР; "политически развитый и теоретически подготовленный товарищ, имеет опыт оргмассовой и руководящей работы в легальных и нелегальных условиях". Мацканюк М., родился в 1908 г. в ЗУ, украинец, окончил пять классов народной школы и три года (1929–1932) учился в совпартшколе в Киеве, с 1932 г. – член КПЧ; в 1939 г. приехал в СССР без разрешения партии, за что в марте 1940 г. получил выговор, работал на заводе Ростсельмаш в Ростове-на-Дону, "имеет опыт пропагандистской и оргмассовой работы, теоретически подготовлен". Климпотюк Н.В. (он же – Тиссин К.В.), родился в 1906 г. в ЗУ, украинец, из рабочих, с 1929 г. – член КПЧ, в 1931–1935 гг. учился в совпартшколе в Киеве и Институте журналистики в Харькове, в 1936–1939 гг. – редактор газеты "Карпатська правда" и секретарь окружкома КПЧ, 1939–1944 гг. – политэмигрант в СССР "политически развит, теоретически подготовлен, партии предан, имеет опыт работы в легальных и нелегальных условиях". Совпартшколу в Киеве (1930–1933 гг.) окончили также Тимо А. и Ваш И. В 1926 г. один год в партийной школе в Харькове учился Фушич В., который в 1927 г. возвратился в ЗУ на партполитработу, а в 1936 г. стал депутатом парламента от КПЧ. В одной справке о нем говорилось: "политически развит, неплохой агитатор и организатор". В другой значилось: "После перехода партии на нелегальное положение остался в г. Иршава, стал пить и открыто заявлял, что работа

партии его больше не интересует. Впоследствии был интернирован венграми". С 1939 по 1944 гг. в СССР находилась Борканиук Ц., работавшая на различных предприятиях, а в 1943–1944 гг. – в НИИ-205 при ОМИ ЦК ВКП(б). Варга П. (он же – Шалек Р.), член КПЧ с 1921 г., в 1936 г. – член ЦК КПЧ, характеризовался как "политически развитый, честный и преданный партии товарищ, имеющий большой опыт работы среди крестьян". Положительно оценивались и другие члены ЦК КПЗУ: Гандера М., Тарахонич Д. (в 1936 г. – секретарь КСМ ЗУ, "инициативный и преданный партии товарищ"), Раточка И., Вакула Ю., Теслович В. (член КПЧ с ее основания), Желизко И., Шимон Я. ("выдержанный коммунист, имеет богатый опыт в партийной работе, но теоретически мало подготовлен"), Пупчак М., Черничка М. (член КПЧ с 1921–1922 гг.). Имели место и накладки, как, например, с Мартой Терполь, из крестьян, "теоретически и политически слабо развитой". С момента оккупации она находилась в СССР, осенью 1944 г. работала в газете, издаваемой 1-м армейским чехословацким корпусом, и в ЦК КПЗУ, по словам Мехлиса, была избрана "заочно и ошибочно, так как она беспартийная" [2. Д. 764. Л. 100–109, 118, 121, 130].

Именно эти, в большинстве обучавшиеся в СССР, достаточно подготовленные и преданные идеям коммунизма люди, начали развертывать работу по организации деятельности компартии на территории ПР, проведению агитации и пропаганды за ее присоединение к СССР, созданию национальных комитетов (народных рад). В справке о положении в ЗУ, составленной старшим инспектором 7-го управления Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУРККА) В. Медовым в январе 1945 г. говорилось: "По мере освобождения городов и сел Закарпатской Украины повсеместно создавались городские, районные и сельские народные комитеты. В большинстве случаев они возникали без участия и очень часто вопреки желаниям уполномоченного чехословацкого правительства г-на Немеца. Народные комитеты сразу после их возникновения брали власть в свои руки, устанавливали контакт с представителями советского командования, от которых они получали всяческую помощь и поддержку". Механизм реализации удобного Москве сценария развития событий в ПР обозначен здесь предельно четко: коммунисты + советское военное командование. "Движение народных масс за создание своей народной власти, – говорилось в справке, составленной 9 января 1945 г. сотрудником ОМИ ЦК ВКП(б) И. Медведевым для Димитрова, – повсюду возглавляли коммунисты, получившие возможность в легальных условиях развернуть активную политическую деятельность" [2. Д. 764. Л. 44, 80]. Хотя точных данных на этот счет нет, но надо полагать, что национальные комитеты и возглавлялись в большинстве своем коммунистами. Димитров, ознакомившись с указанной справкой Медова, коротко записал: "От Ужгорода до Кремля – советская земля. Этот лозунг популярен среди закарпатских украинцев. ... т.т. Вайс и Турияница создают национальные комитеты, которые выбираются на сходах. В них входят главным образом коммунисты" [2. Д. 708. Л. 29об]. Вместе с тем член Загранбюро КПЧ. Й. Кроснарж, посетивший Закарпатскую Украину в конце ноября 1944 г., в своем отчете о поездке писал: "В первый же момент после освобождения во всех городах, деревнях и местечках демократическим путем были избраны национальные комитеты. Были проведены собрания всех граждан с широким участием в них всех слоев народа и были выбраны городские и окружные комитеты. Состав этих комитетов действительно демократический. Наряду с крестьянами и рабочими в них имеются представители интеллигенции и церкви всех здешних вероисповеданий. ... Наибольшими симпатиями здесь пользуется Коммунистическая партия Закарпатской Украины, она – единственная партия, которая тут существует" [2. Д. 707. Л. 2].

Под руководством коммунистов и начало развертываться движение за присоединение ПР к Советскому Союзу, Советской Украине. На собраниях одновременно с выборами местных национальных комитетов принимались и резолюции с просьбой о включении ПР в состав СССР. "Это мнение всенародное, так как оно охватывает 95% всего населения", – писал Кроснарж в отчете. Активно включилась в пропаганду этой

идеи и ежедневная коммунистическая газета "Закарпатська правда" (редактор – Климпотюк, тираж – сначала 4 тыс., а с конца ноября 1944 г. 8 тыс. экземпляров). Об этом свидетельствует, в частности, и подборка статей из нее за ноябрь-декабрь 1944 г., присланная в ОМИ ЦК ВКП(б). Так, например, 17 ноября на страницах газеты было опубликовано обращение командира партизанского отряда В. Диянича к Сталину, озаглавленное "С думой о родине". В нем говорилось: «Возьмите нашу бедную, маленькую страну гор и деревень в "Союз нерушимый республик свободных". Мы разроем Карпаты, если они окажутся препятствием к этому, мы разобьем все преграды, если только услышим Ваше отцовское: Да!» [2. Д. 707. Л. 74, 90].

Отдел внешних сношений НКО СССР направил НКВД СССР 26 ноября 1944 г. копии с лент телеграмм, адресованных Сталину, с просьбой о присоединении ЗУ к Советскому Союзу: народный совет села Золотарево (12 XI 44.60 подписей), собрание г. Волове (19 XI 44.70 подписей), митинг крестьян села Сеневири Волковского округа (226 подписей), петиция граждан села Горяны ("Хотим строить свою жизнь и свое счастье под Вашим отцовским руководством". 17 XI 44.48 подписей), село Королева над Тиссой ("Мы все, как один, просим, чтобы нас великий советский народ взял под свою опеку и принял нас, закарпатских украинцев, в состав Советского Союза, потому что считаем себя украинцами и русскими, а не чехами". 25 XI 44.147 подписей), представители народного комитета Тячевского округа (19 XI 44.366 подписей), жители села Голубино Свалаяского округа (19 XI 44.371 подписи) и т.д. [5. Ф. 06. Оп. 6. П. 56. Д. 765. Л. 11–27]. Следует отметить, что резолюции и обращения, хотя и были аналогичны по сути, по форме отличались друг от друга, т.е. тексты их писались, видимо, по заданию, но не под копирку.

На собраниях и митингах, принимавших резолюции о присоединении ПР (ЗУ) к СССР, одновременно выносились решения о ее выходе из состава Чехословакии. Так, например, на общем городском собрании жителей Ужгорода было принято обращение к Бенешу (письмо на русском языке опубликовала газета "Закарпатська Україна" 15 ноября 1944 г.), в котором содержалась просьба помочь осуществить единую волю закарпато-украинского народа воссоединиться с Советской Украиной [2. Д. 707. Л. 66]. 25 ноября Бенеш получил отправленные открытым текстом телеграммы жителей двух населенных пунктов ПР с просьбой поддержать ее присоединение к Украине. "Ни на что я отвечать не буду, и наши органы пусть тоже не отвечают, – сообщал Бенеш свою позицию Фирлингеру в тот же день. ... Мы публично обо всех этих вещах будем хранить молчание". Таборский в связи с депешей записал в дневнике: «Я спросил по этому случаю президента, как он на все это смотрит. "Вот теперь и увидим, – сказал он, – думал ли Сталин искренне в 1943 г. или же хотел нас лишь обмануть. Или же Москва не имеет такого влияния на военных, как мы думаем, и не хочет их дезавуировать, или же они (в Москве. – В.М.) обманщики"» [10. С. 353–355]. Невозможно представить, чтобы о всем происходившем на освобожденной территории ПР не были осведомлены в Москве, чтобы об этом не знал Сталин. Хотя полных данных о том, какие сведения ложились ему на стол, пока нет, известно, что из секретариата Молотова, например, такая информация ему поступала и не могла не заинтересовать его. Также трудно вообразить, чтобы "военные" действовали вопреки воле Сталина: тем более, что вопрос лежал не в военной, а в политической плоскости, и тут, как, впрочем и везде, его слово было законом. Но советский лидер пока предпочитал роль стороннего наблюдателя, выжидая дальнейшего развития событий в ПР и реакции на них со стороны чехословацкого правительства и мировой общественности. Написанный сценарий предполагало реализовать по инициативе и с помощью "низов".

Одновременно с движением за присоединение ПР к УССР началась античехская, античехословацкая кампания, подвеченная в печати. 18 декабря 1944 г. Димитров получил подборку материалов, в том числе и из газеты "Закарпатська Україна", о резких выпадах против чехословацкого правительства и его делегата на освобожденной территории. "Чехи не будут хозяйничать на нашей земле", – писал учитель

А. Булице в номере газеты от 23 XI 44. "Они предали нас" называлась статья агронома В. Глуханича (скорее всего, и агроном и учитель были вымышленными фигурами. – *В.М.*) в том же номере газеты. В ней говорилось: "Чехи насильно превратили нашу Закарпатскую Украину в свою колонию. Чехи заставили украинцев гнуть на себя спину. И всюду – в учреждениях, на предприятиях, в сельском хозяйстве – украинцы могли выполнять только черную работу. ... Чехи любят говорить о демократии. На самом же деле и в период республики демократии не было. ... Сегодня я полным голосом выношу обвинение чехам". "Довольно с нас чужих порядков, – говорилось в резолюции общего собрания жителей г. Берегово и Береговского района 20 ноября 1944 г., – наше счастье и наша свобода будут только тогда полными, если мы избавимся не только от мадьяризации, но и от хитроумной политики чехизации, которую проводили чешские реакционеры" [2. Д. 707. Л. 55–62]. Античехословацкая кампания была развернута в преддверии съезда народных (национальных) комитетов ЗУ, который готовился коммунистами на 26 ноября 1944 г. В обобщающих материалах о событиях на Закарпатской Украине, подготовленных НИИ-205 для ОМИ ЦК ВКП(б) в марте 1945 г., по этому поводу говорилось: "В информациях и газетных материалах, поступавших из Закарпатской Украины в первые недели после освобождения, Чехословакия почти не упоминается ... в первый период, до съезда народных комитетов ... население Закарпатской Украины не проявляло недружелюбного отношения к Чехословакии. Однако явно не было и никакого сотрудничества с чехословацкой правительственной делегацией" [2. Д. 764. Л. 203, 206]. По всей видимости, античехословацкие настроения подогревались искусственно.

Съезд Народных комитетов Закарпатской Украины, в работе которого участвовали 663 делегата, состоялся в Мукачево 26 ноября 1944 г. Им фактически руководили, как считают, С. Виднянский и М. Гайдош, политические органы советской армии во главе с Мехлисом, Л. Брежневым и полковником И. Тюльпановым, а также такие высокопоставленные советские функционеры из Киева, как А. Чеканюк (впоследствии – ректор Высшей партийной школы при ЦК КП(б)У), А. Тканко (в прошлом партизанский командир), майор Левко, который контролировал деятельность молодежных коммунистических организаций в крае. Активно участвовала в подготовке съезда КПЗУ во главе с Туряницей [16. S. 83]. Съезд принял постановление, гласящее: "1. Воссоединить Закарпатскую Украину со своей великой матерью Советской Украиной. 2. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики и Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик включить (в последующих публикациях документа это слово было заменено на "принять". – *В.М.*) Закарпатскую Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики. 3. Избрать Народную Раду (в дальнейших публикациях – Народный Совет. – *В.М.*) как единственную центральную власть, действующую по воле народа на территории Закарпатской Украины. 4. Уполномочить и обязать (слово обязать в дальнейших публикациях исключено. – *В.М.*) Народную Раду Закарпатской Украины осуществить постановление съезда о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине" [2. Д. 708. Л. 44; 13. С. 240–242]. Это постановление, принятое единогласно, было затем включено в Манифест съезда, который отправил приветствия Сталину, Красной Армии, президиуму Верховного Совета УССР (Гречухе), Совету Народных комиссаров УССР (Хрущеву). С Манифестом должно было быть ознакомлено все взрослое население области. К 1 января 1945 г. его подписали более четверти миллиона человек [2. Д. 708. Л. 45–49; 18. S. 463]. Это число, составлявшее 50% всего взрослого населения края, по мнению Виднянского и Гайдоша, могло быть в целом реальным, "если учесть опыт организаторов подобных акций, при проведении которых не стеснялись применять методы давления и сознательного обмана людей" [16. S. 83].

Съезд избрал Народную Раду Закарпатской Украины (НРЗУ), из 17 членов которой 10 были коммунистами. Председателем Рады стал Туряница, он же – секретарь КПЗУ, а его заместителями – П. Сова, юрист по образованию, председатель Ужго-

родского народного комитета, недавно ставший коммунистом, и профессор П. Линтур, окончивший Пражский Университет преподаватель богословия и литературы, в прошлом – член комсомола Чехословакии, тоже недавно принятый в ряды компартии. Таким образом, председатель НРЗУ и два его заместителя были коммунистами. Важнейшие посты получили также коммунисты: внутренних дел и государственной безопасности (И. Ваш), сельского хозяйства (Д. Тарахонич), промышленности и торговли (С. Вайс), просвещения (И. Керча), коммунального хозяйства (П. Сова); двое (В. Теслович и Ц. Борканюк) не имели портфелей. Финансовые вопросы были поручены беспартийному юристу Г. Ивашко. Лесное хозяйство курировал юрист Н. Цуперек, в прошлом – член КПЧ. Юрист С. Борецкий, в прошлом член Коммунистического Союза молодежи Чехословакии, участник партизанского движения, с ноября 1944 г. – председатель Перечинского городского народного комитета, ведал делами юстиции. Беспартийный юрист Г. Русин, с ноября 1944 г. – член Мукачевского городского народного комитета, занимался вопросами путей сообщения. Здравоохранение возглавил медик по образованию И. Керчанин, интернированный венграми за неблагонадежность. Ведомством социального обеспечения руководил юрист Ф. Чекан, оказывавший помощь партизанам и подвергавшийся за это арестам. Священник православной церкви И. Кополович возглавил комиссию по расследованию зверств оккупантов (в характеристике говорилось: "Работает очень активно. Добивается приема в ряды компартии, пока не принят из тех соображений, что ему временно лучше выступать как беспартийному в составе Народной Рады"). М. Молдавчук, беспартийный инженер, в прошлом – социал-демократ, пока поручений не имел [2. Д. 708. Л. 52–57].

Вскоре после съезда НРЗУ издала декреты о государственном гимне и государственном флаге ЗУ: ими стали гимн и флаг Советского Союза. На флаге был написан лозунг "Да здравствует воссоединение Закарпатской Украины с Советской Украиной!". По постановлению Рады каждый номер газеты, выходящий в ЗУ, должен был иметь под заголовком тот же лозунг [2. Д. 49. Л. 114об]. Постановлением НРЗУ от 5 декабря 1944 г. в качестве ее местопребывания определялся Ужгород. До конца 1944 г. Рада приняла ряд важных декретов и постановлений, касавшихся как организации жизни на территории ПР, так и отношений с чехословацким правительством и его делегатом. Еще в период нахождения НРЗУ в Мукачеве были изданы декреты о наделении земель безземельных и малоземельных крестьян, рабочих и служащих; об обеспечении строительным лесом и топливом рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции; об уборке урожая на свободных землях венгерских и немецких помещиков; об упразднении венгерских и немецких надписей во всех общественных местах; о переходе права собственности от Венгерского королевства и Чехословацкой республики к Закарпатской Украине; об организации высших учебных заведений на территории ЗУ (государственного университета, а также лесного и агрономического институтов); о национализации спиртных заводов, винокуренных и всех предприятий по производству алкогольных напитков.

5 декабря НРЗУ приняла постановление о прекращении связей народных комитетов Закарпатской Украины с уполномоченным правительством Чехословацкой республики др. Немцем и его граждандским и военным аппаратом, временно находившимися в Хусте. В тот же день Рада направила письмо Бенешу, в котором до его сведения доводился принятый на съезде народных комитетов Манифест о присоединении ЗУ к Советской Украине и выходе ЗУ из состава Чехословацкой республики (кстати, о последнем в Манифесте не говорилось. – В.М.). В письме выражалась надежда, что президент не будет "противиться исполнению вековой мечты нашего украинского народа – соединению со своей матерью – Советской Украиной" и даст скорейшее указание "правительственному делегату Чехословацкой республики г-ну Немец об отъезде с территории Закарпатской Украины". Письмо было подписано почему-то только десятью членами НРЗУ [2. Д. 708. Л. 58–70, 77–79; 13. С. 247].

Видимо, по инициативе Рады в Москву была направлена делегация духовенства Православной Мукачевско-Прешовской Епархии, в состав которой входили администратор Епархии игумен Феофан Сабов, архимандрит Алексей Коболько, протоиерей Димитрий Беляков, иерей Иоанн Кополович и профессор П.В. Линтур, член НРЗУ. 7–12 декабря 1944 г. делегация была принята в Московской Патриархии митрополитом Ленинградским и Нижегородским Алексием и другими членами Священного Синода Русской Православной Церкви. Алексею была вручена петиция, подписанная Ф. Сабовым и 23 священниками указанной Епархии с просьбой поддержать ходатайство перед Священным Синодом Сербской Православной Церкви о передаче Епархии в каноническое ведение Московской Патриархии. Алексий и Святой Синод, согласно сообщению ТАСС, сочувственно отнеслись к этой просьбе и согласились поддержать ходатайство. 13 декабря делегация вылетела в Киев, где она посетила экзарха Украины, митрополита Киевского и Галицкого Иоанна [2. Д. 764. Л. 34]. Как и когда была реализована просьба, обращенная к Московской Патриархии, мне неизвестно, но ясно, что и с точки зрения политики в отношении церкви вопрос о присоединении ПР к СССР был продуман основательно. В январе 1945 г. НРЗУ издала декрет о свободе вероисповедания, направленный, по сути, на подрыв главенствующего положения в ПР греко-католической (униатской) церкви, иерархи которой в годы войны сотрудничали с оккупантами. Эта церковь, подчиняясь Ватикану и признавая основные догматы католической церкви, сохранила вместе с тем православные обряды и проводила богослужение на украинском языке. Среди униатов было немало сторонников объединения с православной церковью, но были и решительные противники этого, как и объединения ПР с УССР. Их возглавлял архиепископ Ромжа, обвиненный впоследствии в тайных сношениях с Ватиканом и украинским националистическим подпольем и по распоряжению Хрущева в 1947 г. ликвидированный службой госбезопасности [17. С. 412–413].

Продолжая свою бурную деятельность, НРЗУ 9 декабря 1944 г. за подписями Турияницы и Ваша издала декрет о прекращении мобилизации в чехословацкую армию и поддержке вербовки добровольцев в Красную Армию. Кроме того, был принят декрет об организации добровольных народных дружин и их центрального штаба. Членам дружин предлагалось без отрыва от своей основной работы с оружием в руках "защищать население Закарпатской Украины от нападения внешних и внутренних врагов". Народной милицией и народными дружинами руководил герой Советского Союза бывший партизанский командир коммунист Тканко. Декретом от 18 декабря 1944 г. создавался Специальный суд НРЗУ "для борьбы с врагами нашего народа". Суд избирался Народной Радой и имел очень широкие полномочия. До издания уголовных, уголовно-процессуальных и других законов Суд руководствовался "своим правосознанием и внутренним убеждением, которые основываются на интересах обеспечения независимости власти (т.е. НРЗУ. – В.М.) и личных прав граждан". Такая формулировка давала возможность произвола и принятия судом субъективных решений, особенно, учитывая, что ему был подвластен чрезвычайно широкий круг дел. В качестве меры наказания Суд имел право применять тюремное заключение сроком на 10 лет и расстрел с конфискацией имущества. Приговоры Суда выносились именем НРЗУ и не подлежали отмене. Приговоры о расстреле должны были подтверждаться Народной Радой. Декрет вступал в силу со дня опубликования 18 декабря 1944 г. Репрессивные действия новой власти и органов НКВД, НКГБ и СМЕРШ на освобожденной территории определенно заставляли задумываться над правильностью пути, который предлагался населению ПР компартией.

Однако другие мероприятия, иницируемые коммунистами, наоборот, вербовали им новых союзников. Например, сразу стал реализовываться очень актуальный для малоимущих слоев деревни декрет о земле. До марта 1945 г. было конфисковано и передано в собственность крестьян 240 000 га земли. Сельскохозяйственные рабочие и малоземельные крестьяне получили в среднем по 2–2,5 га, а многосемейные – по 2,5–3 га на хозяйство. Всего к середине марта 1945 г. было наделено земель

21 080 крестьянских семей. В марте НРЗУ приняла дополнение к декрету о земле: устанавливалась максимальная норма землевладения в 40–50 га. Земля сверх этой нормы подлежала конфискации. Направленное против "кулачества" постановление позволило получить и распределить среди малоземельных крестьян еще 45 000 га земли. Полным ходом шла и национализация производства. Весной 1945 г. заработали 250 национализированных предприятий. В собственности государства перешли и все банки: был создан Народный банк Закарпатской Украины [2. Д. 765. Л. 83, 100–101]. Эти, проведенные в сжатые сроки и еще до официального присоединения ПР к СССР, преобразования являлись первым этапом на пути ее включения в систему социалистического хозяйства. Процесс советизации ПР, как по праву считают Виднянский и Гайдош, начался практически с первых дней вступления Красной Армии на эту чехословацкую территорию, что само по себе было уже нарушением всех предшествовавших советско-чехословацких договоренностей [16. С. 81].

Для реализации своих планов коммунистам требовались надежные помощники, "приводные ремни" к массам. 17 декабря 1944 г. в Мукачеве собрался 1-й съезд Союза молодежи Закарпатской Украины (СМЗУ). В его работе участвовали 552 делегата от 12 местных союзов, присутствовали 218 гостей. Социальный состав делегатов был таков: 167 рабочих, 92 крестьянина, 110 служащих, 183 учащихся. Из них 8 человек имели высшее, 154 человека среднее и 390 человек низшее образование. По национальности 547 делегатов были украинцами, 4 – русскими и 1 – еврей. На съезде выступали, в частности, председатель НРЗУ и секретарь КПЗУ Туряница, а также член Рады и второй секретарь КПЗУ Тарахонич, который был избран секретарем Союза. Речь Туряницы отличалась античехословацкой окрашенностью. «На нашей территории, – говорил он, – имеются чешские реакционеры (очевидно, имелась в виду чехословацкая правительственная делегация. – В.М.), которые хотели бы наш народ снова чехизировать, которые хотели бы наш народ снова угнетать (возгласы "Смерть им"), которые хотели бы, чтобы снова текла кровь наших рабочих и крестьян, борющихся за лучшую жизнь». Съезд определил и ближайшие задачи Союза молодежи; участие в подписании всем народом Манифеста 1-го съезда Народных комитетов ЗУ; помощь в работе народных комитетов, в выполнении всех постановлений и мероприятий Народной Рады; активность в быстром восстановлении народного хозяйства; добровольное вступление в ряды Красной Армии под лозунгом "Молодежь Закарпатской Украины – в ряды Красной Армии-освободительницы". "Организационные положения Союза по существу совпадают с Уставом ВЛКСМ", – говорилось в справке о политических событиях в ЗУ, подготовленной для Димитрова в январе 1945 г. [2. Д. 707. Л. 30–53; Д. 764. Л. 85]. Среди 19 членов ЦК СМЗУ, согласно сведениям, поступившим Димитрову от Мехлиса, было 5 коммунистов. К маю 1945 г. союз насчитывал до 10 тыс. членов "и включал в свои ряды всю молодежь: городскую, сельскую, студенческую и др." [2. Д. 764. Л. 95–97, 176; Д. 765. Л. 82–83].

Коммунисты выступили также застрельщиками создания единого профсоюзного движения в ЗУ. В январе 1945 г. состоялся первый его съезд, проект постановления которого был направлен Димитрову Мехлисом. К концу мая 1945 г., согласно справке, полученной ОМИ ЦК ВКП(б), профсоюзные организации имелись уже во всех районах ЗУ, выполняя "такую же роль, как и профсоюзы в Советской стране" [2. Д. 764. Л. 22; Д. 765. Л. 82–83]. Коммунисты выдвинули также идею организации союза крестьянской бедноты в качестве партнера компартии. Вся деятельность КПЗУ, вопреки советско-чехословацкому соглашению от 8 мая 1944 г., была нацелена на установление в ПР новой власти и присоединение этой территории к СССР. Командование 4-го Украинского фронта оказывало этому всемерную помощь. 19 декабря 1944 г., например, Мехлис отправил шифровку в управление пропаганды ЦК ВКП(б) с просьбой оказать помощь литературой, кинофильмами, радио и т.д. населению ЗУ. Письмо из отдела пропаганды поступило в ОМИ ЦК ВКП(б), а затем за подписями Димитрова и Баранова было направлено Молотову. Такое же письмо

было послано на имя Маленкова [2. Д. 707. Л. 71–72]. Известно, что на освобожденной территории ПР действовали и радиоустановки, и динамики, что там выступала, например, часть группы Большого театра, что показывались советские кинофильмы, что в массовом порядке печатались и распространялись листовки с призывом выступать за присоединение ПР к СССР. Все это требовало соответствующих организаций и финансирования. Последнее, естественно, осуществлялось Москвой и Киевом.

Чешские и словацкие коммунисты, как оказавшиеся на освобожденной территории ПР, так и находившиеся вне ее пределов, стали, в определенной степени, заложниками, хотя и добровольными, возникшей ситуации. В этой связи интересна эволюция их взглядов на события, происходившие в ПР в ноябре-декабре 1944 г. Словацкие коммунисты в период Словацкого национального восстания поддерживали идею создания Чехословацкой республики как государства трех равноправных народов: чехов, словаков и карпато-украинцев. Об этом говорилось, например, в программной статье словацкой коммунистической газеты "Pravda" от 28 сентября 1944 г. Прибывший из Москвы на освобожденную территорию Словакии член Загранбюро КПЧ Я. Шверма на заседании Словацкого национального совета 3 октября 1944 г., развивая мысль о будущем Чехословакии, подчеркивал: "В этой республике будет в чешских землях хозяином чех, в Словакии – словак, на Карпатской Украине – карпато-украинец". Туриянича, находившийся в Словакии как член чехословацкой правительственной делегации, писал в "Pravde" 20 октября 1944 г.: "Карпато-украинский народ должен иметь такие же права, как его словацкие и чешские братья в ЧСР. Карпато-украинский народ должен быть хозяином на своей земле в братском союзе с героическим словацким и чешским народами" [2. Д. 764. Л. 188; 10. S. 374; 18. S. 185, 256]. Выше мы видели, как разительно отличались его речи в ноябре 1944 г.

Чехословацкие коммунисты в Лондоне до начала освобождения ПР Красной Армией тоже придерживались мнения, что эта территория должна остаться в составе Чехословакии. 20 октября 1944 г. член Госсовета коммунист И. Петрущак от имени народа ПР, заявил: "Карпато-украинский народ, как чешский и словацкий народы, борется за освобождение своей Чехословацкой республики. Карпато-украинский народ своей борьбой завоевал право занять в республике место равноправного народа" [2. Д. 764. Л. 188–189].

Загранбюро КПЧ в Москве тоже, видимо, какое-то время пребывало в растерянности, не зная, как совместить действия коммунистов в ПР с чехословацко-советским соглашением от 8 мая 1944 г.: Москва, с одной стороны, официально как бы поддерживала идею восстановления Чехословакии в домюнхенских границах, а, с другой – не пресекала деятельность по отторжению от нее Подкарпатской Руси. Сначала, вероятно, возобладала мысль о том, что надо держаться официальных договоренностей Москвы с Бенешем. 19 ноября 1944 г. Готвальд получил телеграмму офицера по просветительной работе 1-го чехословацкого армейского корпуса Я. Прохазки, в которой говорилось, что коммунисты должны поддержать движение карпато-украинского народа за присоединение к СССР. 21 ноября Готвальд подготовил проект ответа на полученную телеграмму. В нем говорилось: "Отвечаем на Ваш запрос относительно позиции ЦК КП Чехословакии по вопросу о присоединении Закарпатской Украины к СССР. ЦК КПЧ считает: 1. В настоящих условиях необходимо сосредоточить все усилия на борьбе против немецких захватчиков. Постановка вопроса о присоединении Закарпатской Украины к СССР в настоящее время могла бы лишь ослабить усилия чехословацкого народа и нанести вред общему делу. 2. Не выступая против желания закарпатских украинцев о присоединении Закарпатской Украины к СССР, ЦК КПЧ в то же время считает, что вопрос о плебисците может быть поставлен лишь только после окончания войны". В тот же день проект телеграммы Готвальда Димитров отправил Молотову, подчеркнув в сопроводительном письме: "Мы со своей стороны согласны с проектом ответа т. Готвальда и просим Вашей санкции на посылку этой телеграммы в адрес Прохаска" [19. С. 476–478; 20.

С. 100]. Через два дня после этого Димитров записал в дневнике: "Заслушал сообщение майора Медова (ПУР) о Закарпатской Украине. Рекомендовал чешским товарищам отнестись положительно к движению за присоединение Закарпатской Украины к Советскому Союзу" [21. С. 449]. Димитрову, чутко улавливавшему настроения Кремля, видимо, стала известна реакция советского руководства на события в ПР, иначе такой рекомендации не последовало бы. Дал или нет Молотов свое согласие на отправку телеграммы Готвальда, неизвестно. Скорее всего, она была попридержана. Ситуация, сложившаяся к этому времени в ПР, безусловно, известная Молотову, делала посылку телеграммы неактуальной и, более того, наносящей вред интересам Москвы.

Но, видимо, Загранбюро КПЧ, не желая и далее оставаться в неведении, само решило выяснить, что происходит в Подкарпатской Руси. С этой целью туда и был направлен Кроснарж, об отчете которого речь шла выше. В упомянутом ответе не говорится, какая конкретно цель была поставлена перед Кроснаржем, но, кажется, полученные им указания соответствовали позиции, которая была зафиксирована в проекте ответа Готвальда Прохаске. Судя по упомянутому отчету, он встречался, видимо, с Мехлисом, Туряницей и Вайсом. Оценивая политику и деятельность компартии, Кроснарж писал в отчете: "Руководство компартии, главным образом тов. Туряница и Вайс, до конца октября придерживалось той линии, что Закарпатская Украина остается в рамках новой демократической Чехословацкой республики и на территории Закарпатской Украины будет распоряжаться и управлять украинский народ. Но уже в начале ноября, если они не хотели отстать от массового движения всего народа, они были вынуждены изменить свою линию и встать во главе всего народа на борьбу за присоединение к Советскому Союзу". Здесь видимо, изложена позиция Туряницы и Вайса, уже избранных к тому времени в руководство КПЗУ и, по всей вероятности, осведомленных об официальной линии Загранбюро КПЧ в вопросе о ПР. Отсюда – и их попытка объяснить Кроснаржу причины изменения своей позиции. Коммунисты же, вышедшие из подполья, а также прибывшие в ЗУ из СССР, где в свое время они обучались в Киеве и Харькове, или могли просто не знать о позиции Загранбюро КПЧ, или имели собственный взгляд на будущее этого края. Круг общения Кроснаржа, очевидно, был весьма ограничен. Его впечатления от увиденного и услышанного сводились к следующему: "Вся Закарпатская Украина, освобожденная Красной Армией от немецко-мадьярских оккупантов, охвачена великой любовью к Красной Армии, Советскому Союзу и товарищу Сталину". Осознав, что неофициальный "плебисцит" в ПР уже, по сути, состоялся и что результаты его отражены в многочисленных резолюциях и обращениях граждан о присоединении Закарпатья к Советской Украине, Кроснарж считал, что его миссия невыполнима. "В связи с тем, что обстановка изменилась, – писал он в отчете, – я не мог выполнить данное мне поручение, а потому, посоветовавшись с товарищами, я послал в ночь на 22 ноября телеграмму в Москву с просьбой об отзыве. 26 ноября вместе с тов. Ридлом я выехал в Москву, а тов. Климпотюк и тов. Борканюк (очевидно они прибыли в Ужгород вместе с Кроснаржем и были избраны в руководство КПЗУ заочно. – В.М.), как члены ЦК КПЗУ остались там". Кроснарж полагал также, что КПЗУ "испытывает недостаток в опытных кадрах", что "нужно быстро провести их подготовку" и "как можно быстрее послать на партийную работу всех способных украинских товарищей, которые до сих пор проживают в Советском Союзе" [2. Д. 707. Л. 1, 4, 5, 8, 9]. Загранбюро КПЧ в Москве ничего не оставалось другого, как принять происшедшее в ПР к сведению и помочь КПЗУ кадрами. В декабре туда по рекомендации Загранбюро КПЧ были посланы П. Варга (он был, видимо, заочно избран в состав руководства КПЗУ. – В.М.), И. Ионаш и В. Нямещук. Решение на их отъезд было испрошено у Молотова и Маленкова [19. С. 478]. Последнее свидетельствует, что, хотя официальные лица в Москве всячески открещивались от движения, развернувшегося в ПР, подчеркивая его стихийный характер, но на самом деле они были в курсе происходившего и санкционировали,

конечно, негласно, помощь этому движению. Таким образом, слова расходились с делами. Зорин, например, как сообщал Фирлингер в Лондон, уверял его, что "никакая агитация за присоединение к СССР с их (советской. – В.М.) стороны не поддерживается, а наоборот, прямо тормозится, хотя это связано с трудностями. Советское правительство вообще не намерено свою политику по отношению к нам в вопросе о Подкарпатье менять" [10. S. 365]. Формально она и не менялась, но практика свидетельствовала об обратном.

В конце декабря 1944 г. Загранбюро КПЧ окончательно поменяло свой взгляд на события в ПР. Об этом свидетельствует его письмо, направленное 21 декабря Прохаске в качестве директивы коммунистам 1-го чехословацкого корпуса. В нем говорилось: "Мы отстаиваем ту точку зрения, что с чехословацкой стороны не только не может быть учинено малейшее препятствие осуществлению воли закарпатского народа, но что президент республики д-р Бенеш и чехословацкое правительство по собственной инициативе должны сделать значительный шаг и безотлагательно предложить гладкое проведение присоединения Закарпатской Украины к Советскому Союзу. Мы того мнения, что правительственная делегация уже не может никоим образом вмешиваться в деятельность верховной власти, Народной Рады Закарпатской Украины ... Мы, как КПЧ, уже полностью принимаем к сведению, что Коммунистическая партия Закарпатской Украины от нашей партии отделилась и стала самостоятельной. С момента осознания действительной ситуации мы также уже не осуществляли ни малейшего влияния на действия закарпатских товарищей". Что касается "основной политической линии", то утверждалось: "ясно, что и далее нашей программой остается свободная, демократическая Чехословакия, причем чехословацкая линия сегодня относится только к словацким и чешским землям" [18. S. 470–471].

Критически оценивалась в письме деятельность чехословацкой правительственной делегации и особенно военных, представлявших "реакционные лондонские круги". Эти оценки основывались и на вышеупомянутом отчете Кроснаржа, в котором чехословацкой правительственной делегации отводилось большое место. По словам Кроснаржа, она "оказалась изолированной от народа", и попытки найти выход из этого положения ей никак не удаются. Особой критике подверг Кроснарж действия чехословацких военных, которые, по его словам, "проводят в Закарпатской Украине провокационные мероприятия. Всей этой деятельностью руководит так называемое 2-ое отделение (речь, видимо, идет о службе безопасности, военной контрразведке. – В.М.), действия которого в Закарпатской Украине равносильны действиям оккупантов". Далее приводился ряд фактов, подтверждавших это [2. Д. 707. Л. 6–9].

К сожалению, отношения делегации с советским командованием не заладились с самого начала ее пребывания на освобожденной территории. И дело тут было не только в личных симпатиях или антипатиях, не только в нарушениях того или иного пункта Соглашения от 8 мая 1944 г. Конфликт, который разрастался, как снежный ком, был следствием той системы власти, по сути, двоевластия, которая сложилась на территории ПР: с одной стороны – чехословацкая администрация, которая так никуда и не переехала из Хуста, действуя лишь в самом городе и его окрестностях; с другой стороны – национальные комитеты (позднее Народная Рада) как органы местной народной власти, руководимые коммунистами, пользовавшиеся поддержкой советских военных органов и действовавшие на всей западной, экономически более развитой, части территории ПР. Силы были явно не равны. Да и договориться этим двум параллельно существовавшим системам власти было невозможно: их представления о будущем (по крайней мере, о ближайшем будущем) ПР были абсолютно не совместимы. Чехословацкая администрация, опираясь на майское Соглашение и на договоренности Бенеша со Сталиным о признании Советским Союзом Чехословакии в домюнхенских границах, исходила из сохранения ПР в составе ЧСР, во всяком случае до окончания войны. Народная Рада, ссылаясь на волю большинства населения ПР, настаивала на ее немедленном включении в состав СССР (УССР). Компромисс на местном уровне, таким образом, был исключен.

В самой делегации тоже не было единства, во всяком случае, что касается способа действия и поведения. Немец представлял умеренное крыло, предпочитавшее более мягкие методы как в общении с советскими военными властями, так и с местными органами власти; военные, входившие в делегацию, настаивали на более жесткой линии и пытались осуществить ее на практике. Это, естественно, не могло не вызывать раздражения советского военного командования, со своей стороны тоже указывавшего на нарушение Соглашения от 8 мая. Один его пункт действительно фактически не был выполнен – пункт о создании чехословацкой военной миссии, которая должна была стать связующим звеном между советским командованием и чехословацкой администрацией. Возможно, если миссия начала бы действовать в таком качестве, легче было бы достичь взаимопонимания. Но Гасал, с согласия и по указанию Ингра, сразу взял на себя функции главнокомандующего чехословацкими вооруженными силами на освобожденной территории, что впрямую не предусматривалось Соглашением и не могло не вызвать противодействия со стороны командования 4-го Украинского фронта. Военная обстановка, по его мнению, требовала чтобы, как в зоне непосредственных военных операций, так и в ближайшем тылу Красной Армии, все делалось с ведома и согласия советских военных властей. А тут еще, в непосредственной близости от зоны военных действий без согласования с командованием 4-го Украинского фронта появилась большая группа представителей чехословацкой контрразведки, прибывшая из Лондона. Это не могло не испортить окончательное отношения между советскими и чехословацкими военными на территории ПР. По выражению Фирлингера, "делегация и Петров сцепились друг другу в волосы" [10. S. 360]. Посол сообщал Бенешу 29 ноября, что Москва "не хочет дезавуировать военное командование" и рекомендовал "спокойствие и рассудительность" в решении спорных вопросов. По сути, он присоединился к рекомендации Зорина, который в беседе с послом советовал "смотреть на случившееся спокойно и не проявлять излишней нервозности" [10. S. 351, 360].

Немец еще раньше пытался объяснить с командованием 4-го Украинского фронта. С этой целью 21 ноября 1944 г. он встречался с Мехлисом, а на следующий день написал ему письмо, где, "чтобы избежать недоразумений в будущем", формулировал свои позиции по ряду вопросов деятельности чехословацкой администрации, толкуя в меру своего понимания текст майского Соглашения. "Заверяю Вас, господин генерал-полковник, – писал Немец, – что после вчерашнего разговора в штабе я полностью осознаю более узкие рамки моих полномочий, чем те, на которые я первоначально рассчитывал. Принимаю это к сведению" [10. S. 350–351].

НРЗУ также усилила давление на чехословацкую администрацию, 5 декабря 1944 г. Немец получил предписание Рады вместе с членами чехословацкой правительственной делегации покинуть пределы ЗУ. Конфронтация с местными властями достигла высшей степени. 12 декабря 1944 г. Таборский фиксирует в своем дневнике сообщение, полученное от Гасала: "Коммунистическая агитация достигает наивысшей кульминации. Фиаско нашей мобилизации". Однако примерно в то же время, 8 декабря, Фирлингер сообщает из Москвы, "что советские органы действуют совершенно лояльно и корректно. Здесь того же мнения, что какие-либо осложнения абсолютно не желательны и что необходимо их избегать" [10. S. 368, 370–371].

Противоречивость информации, ложившейся Бенешу на стол, приводила его в смятение. 9 декабря Таборский зафиксировал в своем дневнике неофициальную реакцию президента на полученные сообщения: "Президент всем этим весьма озабочен, смотрит на это примерно так: украинский национализм перехлестывает Москве через голову. Однако не мыслимо, чтобы после всего того, что нам Москва говорила, она поступила бы таким образом. Ведь она не хотела бы тем самым растерять свои козыри ... Нет иного объяснения, чем то, что украинский национализм несколько отбил от рук Москвы". "Однако у меня впечатление, – записал далее Таборский, – что этому и сам президент полностью не верит и что это несколько смахивает на wishful thinking (желание – отец идеи. – В.М.)". Секретарь записал слова Бенеша: "Я не

понимаю, почему они это делают. ... Если бы они хотели получить Подкарпатскую Русь, то могли бы об этом сказать. Я никогда не хотел удерживать Подкарпатскую Русь ценой русской вражды. Всякий раз, когда я говорил с ними о Подкарпатской Руси, я всегда умышленно избегал того, чтобы ее требовать напрямую для нас. Я только говорил, что она не должна остаться в Венгрии, что должна принадлежать либо нам, либо русским. И я начал на нее рассчитывать только тогда, когда убедился, что русские на нее не претендуют. Нет, я вообще этого не понимаю. Почему же они захотели отобрать ее таким способом, если могли получить ее от нас, попросив об этом? Нет, это единственно можно объяснить только тем, что на этом настаивают украинские националисты и что это происходит без согласия Москвы. Когда мы были в прошлом году в Москве, мне показалось, что Сталин был несколько обеспокоен опасностью украинского национализма" [10. S. 370]. Возможно, Бенеш был отчасти прав. Хрущев как глава Советской Украины был особенно заинтересован в присоединении к ней Закарпатья. Но, зная партийно-государственную субординацию, существовавшую в советской системе, трудно представить себе, чтобы "хозяин" Украины мог осуществлять политический нажим на "главного хозяина", Сталина, а тот, не желая этого, пошел бы у него на поводу. Нет, автором и постановщиком пьесы был сам Сталин, хотя, вероятно, у него были соавторы из числа соратников по партии. Пьеса эта разыгрывалась уже не раз. Сюжет ее был незамысловат: организация "стихийного" народного движения, на волне которого устанавливается угодная Москве власть. Первая постановка пьесы была осуществлена в Западной Украине и Западной Белоруссии осенью 1939 г., вторая – в Прибалтике летом 1940 г. И в первый, и во второй раз все прошло "на ура". Теперь международная обстановка снова позволяла надеяться на успех. Сталин, готовясь к постановке нового спектакля в ПР, постепенно начал переписывать и уточнять имеющийся сценарий советско-чехословацких отношений: из него была вычеркнута роль чехословацкого правительственного делегата и введены массовые сцены.

Бенеш же, может потому, что не до конца понимал политику Сталина, может потому, что все еще питал иллюзии в отношении него и его обещаний, может, наоборот, потому, что считал себя обманутым и старался "сохранить лицо", а, может по каким-то иным причинам, по-прежнему придерживался старого текста разыгрывавшейся пьесы, но уже мало веря в ее успех. 12 декабря Бенеш отправил через Пику инструкцию для Немца. Президент полагал, что Москва не рада тому, что происходит в ПР и хотела бы урегулировать возникшие недоразумения с чехословацким правительством. "Однако мне кажется, – писал он, – что украинское правительство, украинские военные и особенно украинская коммунистическая партия намеренно действуют иначе, хотят, безоглядно преследуя свою цель, поставить и Москву, и нас перед свершившимся фактом. Я не думаю, чтобы в этом была двойная игра Москвы, у меня впечатление, что это перехлестывает через край и совершается вопреки центральному правительству. ... Нельзя забывать, что украинский национализм есть и будет всесторонне опасен, и Москва должна с этим считаться; так, по крайней мере, я вижу это сейчас". "Оставайтесь на своих местах, – заканчивал свои рекомендации Бенеш, – будьте, пожалуйста, едины в этом плане со мной и с правительством, сохраняйте спокойствие, достоинство, терпение" [10. S. 376–378].

Но Немец и член делегации коммунист Й. Вало в это время были уже в Москве, куда они прибыли 11 декабря. Остальные члены делегации оставались пока в Хусте. 14 декабря Фирлингер направил в Лондон подробную информацию правительственного делегата "о ситуации на Карпатской Украине". "Во время нашего прибытия, – сообщал Немец, – восстановление республики казалось делом бесспорным... В течение 14 дней ситуация кардинально изменилась. Движение за присоединение к СССР – стихийное. Сотрудничество местных и районных национальных комитетов с делегацией, сначала очень хорошее, после мукачевского съезда прекращено". Причиной неудовлетворительного отношения советского военного командования к делегации, согласно Немцу, было значительное недоверие к части "нашего офицерского

корпуса", "неясность формирования правительственной делегации и неточное определение ее компетенций", а также "спор о наборе добровольцев в Красную Армию". "У меня впечатление, – писал Немец, – что у советского командования такое чувство, что мы ведем двойственную политику: со стороны гражданской части – демократическую и полностью дружественную Советскому Союзу, со стороны военных – недемократическую и, что касается некоторых наших офицеров, враждебную Советам". Оценивая общую политическую ситуацию в ПР, Немец полагал, что "было бы неправильным выступать против этой народной акции" [10. С. 379–381].

По прибытии в Москву Немец и Вало были приняты Зориным, а затем задержались, ожидая встречи с руководством НКВД. Конфликт же между командованием 4-го Украинского фронта и Гасалом, который пытался создавать на подвластной делегации части освобожденной территории районные командования и проводить мобилизацию, формируя воинские подразделения и штабную роту, продолжался. Особенное раздражение советских военных вызывала упомянутая штабная рота, в которой были сосредоточены старшие офицеры, предназначенные для занятия командных должностей в будущей чехословацкой армии. 26 декабря Гасал получил составленную в весьма резком тоне телеграмму за подписью Петрова по вопросам организации и пополнения чехословацких воинских частей на освобожденной территории. Командующий 4-м Украинским фронтом доводил до сведения Гасала, что все сформированные им части, кроме штабной роты, отправлены для пополнения 1-го чехословацкого армейского корпуса, понёсшего тяжелые потери в боях. Штаб фронта направил генералу Л. Свободе приказ использовать также штабную роту для пополнения корпуса. Гасалу сообщалось, что она должна прибыть на место назначения не позднее 1 января 1945 г. [13. С. 262]. Телеграмма по стилю напоминала скорее приказ, чем документ общения с представителем союзной армии.

В день, когда Петров отправил телеграмму Гасалу, 26 декабря 1944 г., состоялась встреча Немеца, Вало и Фирлингера с Вышинским (в чехословацкой записи беседы значится дата 27 декабря 1944 г.). Разговор касался ситуации в Подкарпатской Руси и дальнейшего сотрудничества с советским командованием на территории Словакии. Согласно советской записи беседы, она началась с изложения Фирлингером точки зрения чехословацкого правительства. Он заявил: "... Вопрос о присоединении Закарпатской Украины к УССР может быть решен таким образом, чтобы его решение ни в коей мере не ослабило существующую дружбу между Чехословакией и СССР". Вышинский подчеркнул, что "к теперешнему народному движению в Закарпатской Украине по воссоединению с УССР следует относиться, как к объективному историческому факту, отражающему вековые чаяния народных масс Закарпатской Украины" и что советское руководство не может "помешать населению Закарпатской Украины выражать свои чувства, желания и чаяния". Вместе с тем Вышинский, вопреки фактам, утверждал, что "Советский Союз продолжает стоять на базе советско-чехословацкого договора от 8 мая 1944 г.", а споры "внутреннего порядка должны решать сами чехословаки". Немец в ответ заявил, что и с чехословацкой стороны не было никаких попыток тормозить движение. Подводя итог первой части разговора, Фирлингер, по его словам, констатировал, что точки зрения обоих правительств идентичны: "Президент Бенеш и его правительство не могут допустить изменения государственно-правового статуса Подкарпатья, тем не менее, между нами существует договор, что этот вопрос будет решен так, как это отвечает нашему тесному дружественному союзу с СССР, который мы хотим еще более укрепить". Вышинский, по словам Фирлингера, с этим согласился, после чего речь пошла о конкретных вопросах сотрудничества делегации с НРЗУ [10. С. 406–407; 5. Ф. 0138а. Оп. 25в. П. 154. Д. 5. Л. 38–41].

27 декабря Фирлингер, Немец и Петрущак были приняты в Кремле Молотовым. О содержании беседы в двух пространственных телеграммах в Лондон сообщил Фирлингер 28 декабря. Его впечатления сводились к следующему: "На проблему Подкарпатья он смотрит, как на дело, в принципе решенное ходом событий... Тем не менее, советское

правительство уважает существование договора и желание президента и правительства, чтобы вопрос остался открытым до того момента, когда об этом можно будет вести переговоры. Подчиняется оно этому пожеланию по собственной охоте или только от растерянности, сказать трудно". Кроме того, Фирлингер сообщал, что "Молотов извинился за многие инциденты на Подкарпатье, которые могли иметь место со стороны советских людей, особенно служащих Красной Армии. Люди уже утомлены войной, нервозны и могут легко перегнуть палку или допустить какие-нибудь промахи в атмосфере большого напряжения, вызванного сильным национальным украинским движением" [10. С. 408–411]. Бенеш был удовлетворен результатами бесед с Вышинским и Молотовым и, главным образом, ясностью в том, что вопрос о государственно-правовой принадлежности Подкарпатской Руси пока отложен и будет решен в данный момент дружески, "не задев добрых отношений обоих государств".

Миссия Немеца в Москве была выполнена, и он спешил на освобожденную чехословацкую территорию, но уже не в ПР, а в Словакию. 16 января он прилетел в Мукачево. За два дня до этого Окружной национальный комитет Хуста потребовал в ультимативной форме, чтобы делегация в течение недели покинула подвластную ему территорию [5. Ф. 0138а. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 21–22]. 18 января Немец побывал в Штабе 4-го Украинского фронта, где договорился о перемещении правительственной делегации на освобожденную территорию Словакии. В Ужгороде с согласия НРЗУ в качестве представителя чехословацкой администрации был оставлен прибывший из Лондона Петрушак, под началом которого был небольшой аппарат гражданских и военных чиновников [5. Ф. 0138а. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 25, 38, 70]. Вскоре он "по совместительству" возглавил и профсоюзы ЗУ. НРЗУ стала полновластным хозяином в ПР.

Советско-чехословацкие переговоры о дальнейшей судьбе этой территории вступили в чисто "дипломатическую" фазу. 23 и 29 января 1945 г. состоялся известный по литературе обмен письмами между Сталиным и Бенешем. "Хозяин" Кремля подтвердил, что, если на то будет желание президента, вопрос государственно-правового положения ЗУ можно решить после войны [13. С. 277, 287–288]. Во время визита Бенеша в Москву в конце марта 1945 г. он дважды обсуждал этот вопрос с Молотовым и по настоянию советского руководства, якобы для информации Президиума Верховного Совета СССР, вынужден был дать не предназначенное для публикации письменное подтверждение своего согласия на вхождение ЗУ в состав УССР после окончания войны [22. С. 77–78; 5. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 2]. В программу первого правительства Национального фронта чехов и словаков, сформированного в Москве, был внесен следующий пункт: "Правительство будет заботиться о том, чтобы как можно скорее был решен вопрос Закарпатской Украины, поставленный самим населением этой области. Правительство желает, чтобы этот вопрос был решен согласно демократическому волеизъявлению народа Закарпатской Украины, в духе полной дружбы между Чехословакией и Советским Союзом, и оно убеждено, что именно так и будет. В этом отношении правительство проведет всю необходимую подготовку" [13. С. 347]. Через полтора месяца после освобождения Чехословакии этот пункт правительственной программы был выполнен: 29 июня 1945 г. в Москве Молотов, со стороны СССР, председатель чехословацкого правительства Фирлингер и статс-секретарь В. Клементис, со стороны ЧСР, подписали Договор о Закарпатской Украине, который был ратифицирован обеими сторонами в ноябре того же года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 5. Май 1941 г. – февраль 1948 г. М., 1988.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 128.
3. Za národní osvobození, za novou republiku. 1938–1945. Praha, 1982.
4. Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. Документы и материалы. М., 1990.

5. Архив внешней политики Российской Федерации.
6. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999.
7. *Marjinová V.V.* K historii sovětsko-československých vztahů v letech 1938–1941. Nad deníkem Ivana M. Majského // Soudobé dějiny. Praha. 1999. № 4.
8. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960.
9. Československo-polská jednání o konfederaci. 1939–1944. Československé diplomatické dokumenty. Č. 1–4. Praha. 1994.
10. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Praha. 1998.
11. Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava. 1965.
12. *E. Beneš.* Vzkazy do vlasti. Editor J. Šolc. Praha. 1996.
13. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. Декабрь 1943 г. – май 1945 г. М., 1983.
14. *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966.
15. *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. D. 2. Praha. 1948.
16. *Vidňanský S., Gajdoš M.* Niektoré osobitosti nastolenia totalitneho režimu v Zakarpatskej Ukrajine // Od diktatúry k diktatúre. Slovensko v rokoch 1945–1953. Bratislava. 1995.
17. *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997.
18. Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. 1–2. Praha, 1965.
19. Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 2. М., 1998.
20. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. М.-Новосибирск, 1997.
21. *Георги Димитров.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997.
22. *Марфина В.В.* Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 г.) // Славяноведение. 1996. № 6.

© 2001 г. Я. ТАЗБИР

ПОЛЬСКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В XXI ВЕКЕ – УГРОЗЫ И ШАНСЫ

Независимо от оценки научно-культурного наследия Народной Польши, нельзя не согласиться с тем, что ее политика в этой области складывалась по-разному, всегда оставаясь в тесной зависимости от политической ситуации государства и его отношений с Кремлем. После периода "приучения" общества к последствиям отсутствия фактической независимости (1944–1948) наступила эра сталинизма (1949–1954), который – по причинам по сей день не совсем ясным – приобрел и в науке формы намного более мягкие, чем на родине этой системы. 1956 год принес коренные перемены, выразившиеся, в частности, в применении известного еще в средневековые деления на *historia sacra* и *historia profana*. Первая охватывала значительную часть новейшей истории, в том числе, прежде всего, историю рабочего движения, польско-советских отношений и, разумеется, историю Народной Польши. Цензорский контроль был здесь довольно скрупулезным, а фальсификация или искажение источников – явлением повседневным. Мы, однако, так и не зашли так далеко, как ГДР, где накануне важнейших торжеств политические власти объявляли тезисы, диктующие историкам толкование тех или иных событий. Я никогда не забуду беседу с высоким партийным сановником ГДР, который спрашивал меня, когда в Польше возник рабочий класс. Все более раздраженно он слушал мой ответ – что одни исследователи относят эту дату еще к эпохе Просвещения, а другие лишь к первой половине XIX в. Наконец он сказал: "Видно, вы не занимаетесь исследованием этих проблем. Ведь на столь важную тему, несомненно, существует директива ЦК ПОРП". Тогда я вспомнил, что подобные решения принимались в ГДР даже по случаю мероприятий, посвященных годовщине выступления Мартина Лютера или смерти Филиппа Меланхтона.

Тем временем в Польше исследователям, занимающимся историей более ранних периодов, предоставляли сравнительно большую свободу: случаи вмешательства цензуры были здесь единичными и редкими и касались главным образом польско-русских отношений. Благодаря этому я мог бы сегодня опубликовать без значительных изменений, в частности, мои статьи в Большой всеобщей энциклопедии Польского научного издательства, посвященные, например, иезуитам, контрреформации или религиозным войнам. В то же время никто из авторов статей о политической истории XX в. не рискнул бы ныне перепечатать что бы то ни было из этой энциклопедии. При этом очередные политические кризисы, которые Народная Польша переживала в 1956–1981 годы, существенно расширили объем цензурных свобод.

Тазбир Януш – академик, вице-президент Польской академии наук, почетный д-р Российской академии наук.

Наряду с культурой и наша наука, с гуманитарными науками во главе, все шире открывала окно на Запад. Поэтому ошибочными представляются повторяемые в печати досадные шаблоны, согласно которым якобы лишь после 1989 г. Польша возвратилась в Европу. На самом же деле мы никогда Европу не покидали – если понимать ее как культурно-нравственную общность, основанную на единой цивилизации. Это обстоятельство имеет существенное значение для темы моего выступления, так как нашей открытостью по отношению к Западу пользовались не одни только поляки, но и наши соседи, по воле Ялты помещенные в тот же самый лагерь государств, называвшихся первоначально странами народной демократии, а потом социалистическими государствами.

На это все шире открывающееся окно смотрели с растущим раздражением не только Кремль, но и зависимые от него столицы – Восточный Берлин, Прага, Будапешт. В Варшаву и другие польские города приезжали живущие в советской империи немцы или чехи – не только по поводу торговых или политических контактов, но и для того, чтобы посмотреть западные фильмы и спектакли, познакомиться с новейшей художественной литературой, издаваемой во Франции, ФРГ, Италии, Великобритании, США. Словом, для того, чтобы увидеть и прочитать все то, что было недоступно у них на родине.

В той же, если не большей степени, это касалось научных контактов. Гости из ГДР с изумлением убеждались, что издаваемые в Западной Германии журналы по гуманитарным наукам доступны в Польше каждому исследователю, а не заперты в отделе запрещенных изданий. Как в СССР, так и в странах народной демократии именно в так называемые "спецхраны" попадали научные публикации, издававшиеся на Западе и в США, к которым наши исследователи имели после 1956 г. свободный доступ. Значительная их часть почти сразу переводилась на польский язык; один из русских исследователей рассказывал тогда, какой совет он давал младшим коллегам: "Ты не учи английский, французский или немецкий, так как, во-первых, все равно не получишь доступа к книгам, написанным на этих языках, а во-вторых, если будут среди них какие-нибудь особенно ценные и интересные, то, наверняка, довольно скоро появятся в переводе на польский. Итак, учи лучше польский".

Работы польских ученых, занимающихся историей России, Литвы или Украины, как правило, не издавались в Советском Союзе. Дело в том, что их взгляды на историю этих стран в корне отличались от мнений, насаждавшихся Кремлем. В истории Латвии, изданной в период сталинизма, можно было, например, прочесть, что главная цель антифеодальной борьбы, проводившейся там крестьянами в XVI и XVII вв., состояла в присоединении к России! Главы, посвященные культуре Украины, являлись по сути дела перечнем русских влияний на ее культуру. Результатом этого было парадоксальное явление: правдивые исторические работы о прошлом Украины появлялись не только в Канаде, США, Великобритании, ФРГ, но и в Польше 1956–1989-х годов.

Речь Посполитая не впервые в своей истории играла роль окна в мир для центральной-восточной части нашего континента. Подобное явление наблюдалось в XVII в., когда Россия знакомилась со словесностью Запада в польских переводах. Конец этому положила лишь эпоха Петра Великого, который установил с Европой непосредственную связь (больше, впрочем, с материальной культурой Запада, чем духовной). В связи с этим А. Брюкнер пронципально заметил, что европеизация России всякий раз означала одновременно конец польского влияния на этой территории. Это проявилось во всей полноте в эпоху крупных преобразований конца XX в. Начатые реформами М. Горбачева и Б. Ельцина, они привели не только к распаду СССР, но и к ликвидации "железного занавеса", разделявшего наш континент также и с точки зрения цивилизации. Русским не приходится искать польские переводы, поскольку они получили свободный доступ к западной литературе. Знание английского языка в силу очевидных причин дает больше выгод. Это ведет к уменьшению притягательной силы польской культуры и науки, что создает одну из наибольших угроз международным контактам наших гуманитарных наук в предстоящем столетии.

Мы можем попросту перестать быть интересными для наших восточных соседей. Какая кому может быть польза от упомянутого "польского окна", если открылись широкие ворота! Символическое значение приобретает одно сравнение: если издававшийся некогда ежемезячник "Польша" расходился в СССР внушительным тиражом почти в 300 тыс. экземпляров, то "Новой Польше", которая стала выходить в конце прошлого года в Варшаве, далеко даже до одной десятой этого тиража. Однако все это не должно рождать фаталистические настроения и бесплодные сетования. Они явно чужды нынешнему руководству Польской академии наук, о чем свидетельствует как направление постоянного представителя ПАН в Москву, так и планы как можно более скорого создания подобных представительств в Киеве и Минске. Конечно, на основе полной взаимности. К этому призывал еще в 1920 г. В. Конопчинский, который писал: "В важнейших центрах европейской мысли мы должны основывать научные центры, общие и специальные, постоянные и временные". Есть также планы создания совместного польско-украинского вуза в Замостье. Стоит здесь напомнить, что уже в настоящее время в обоих университетах Люблина (Люблинском католическом университете и Университете им. М. Кюри-Склодовской) учится почти 600 студентов из Украины. Благодаря открытию белорусских, украинских и российских архивов Институт искусств ПАН получил возможность развивать широко задуманные исследования по истории восточных земель прежней Речи Посполитой (об этом писал Е. Ковальчик в "Бюллетене истории искусства" [1]).

Как мне представляется, именно польские гуманитарные науки должны выработать общий план исследований по истории той части континента, на которую столетия тому назад поместила нас история. В его реализации должны участвовать прежде всего представители "государств-преемников" Содружества наций, как можно назвать польско-литовскую Речь Посполитую XVI–XVIII вв., а это значит: наряду с поляками и литовцами также белорусы и украинцы, эстонцы и латыши; необходимо также участие русских, венгров и чехов. Над разработкой такого общего плана исследований трудится много лет центр центрально- и восточноевропейских исследований, действующий в Люблинском католическом университете под руководством Е. Клочовского. В эту деятельность включилось недавно Польское посольство в Париже; руководит ею глава посольства, наш коллега-историк проф. С. Меллер, который намерен привлечь к сотрудничеству французских славистов. Они знают, что все еще не преодолены печальные традиции – комплексные исследования истории Европы (и мощных течений цивилизации, ее перепахавших), издаваемые в Париже, Риме или Лондоне, практически кончаются на линии Эльбы. Итак, это Европа урезанная, скорее "условная", в которой не хватило места для центрально-восточной части. А даже если Польшу, Восточную Германию, Чехию или Украину подчас замечают, то при описании этих стран делается масса ошибок, а авторы опираются на устаревшую литературу предмета. Особенно *polonica non legantur*...

Множество неточностей допускают западные авторы, пишущие о России. Она, однако, независимо от своей политической окраски – белой или красной – всегда вызывала на Западе более живой интерес, чем Польша, начиная с XVIII в. (славный *le mirage russe*). И с этим мы должны, к сожалению, примириться.

Как известно, львиная доля "открытий" в гуманитарных науках есть плод незнания ранней литературы предмета. Так дело обстоит и в случае требования проведения совместных исследований, касающихся нашей части Европы. Ведь еще в апреле 1920 г., на варшавской конференции, посвященной будущему польской исторической науки, выдвигались требования установить тесное сотрудничество с румынскими, болгарскими, венгерскими, югославскими, а также латышскими, финскими и эстонскими историками (об этом писал Т. Кондрацкий [2]). Сколь же плодотворным могло бы быть такое исследовательское содружество.

Без ложной скромности можно сказать, что польские гуманитарные науки со значительными наработками влились в такое с размахом задуманное сотрудничество. Наша наука и культура завоевали суверенный статус намного раньше, чем само

польское государство. Это уже много лет назад признавали польские эмиграционные журналы. В 1962 г. Ю. Мерошевский писал в парижском журнале "Kultura": "Польская книга, изданная в Народной Польше, в сравнении с советской литературой в большинстве случаев является западной культурой [...] Театр, музыка, живопись, философия – не исключая марксистской философии в некоторых ее аспектах – по сравнению с Совдепией представляют западную культуру". После последнего общего съезда польских историков, состоявшегося во Вроцлаве (сентябрь 1999 г.) из отчета, помещенного в "Исторических тетрадах" журнала "Kultura" [3], мы узнали, что немецкие гости этого съезда "оценили его выше франкфуртского съезда немецких историков, состоявшегося годом раньше".

Известно, однако, что нет пророка в своем отечестве. На общем собрании ПАН, работавшем в декабре 1999 г., высокий представитель Комитета научных исследований сформулировал весьма критическую оценку гуманитарно-общественных наук. Иначе, чем другие дисциплины, у нас именно они якобы отстают от общеевропейского уровня. Столь суровая оценка базировалась, с одной стороны, на индексе цитирований, а с другой – на "филадельфийском списке", который, как известно, служит КНИ для зачета преференциальных очков.

Действительно, в этом индексе цитирований нет ссылок на работы польских гуманистов. Стоит, однако, задаться вопросом, кто на самом деле интересуется нашим прошлым, литературой или культурой в других странах Европы? Мы все же должны заниматься этими исследованиями, так как они являют собой существенную форму польского этнического сознания, для которого вход в европейский союз может представить серьезную угрозу. Химию, биологию или медицину можно развивать в разных странах, но вести исследования, связанные с нашей историей – долг прежде всего польских гуманитарных наук, от которого ничто и никто не может нас освободить. А "филадельфийский список", когда речь идет о перечне гуманитарных журналов, представляет собой очевидное недоразумение. Из польских изданий там оказался только ежегодник "Lud", орган этнологов. Не нашлось места для таких ведущих органов польских гуманитарных наук, как "Kwartalnik Historyczny", "Pamiętnik Literacki", "Biuletyn Historii Sztuki", "Kultura i Społeczeństwo" (примеров несправедливо обойденных здесь журналов можно было бы привести, конечно, еще много). А как быть с учеными, которые раз в несколько лет издают монографию, имеющую значение в гуманитарных науках, но не имеют обыкновения публиковать свои исследования на страницах журналов?

Итак, не следует делать фетиш из списка, составленного в далекой Филадельфии, и нельзя дать себя обмануть индексу цитирований. Что отнюдь не значит, что мы можем войти в новое столетие, удовлетворенные тем, насколько известны достижения нашей культуры и науки на широкой международной арене. Здесь много предстоит еще сделать, и прекрасно, что именно Министерство иностранных дел приступило к созданию при посольствах польских институтов имени Адама Мицкевича. Они должны заняться пропагандой наших культурных достижений за рубежом так, как это делают в области испанской и немецкой культуры институты Сервантеса и Гете.

Пока что дела обстоят крайне плохо, в чем частично повинна и наша эмиграция – и старая, и совсем недавняя. Она оказалась не способна издать по-английски хотя бы одну большую энциклопедию о Польше, тогда как украинские и литовские эмигранты опубликовали справочники о своих странах (причем в нескольких томах). Культурно-издательская энергия украинцев может навести на печальные размышления об инертности многих поляков за рубежом. Достаточно вспомнить, что в последние годы украинские эмиграционные историки приступили к систематическому изданию основных источников по истории своей родины, причем сразу в двух вариантах: на языке оригинала и по-английски.

За истекшее первое десятилетие III Республики наш издательский рынок наводнили бездарные, как правило, переводы западно-европейских исторических комп-

лексных исследований, в которых, как я уже упоминал, Польша и ее проблемы подчас ускользают от внимания авторов. Спросу на такого рода публикации в какой-то мере благоприятствует отход наших гуманитарных наук от комплексных разработок. Они создаются, как правило, авторскими коллективами, причем характеризуются малой связностью. Авторы сковывает также страх перед критическими рецензиями со стороны соотечественников. На несравнимо большее снисхождение могут рассчитывать иностранные авторы – ошибки им обычно прощаются, что объясняется радостью по поводу того, что кто-то вообще нами заинтересовался. Словом, во всем объеме проявляется здесь "комплекс Тимбукуту", радость представителей страны от того, что, наконец, нашелся исследователь, для которого слова "в Польше" не означают "нигде", как для автора "Юбю-короля". В повседневную практику вошло также пренебрежительное молчание в ответ на польские публикации. Сколь многих преувеличенно восторженных рецензий дождался у нас история Европы пера Н. Дэвиса, и сколь немногочисленные читатели обратили внимание на аналогичное исследование, подготовленное польскими историками под редакцией А. Мончака.

В Польской школе в Париже учатся исключительно дети нашей эмиграции. В работающие в Варшаве американскую, французскую, английскую, немецкую школы посылают своих детей многие коренные поляки, несмотря на высокую плату за обучение. Итак, движение одностороннее. Подобно этому и переводческое движение устремляется ныне только в одну сторону – с запада на восток. Аналогичной представлялась ситуация в годы II Республики, когда лишь незначительная часть работ, публикуемых выдающимися представителями польских гуманитарных наук, переводилась на так называемые языки конгрессов. Да и во французских, итальянских, английских журналах лишь изредка появлялись их фамилии.

Положение в корне изменилось после 1956 г. Несмотря на все цензурные ограничения, интерес к польским общественным наукам возрос как на Западе, так и на Востоке. Он выразился в публикации многих исследований и статей наших историков, социологов, литературоведов, искусствоведов во французских, итальянских, английских, западногерманских, американских журналах. После 1956 г. этих публикаций появилось несравнимо больше, чем в 1918–1939 гг., не говоря уже о периоде 1944–1956 гг. Статьям сопутствовали переводы книг польских ученых, причем нередко одновременно на несколько языков. Можно здесь, *exempli gratia*, указать на исследования М. Калецкого по экономике, философские труды Л. Колаковского, искусствоведческие Я. Бялостоцкого, работы А. Валицкого, касающиеся русской и польской философско-общественной мысли, посвященные методологии исторических исследований книги В. Кули и Е. Топольского, наконец, на целую серию работ польских исследователей, опубликованную парижской "École Pratique des Hautes Études" (ранее ÉNÉSS). Польские гуманитарные науки вызвали интерес благодаря тому, что они развивались в стране сосуществования – пусть очень даже бурного – католицизма с марксизмом. Запад Европы при нашем посредничестве узнавал о результатах переноса родившихся на Востоке форм общественного строя в страну с латино-католическими традициями, а после 1980 г. мы некоторое время привлекали внимание как своеобразная лаборатория перемен общественного строя.

Нас читали и потому, что после 1956 г. мы пытались (как оказалось, напрасно) примирить марксизм со здравым смыслом. Но будут ли нас читать и впредь, когда мы погрузимся в перечисление национальных бед, в воспевание мало кому кроме Польши известных героев, когда начнем чуть ли не демонстративно пренебрегать общественно-экономической историей и присущими ей конфликтами? В силу вещей интерес этого рода не может существовать вечно. Серьезным предупредительным сигналом пусть будет тот факт, что за последнее десятилетие значительно уменьшилось число польских работ по гуманитарным наукам, переводимых на иностранные языки. Если на Темзе, Сене, Рейне, Тибре, а также в США, по-прежнему издаются книги Л. Колаковского, А. Валицкого, К. Помяна или Б. Бачко (впрочем, превосходные), то это происходит не только в силу их тематики, связанной с историей России, проблемами

советологии или критики марксизма, но и благодаря месту постоянной работы и жительства этих авторов.

Польская научная книга нуждается в рекламе в лучшем смысле этого слова. Ее переводы требуют финансовой поддержки: уже В. Конопчинский на упомянутом варшавском съезде, т.е. 80 лет тому назад, требовал создания специального "бюро для того, чтобы переводить ценные работы".

Наконец, мы должны научиться писать так, чтобы наши тексты могли заинтересовать иностранцев и были для них понятны. К сожалению, по сей день бытует мнение, что достаточно хорошо перевести выдающуюся работу по общественным наукам, чтобы она нашла благодарных читателей. Нет ничего более ошибочного! Можно здесь припомнить переводческую осечку, какой оказался английский перевод "Истории польской литературы" пера Ю. Кшижановского. Львиная доля тиража осталась не распроданной и стоила в Польше (!) несколько злотых. Тем временем именно наша словесность, особенно периода лишения независимости, являет собой систему патриотических кодов. Она столь непонятна для кого-то, кому чужда политическая история Польши, что написание очерка для иностранцев требует иной поэтики. Такой, какую применяет, например, Ч. Милош с его многолетним опытом занятий с американскими студентами. Умение устанавливать контакт с иностранным, непольским читателем, приобрел также в значительной степени Н. Дэвис, что в значительной мере объясняет его успехи на этом поприще.

То, что я сказал выше, а именно необходимость заинтересовать за границу достижениями наших гуманитарных наук, в еще большей степени, чем переводов, касается исследовательской программы, какую они должны выработать для нынешнего и будущего поколения исследователей. Это требует нескольких лет интенсивного труда и подготовки; уже теперь, однако, я полагаю, что такая программа должна учитывать, прежде всего, наше постоянное присутствие в европейской культуре. Слишком долго мы выступали там в качестве павлина и попугая наций, оруженосца истории или – говоря менее изысканно – ее прислужника. Тем временем задача состоит в том, чтобы показать, какие новые элементы мы внесли в эту культуру. Особенно важны те моменты нашего прошлого, которые могут пригодиться в строительстве европейского содружества. Я причислил бы к ним традиции территориального самоуправления и способность многих наций жить вместе и сосуществовать в одном государственном организме.

Это, однако, никоим образом не может означать, что историческую правду следует подгонять к текущим политическим потребностям. Нам нельзя предаваться иллюзиям, что вместе с уже вторым в этом столетии восстановлением независимости исчез соблазн манипулировать историей. Этому противоречат и телевизионные передачи, где уже не разыгрываются споры о больших проблемах наших дней. Кто бы сегодня осмелился критиковать Пилсудского или отрицательно оценивать политику II Республики в отношении этнических меньшинств?

Во времена Народной Польши исторический костюм помогал вести самые злободневные политические дискуссии. Отсюда нескончаемые споры на тему Станислава Августа Понятовского, являвшиеся, в сущности, широкими дебатами о том, какой должна быть в данный момент линия поведения в отношении красного Кремля – должна ли это быть борьба за сохранение экономической и культурной автономии (о политической трудно было и мечтать) или стремление к вооруженному столкновению. Теперь же, и так, пожалуй, будет в XXI в., *история становится в некоторой мере вспомогательной наукой, служащей юбилее- или годовщиномании*. Это касается как выдающихся личностей, событий, так и истории городов. И напрасно историки старались убедить отцов города Варшавы, что в 1596 г. не было никакого переноса столицы из Кракова в Варшаву. Медаль четырехсотлетия столицы была учреждена и по-прежнему присуждается. Подобных примеров можно привести больше.

По случаю празднования двухсотой годовщины Великой французской революции и пятисотлетия открытия Америки было написано много горьких слов на тему террора,

применявшегося якобинцами, или истребления индейского населения, которое принесла с собой отнюдь не мирная встреча Европы с Вест-Индией. Тем временем у нас годовщины влекут за собой публикацию, наряду с ценными работами, ворохов национальной агрографии. Лишь в небольшой степени они служат развитию исследований, касающихся проблемы или человека. Когда молкнут юбилейные фанфары, вынутые из паутины полные издания чтимого в данный момент классика возвращаются на библиотечные полки, чтобы там снова покрываться пылью, вплоть до следующего юбилея. Более того, надо полагать, что наши юбилеи мало волнуют другие страны; в опубликованной десять лет тому назад статье "Польские гуманитарные науки – достижения, потребности и угрозы" [4] я выражал в связи с этим сомнение насчет того, могут ли очередные празднества "по случаю национальных годовщин и участие в них польских гуманитарных наук быть директивой для научных программ, которые могли бы заинтересовать также и исследователей из других стран?" Сегодня надо повторить этот вопрос еще энергичнее.

Это впрочем, тесно связано с тем кривым зеркалом индекса цитирований, о котором я уже упоминал. Среди великих символических персонажей мировой литературы мы тщетно искали бы польских героев. Между Дон-Кихотом, Мизантропом, Тартюфом, Дон-Жуаном нам не удалось втиснуть ни Силачки, ни доктора Юдыма, которые свое личное счастье возложили на алтарь национальных потребностей. Ведь рассказы Жеромского остались в школьных хрестоматиях. Быть может, поэтому воспитанные на них финансовые деятели так жестко относятся к кадрам просвещения и здравоохранения – в убеждении, что они и ныне будут верны образцам, созданным позитивизмом. То есть будут идейно работать за малые деньги, требовать которые даже неприлично.

Если празднование годовщин и юбилеев пользуется у нас все большей популярностью, то за это косвенно отвечают те же самые государственные лица, склонные выделять дотации только по случаю какой-нибудь круглой годовщины. Значительная их часть предоставляется теперь кассами органов самоуправления и *зависит на практике от щедрости и духовных горизонтов разного уровня чиновников, занимающихся распределением бюджетных средств*, а они на потребности науки выделяются все более скупо. В начале этого года мы узнали, что у Комитета научных исследований отняли не менее 38 миллионов злотых. Они должны перейти в руки тех, кто с помощью агрессивных манифестаций умеет требовать уважения своих прав. Донедавне ни одну из них не возглавил представитель научной общественности. Более того, несмотря на то, что многие из них заседают на скамьях Сейма и Сената, а также в министерских креслах, они не сумели (не захотели?) создать солидарное лобби, которое напоминало бы о потребностях науки. Злые языки говорят даже, что никогда еще в истории III Республики в правительстве не заседало столько профессоров. И еще никогда оно не проявляло столь мало понимания тяжелой финансовой ситуации разных дисциплин, во главе с гуманитарными и общественными науками.

Мы, представители этих наук, должны бить себя в грудь – ведь в этом есть часть и нашей вины. Слишком долго лишь изредка и тихонечко мы напоминали о своих правах. Когда для этого было более подходящее время, мы не подняли тревогу по поводу очевидного для всех факта – того, что положение наших гуманитарных и общественных наук уже давно ниже минимального инвестиционного уровня. Мы позволяли упорчить в правящих сферах мысли, что потребности наших исследовательских коллективов минимальны. Считается, что работникам гуманитарных наук по-прежнему достаточно дать бумагу и перо, а точнее – авторучку или пишущую машинку. Тем временем наступившее столетие несет с собой огромную задачу – необходимо произвести коренную модернизацию техники научных исследований, донедавне в общем традиционной; необходимо включить гуманитарные науки в интернетную сеть, широко использовать компьютеры и пр. Все это потребует крупных денежных вложений.

Огромные надежды мы возлагали на деятельность фондов, замороженные западной моделью, где инвестиции крупных фирм в науку отчисляются от их налогов.

Как историк эпохи барокко, я хотел бы напомнить, что крупнейшая, пожалуй, в Европе библиотека в Вольфенбюттеле (ФРГ), которая собирает книги главным образом этой эпохи, устраивает много конференций и издает ценные публикации, почти полностью финансируется заводами "Фольксваген". Я напоминал об этом в 1990 г. на страницах журнала "Nauka Polska": "Я хотел бы видеть Варшавский завод легковых автомобилей в роли благотворителя, финансирующего, скажем, польские исторические исследования, но пока что мы живем в государстве, где никого не удивляют доплаты к фабрикам, заводам и шахтам, а прибылей ожидают от... гуманитарных наук".

Посвящая столько внимания финансовым трудностям польских гуманитарных наук, я сделал это в убеждении, что без должного учета их потребностей в государственном бюджете они не смогут удержаться на среднем европейском уровне, как это было до сих пор. Если нам не хватит средств на кратко- и долгосрочные выезды в зарубежные библиотеки и архивы и на выписку иностранных книг и журналов, то относительно скоро можно будет сэкономить значительные средства на участии в международных конференциях: туда просто перестанут приглашать польских ученых, так как их доклады, основанные на устаревшей литературе предмета, немногим будут интересны. Это, конечно, позволит государственной казне сберечь еще больше средств. Кстати, время международных контактов, без сомнения, будет постепенно переноситься с крупных конгрессов и конференций (типа встреч-гигантов) на малые рабочие встречи, с максимум 30–40 участниками.

Состояние международных контактов польских гуманитарных наук в XXI в., а, прежде всего, их престиж на международном форуме, будут зависеть от многих факторов, среди которых добрая воля, высокие притязания и таланты самих исследователей играют отнюдь не самую важную роль. Какой прок от всего этого, если мы будем по-прежнему находиться ниже инвестиционного минимума, где-то в самом конце государственного бюджета. Это правда, что гуманитарным наукам не угрожает, как в случае физики и химии, медицины и биологии, "дренирование" иностранными центрами самых способных исследовательских кадров. Ведь нигде кроме Польши нет такой большой необходимости в исследователях ее истории, историках нашей литературы и искусства. Серьезную опасность представляет, однако, внутренняя эмиграция, т.е. перехватывание самых способных правоведами или социологами теми общественными организациями, которые могут обеспечить им более высокие заработки, чем университеты. Здесь ничего не поделаешь: уже теперь они лихорадочно ищут добавочных заработков, что должно отрицательно сказаться на развитии научных исследований.

Я хотел бы быть плохим пророком в этом отношении. Но все-таки боюсь, что если в ближайшие десятилетия правящие сферы не покажут понимания потребностей гуманитарных наук, то в конце XXI в. последние действительно станут научной Золушкой Европы. Даже лучшие их представители не смогут сравниться со своими немецкими, французскими или английскими коллегами. Европа, если, конечно, не разразится третья мировая война, очутится на очередном крутом повороте цивилизации. Если бы Польша и на этот раз отказалась от участия в гонке за научными успехами, то ей, пожалуй, уже никогда не догнать запада континента. Действие исторического фатума таково, что всякий раз, когда развитие Запада стремительно ускорялось, что-то мешало нам догонять его. Так было в XVII в., когда страна страдала от вражеских нашествий, так было в XIX столетии, когда ситуация повторилась вследствие разделов и захватов, и во второй половине закончившегося века, по вине навязанной нам Кремлем утопии. Мы должны делать все для того, чтобы XXI век не принес нам подобного поражения.

Престиж и международные успехи наших гуманитарных наук будут, несомненно, зависеть от успехов или неудач польского государства, от темпов нашего продвижения по пути политической стабилизации и благосостояния. Если мы замечаем, что иностранные исследователи не знают нашей истории, в том числе и новейшей, а так-

же неосведомленность в том, что касается польских достижений в области общественного строя и цивилизации – в первую очередь, терпимости – то обычно мы готовы приписать главную вину тому, что – иначе, чем, например, венгры – мы публикуем наши работы главным образом в Польше и по-польски. Долго я сам был такого мнения. Однако недавние события, связанные с празднованием Францией четырехсотой годовщины Нантского эдикта, поколебали во мне эту сугубо польскую склонность к самобичеванию.

В 1998 г. мы узнали из французской печати, что этот эдикт был первым актом терпимости во всей тогдашней Европе. Такое мнение высказали не только журналисты, но и серьезные исследователи во главе с Ж. Делюмо. Они забыли о Варшавской конференции, принятой за четверть века до Нантского эдикта – в 1573 г. Она давала всей шляхте право выбора любого вероисповедания, а не только, как это устанавливал Нантский эдикт, одной из двух конфессий. Поэтому в Польше XVI в. его называли Французской конфедерацией, выражая сожаление, что, следуя примеру сарматов (поляков), французы пролили много крови, чтобы, наконец, последовать совету "политического разума".

Из шумного празднования годовщины Нантского эдикта как первого акта, установившего терпимость, можно было бы извлечь два вывода. Первый – Речь Посполитая не находилась в XVI в. в Европе. Этот взгляд не заслуживает полемики. Вывод второй: виновны польские исследователи, так как на французском языке не известили французских историков о славном акте Варшавской конференции. А, в сущности, о нем писали на Сене довольно часто, начиная с XVI в. Достаточно напомнить, что иезуит Жозеф Леклер в ныне уже классической книге на тему истории терпимости (первое издание: Париж, 1955) посвятил Варшавской конфедерации не менее пяти страниц. Так уж на самом деле трудно винить польских историков в том, что об этом акте забыли участники французского юбилея 1998 г.

И другой пример, еще более поразительный. Профессор истории в одном из американских университетов А. Ценцяла несколько лет тому назад опубликовала в сборнике "Польские политические мифы XIX и XX веков" [5] чрезвычайно интересную статью, касающуюся сведений об Юзефе Пилсудском, содержащихся в англосаксонских энциклопедиях и учебниках. Из ее исследования вытекает, что в них по-прежнему господствуют отрицательные и несправедливые стереотипы и ошибочные данные. Так, например, нашу победу, одержанную в 1920 г., приписывают не только стратегическим талантам французских генералов (с Вейганом во главе), но и значительной военной помощи Франции.

Ю. Пилсудский выступает в англосаксонских энциклопедиях как президент, который в 1926 г. объявил себя диктатором. Польское сопротивление линии Керзона как границе с Россией объясняется нашим национализмом и податливостью на имперские тенденции. Авторы соответствующих биографических статей или глав в учебниках не потрудились заглянуть в публикации польских историков, изданные по-английски в США и Великобритании. На первом месте А. Ценцяла указывает здесь на работы П. Вандыча, который еще в 1957 г. упрекал своих американских коллег в отсутствии интереса к делам центрально-восточной Европы, мало того – в распространении ошибочных сведений на тему этой части континента. Профессор Ценцяла с прискорбием замечает, что с того времени немного в сущности изменилось.

Как известно, люди (а ведь историки тоже люди!) довольно неохотно усваивают новые мнения. Наряду с леностью, спешкой и небрежностью, здесь, по мнению А. Ценцялы, действует иной фактор – комплексы политической природы, а именно угрызения совести по поводу того, что союзник периода Второй мировой войны был отдан под советское господство на целых полвека. Эти угрызения, пишет А. Ценцяла, можно было подавить, "обвиняя Польшу в ее мнимом феодализме, империализме, фашизме". Таким образом, круг как бы замыкается, если нашей анархией, угнетением подданных и жестокостью сарматской шляхты западноевропейские деятели Просвещения обосновывали некогда разделы Речи Посполитой.

Остается выразить надежду, что международные контакты наших общественных наук, предусматриваемые в XXI в., будут способствовать хотя бы частичному исправлению всех этих, мягко говоря, ошибок и неточностей, и что именно благодаря им в работах иностранных исследователей возникнет, наконец, объективная картина нашей родины, ее истории и культуры. Произойдет ли это на самом деле, будет ясно лишь через сто лет, т.е. тогда, когда мы только из другого мира будем читать подведение итогов XXI столетия, сделанное нашими праправнуками. Прочитав эту статью, читатель может подумать, что опасности, угрожающие нашим гуманитарным наукам, будут в предстоящем столетии преобладать над их шансами. Как хотелось бы мне ошибиться!

Перевод И. Адельгейм

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kowalczyk J.* Biuletyn Historii Sztuki. 1999. № 1–2.
2. *Kondracki T.* Teki Historyczne. London, 1994–1995. T. XXI. S. 148.
3. *Zeszyty Historyczne.* Zesz. 130.
4. *Nauka Polska.* 1990. № 1–2.
5. *Polskie mity polityczne XIX i XX wieku.* 1994.

© 2001 г. А.С. СТЫКАЛИН

ТЕОРИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ВЕНГРИИ НАЧАЛА 1950-х ГОДОВ

Теория и художественная практика социалистического реализма в период сталинского режима в СССР, ее влияние на литературно-художественный процесс в целом и на творчество отдельных художников, едва ли не исключительный по своему драматизму опыт взаимоотношений власти и творческой интеллигенции, политики и художественной культуры в Советском Союзе 1930-х – первой половине 1950-х годов стали с конца 1980-х годов предметом многочисленных научных работ, из которых хотелось бы выделить наиболее глубокие исследования [1]. При том, что в некоторых работах уделялось внимание выявлению типологического сходства официозной культуры сталинизма и выполненной по ее канонам художественной продукции с тем, что происходило в условиях других тоталитарных режимов (фашистские Германия, Италия и т.д.) (см., напр., [2]), картина литературно-художественного процесса в СССР на протяжении нескольких десятилетий представлена в научной литературе не просто как история подавления и сопротивления, угнетения и ответной реакции на гнет, т.е. как один из фрагментов (пускай, автономный) социальной и политической истории. Предприняты серьезные, хотя и не беспорные попытки вписать творческую практику сталинской эпохи в контекст художественной культуры XX в., выявив, в частности, ее непростые взаимоотношения с авангардом, неоклассическими тенденциями и т.д. (см., напр., [3]). Есть основания предполагать, что именно исследования в области поэтики, изучение художественного языка, выразительных средств со временем будут занимать все более доминирующее положение в литературе, посвященной такому явлению, как социалистический реализм.

При всем обилии работ, написанных на отечественном, советском материале, феномен, который можно условно назвать эстетикой сталинизма, не может быть изучен с максимальной полнотой без обращения к опыту типологически близких сталинскому в СССР и политически зависимых от него восточноевропейских режимов. Пробелы здесь в нашей науке, за редким исключением, довольно явные (см., напр., [4. С. 117–132]). А между тем, чем обширнее и разнообразнее привлекаемый материал, тем шире поле для сравнительных исследований, а значит, изучаемый феномен (искусство, служащее власти, ориентированной на воплощение насильственными средствами определенной социальной утопии) способен предстать в еще большем богатстве своих взаимосвязей и специфических черт. В данной статье

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

речь пойдет о преломлении некоторых общих закономерностей тоталитарного искусства в конкретно-исторических условиях Венгрии, где с конца 1940-х годов была перенята сталинская модель социализма.

До поворотного в политической истории страны 1948 года венгерская Компартия, хотя и ни в коей мере не изменила своей конечной цели – установления диктатуры пролетариата по приспособленным к венгерским условиям советским образцам, все-таки из тактических соображений руководствовалась прежней стратегией единого антифашистского народного фронта. В условиях, когда первостепенное внимание уделялось задачам укрепления социальной базы партии, в том числе завоеванию творческой интеллигенции, поддержку ее руководства получали политические концепции Дьердя Лукача, ориентированные на поступательное продвижение к социализму через развитие и совершенствование демократических институтов, равно как и его эстетика, указывавшая на подвижную связь между мировоззрением и творческим методом; отличавшаяся большей гибкостью и более тонким пониманием специфики искусства, чем другие марксистские концепции в Венгрии (см.: [5. С. 39–63]). М. Ракоши и его команда безуспешно пытались использовать в своих интересах и огромный интеллектуальный потенциал всемирно известного философа, и его авторитет в кругах левой интеллигенции не только в Венгрии, но и за ее пределами. По справедливому замечанию зарубежного наблюдателя, известного французского политолога венгерского происхождения Ф. Фейто, в целом критически относящегося к творчеству Д. Лукача, «высокое диалектическое искусство, знание различных тенденций западной философии, тем более глубокое, что ему приходилось преодолевать их в самом себе, делали Лукача наиболее подходящей фигурой для роли адвоката *in extremis* ортодоксальной партии, которая еще не потеряла надежду привлечь на свою сторону интеллигентов, вкусивших сладость "декадентской культуры". Не был ли он воплощенным доказательством терпимости по отношению к ряду утонченных умов, доказательством того, что им предоставится все же возможность сохранить свои международные связи и определенный уровень мышления и творчества, который клеветники режима объявили уже окончательно утерянными?» [6. С. 100].

Однако к 1948 г. ситуация кардинально изменилась. Единство международного антифашистского лагеря дает трещину, кратковременный период мирного сосуществования быстро сменяется "холодной войной". Сталин и его окружение делают все, что в их силах, для форсирования социалистических преобразований в странах своей сферы влияния, установления в них родственных коммунистических режимов. Прочно утвердившись у власти, лидеры венгерской Компартии отбросили идею единого народного фронта как утратившую актуальность. Одновременно они пересмотрели и основополагающие установки культурной политики. "Мы требуем от писателей точного знания марксизма-ленинизма", – заявлял в 1950 г. один из идеологов Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Хорват [7. 215.о]. Если ранее руководство партии было вынуждено считаться с идейным плюрализмом среди творческой интеллигенции, то теперь оно уже не испытывало прежней тактической необходимости в этом. Не у дел в новых условиях оказывается и Д. Лукач с его казавшимися все более подозрительными идеями "реальной демократии". "Мавр сделал свое дело, мавр может уходить", – так, словами известного шиллеровского героя, откомментировал впоследствии философ произошедшее на рубеже 1940–1950-х годов свое унижительное, сопровождавшееся разносной критикой отлучение от участия в разработке линии партии в отношении творческой интеллигенции (см. материалы дискуссии: [8]). В условиях, когда гегемония ВПТ была уже неоспорима, а ее оппоненты вытеснены с политической арены, партийное руководство без видимого ущерба для своей монополии на власть уже могло, вопреки Лукачу, позволить себе провозглашение курса на "единомыслие" в среде деятелей культуры.

В статье 1950 г., призванной подвести итоги "дискуссии о Лукаче", главный идеолог партии Й. Реваи отмечал, что в силу специфики венгерских условий (отсутствие гражданской войны и т.д.) утверждение гегемонии социалистического искусства в

Венгрии "может быть относительно более мирным", чем в СССР, и "в целом... более быстрым" [9. 308.о], оно не будет сопровождаться столь же острой групповой борьбой, как в СССР, "попутчики" займут значительно меньшее место в литературно-художественной жизни. Пребывание в попутчиках – лишь временное состояние, писал Реваи, "развиваться по пути к социалистическому реализму, к партийной литературе побуждаем не только мы, сама жизнь" [9.309.о].

Что же представляла собой в действительности та новая концепция человека, то новое мировоззрение, к овладению которым, выступая от имени "самой жизни", так настойчиво призывал художников главный идеолог венгерского коммунистического режима? Общая для всех граждан строящегося социалистического общества установка на усвоение марксизма (конечно, в его официальном толковании) дополнялась по отношению к художникам специфическим требованием – взять на вооружение метод социалистического реализма как наиболее "передовой", в полной мере соответствующий "высоте" стоящих перед обществом задач. Курсу партийного руководства, избравшего в качестве образца сталинскую модель социализма, соответствовала концепция социалистического реализма, сформировавшаяся в 1930–1940-е годы в СССР и нашедшая законченное выражение в выступлениях А.А. Жданова первых послевоенных лет и соответствующих партийных постановлениях. Еще весной 1948 г., за несколько месяцев до поворотного июньского Объединительного съезда коммунистов и левых социал-демократов, коммунистический лидер М. Ракоши упрекал марксистскую интеллигенцию Венгрии за приверженность многим "устаревшим" теориям (и в частности, теории народного фронта), тогда как марксистская мысль СССР обогатилась за последнее время, по его мнению, "новыми достижениями", среди которых он выделил неизвестные постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства 1946–1948 гг. [10. 1948. 7 III]. В последующие месяцы коммунистическая пресса неустанно выдает эти постановления за своего рода эталон, за важную составляющую советского опыта социалистического строительства, который необходимо активно внедрять в практику венгерской культурной революции (см.: [11]). Метод социалистического реализма в его ждановской интерпретации монополизировался, провозглашается всеобъемлющим для нового венгерского искусства. На место недавнего плюрализма приходят полная регламентация творческой деятельности, подчинение ее своду общеобязательных канонов как в области содержания, так и формы.

В чем же заключалась суть насаждавшейся сверху эстетики? Прежде всего, вопреки сущности понятия "реализм" и, как правило, вопреки собственным декларациям, эстетика социалистического реализма ориентировала отнюдь не на отображение объективной действительности во всем многообразии ее глубинных социальных связей, а на создание картины мира, соответствующей представлениям партийной верхушки об идеальном обществе. Это признал впоследствии в мемуарах 1970-х годов М. Хорват: "Действительность (для художников. – А.С.) была такой, какой мы, политики, ее хотели видеть" [12. № 11. 19.о]. Реалистический характер метода не переставал, однако, декларироваться, и создаваемые литературой, искусством, внедряемые ими в массовое сознание идеальные образы преподносились отнюдь не как удаленные от жизни. Напротив, грань между реальностью и идеалом сознательно размывалась, идеальное состояние изображалось как уже достигнутое или близкое к достижению. Здесь приходил на помощь заимствованный из арсенала современной советской эстетики тезис о революционном романтизме как неотъемлемой составной части метода социалистического реализма. "Уже давно позади то время, когда литература... догоняла жизнь", теперь она должна опережать ее, заметил в одной из статей редактор еженедельника Союза венгерских писателей "Irodalmi Újság" Б. Иллеш (в прошлом видный представитель венгерской литературной эмиграции в СССР, на рубеже 1920–1930-х годов один из лидеров Международной организации революционных писателей) [13. 2 X]. "Надо показывать те тенденции в действительности, которые сегодня еще не стали везде господствующими, но завтра, несомненно,

станут", – отмечалось в резолюции съезда венгерских писателей в 1951 г. [10. 1951. 28 IV]. Применительно к эстетическим установкам начала 1950-х годов можно говорить не просто об абсолютизации прогностической функции искусства, безусловно, имеющей право на существование, а о сознательном искажении картины, выдававшейся за реальную. Размывание граней между наличествующим и должным, искусственное привнесение перспективы в изображаемую реальность подавляли реалистическое начало в литературе, таили в себе угрозу приукрашивания действительности.

Следует сказать, что тенденция, о которой идет речь, явно шла вразрез с представлениями Д. Лукача, подчеркивавшего, что писатель-реалист "не может изображать перспективу будущего иначе, как в виде более или менее заметного, обозначившегося направления развития изображаемого настоящего" (цит. по: [14. С. 119]). В своих статьях конца 1940-х годов крупнейший венгерский философ-марксист неоднократно предостерегал от подобного смещения ориентиров в литературе, претендующей быть реалистической, т.е. провозглашающей своим художественным методом типизацию фактов действительности. "Правдивый художник... не выдает перспективу за уже воплощенную реальность"; основа реалистической литературы – "реальное появление нового в общественной жизни" – заявлял он с трибун различных форумов венгерской творческой интеллигенции (цит. по: [15. № 9. 15–16.о; 16. 392.о]).

На практике в культурной политике начала 1950-х годов доминировало, однако, совсем иное понимание задач литературы. Призывая художников "опережать свое время", официальная литературная критика принимала в штыки попытки некоторых писателей (Т. Дери, П. Вереша, И. Эркеня и др.) глубже вникнуть в суть происходящих в обществе перемен, увидеть в социальной действительности противоречивые тенденции. Даже в тех случаях, когда и речи не могло быть об антисоциалистической тенденциозности, с журнальных страниц звучали обвинения в очернительстве.

Идеальная действительность немыслима без идеальных героев. Кто может быть положительным персонажем литературы социалистического реализма? – спрашивал И. Реваи и сам же отвечал: "Стахановец, тракторист, партийный работник, воин, добросовестная работница" [17. № 8. 2.о], но прежде всего "рабочий человек, выполняющий 5-летний план, показываемый во всем многообразии его общественной жизни и духовного мира" (цит. по: [16. 397.о]). Последнее замечание немаловажно – только тот, кто "без всякого сомнения служит партии, целям социалистического строительства" (цит. по: [18. № 11. 1010.о]), достоин, по мнению Реваи, стать положительным образом литературы социалистического реализма. Не менее характерны слова одного из критиков: "колеблющегося героя я всегда связывал... с реакционным буржуазным декадансом" (цит. по: [16. 396.о]). Подобные предписания призывали художников создавать персонажи, лишенные каких-либо душевных изъянов, т.е. образы одномерные, схематичные, психологически неубедительные. Одной из причин резкой критики Реваи и других в адрес романа Т. Дери "Ответ" (1952) была симпатия автора к одному из своих героев – рефлексирующему, исполненному душевных метаний интеллигенту [19. № 8–9. 741–761.о].

Требование максимально упростить духовный мир персонажей, освободить их от естественных человеческих слабостей, страстей, внутренних противоречий становится чуть ли не общим местом литературной критики. Причем для подкрепления подобных стереотипов положительного героя конкретным творческим опытом критика обращалась к произведениям современной советской литературы, которая, согласно представлениям М. Хорвата, спорившего по данному вопросу с Д. Лукачем, стояла на "несравнимо более высоком уровне", нежели классика "буржуазного" искусства. Задача искусства, по Хорвату, состоит не в чем ином, как только лишь в "создании конкретно-чувственной картины того", абстрактное понимание чего дает наука [7. 216.о]. Из этого положения (отнюдь не оригинального, почерпнутого из учебников по эстетике, изданных в СССР в конце 1940-х годов) логически вытекало, что произведение, иллюстрирующее более передовую систему взглядов, не может не быть

совершеннее, чем то, что отражает предрассудки автора. Свою в высшей степени упрощенческую точку зрения, не проводившую различий между иллюстративностью и художественностью, Хорват мотивировал еще и тем, что искусство, не владеющее методом "социалистического реализма", "мобилизует на борьбу лишь против некоторых грехов буржуазного общества", но своей классовой ограниченности не способно преодолеть и не может мобилизовать на борьбу против буржуазного общества в целом [7. 216.о]. Если Хорват абсолютизировал пропагандистскую функцию искусства, то Реваи, в большей мере принимавший во внимание гносеологическую природу художественного творчества, видел в наследии минувших времен ценность постольку, поскольку познать настоящее "нельзя без знания прошлого... а откуда мы можем лучше узнать рухнувший мир, кроме как из классической литературы" [9. 312.о]. Способность искусства выражать общечеловеческое содержание, не сводимое только к отражению некоей системы социальных отношений (причем в случае с несоциалистическим искусством с "ненаучных", классово ограниченных позиций), Реваи в данном случае также мало учитывалась. Книги В. Ажаева, С. Бабаевского и других расценивались как образцовые, в то время как "Тихий Дон" М. Шолохова, герой которого так и не смог найти себя в новой жизни, оценивался Хорватом как роман, при всех своих "сильных сторонах" не подходящий для того, чтобы выступать в качестве примера для молодых писателей [16. 476.о].

Персонажи художественных произведений, созданных по канонам эстетики социалистического реализма, не были, как правило, индивидуализированы. Каждый из них выступал как носитель определенной социальной роли, функции, и любая из этих ролей требовала для своего воплощения стереотипного набора приемов. Особенно явно это, конечно же, проявилось в пластических искусствах – стандартизированные портреты и бюсты плечистых стахановцев, улыбающихся колхозниц, мускулистых девушек с веслом не только наводнили картинные галереи, но и перешагнули за их стены, были использованы в художественном оформлении площадей и скверов в новых районах. За доминировавшими в художественной культуре современными советскими образцами зачастую совершенно исчезала национальная специфика в искусстве.

Картина мира, декларируемая официальной эстетикой, неизбежно носила иерархический характер. Верхнюю ступень пирамиды занимал вождь, олицетворявший своей фигурой всю мощь тоталитарной власти и господствующей идеологии. При этом положение Венгрии как страны политически зависимой от своего северо-восточного соседа вносило в иерархию некоторую специфику в сравнении с СССР, делало вершину как бы двухступенчатой (над "лучшим венгерским учеником товарища Сталина", как называла в те годы М. Ракоши венгерская пресса, возвышался сам "отец народов"). Проводятся конкурсы на лучшие стихотворения о Сталине и Ракоши. Виднейшее место среди жанров официального искусства занял парадный портрет – к образам вождей обращаются в эти годы многие художники и скульпторы. Для того чтобы художникам было легче изображать Сталина, им был показан специальный фильм о нем, где "отец народов" выступал в различных ипостасях [20]. Из фонда культурного наследия актуализируется традиция академизма и неоклассицизма – не удивительно, ведь именно эти художественные течения лучше всего способны были выразить идею сильной централизованной власти, незыблемости государственного строя. В высшей степени показательны, что один из придворных скульпторов регента Хорти Ж. Кишфалуди Штробль всего через каких-нибудь семь-восемь лет вполне пришелся ко двору генсека Ракоши.

Образ главного героя, наделенного сверхъестественными качествами, возвышающегося над рядовой массой, составляющей обычно лишь фон для его действий, вообще был весьма характерен для художественного сознания эпохи. Й. Реваи, выступая в 1949 г. на открытии выставки современного советского искусства, говорил об умении советских художников отображать "историю в больших руководителях" как об их огромном достоинстве [10. 1951. 19 IV]. Его призывам последовали многие

венгерские живописцы, обратившиеся к показу ключевых событий национальной истории исключительно через образы вождей. Проблема отношений вождя и народа всплывала в директивных установках и позже. Так, посетивший одну из выставок М. Хорват, попытавшись оценить крупноформатную картину Д. Кадара и Д. Конечны "Перед бурей" (о выступлении участников восстания Д. Дожи в 1514 г.), отметил в качестве недостатка то, что народные вожди не выделяются из основной массы. Хорошо изучив реалии той эпохи, быт и одежду XVI в., живописцы, однако, показали непонимание "нашего текущего момента", особенностей нашей сегодняшней революции, заметил Хорват. Еще одним "недостатком", отмеченным Хорватом, было отсутствие красной полосы на предутреннем небе, символа торжества конечной цели восставших – требование к художникам использовать в пропагандистских целях подобного рода примитивную символику также было характерным для тогдашней критики [21]. В то же время ряд молодых поэтов, посвятивших свои стихи Сталину, были удостоены его похвалы именно за "верное понимание нашей жизни". Следует заметить вместе с тем, что строгая нормативность эстетики соцреализма отнюдь не исключала многообразия жанров, причем наряду с высокими жанрами (парадные портреты, оды вождям, жизнеописания героев и т.д.) имели право на существование и низкие (например, кинокомедии), как правило, ничуть не менее насыщенные политико-идеологическим содержанием, но преподносившие его в иной форме.

Помимо создания и поддержания в общественном сознании идеальной картины мира перед искусством ставились и более прагматические задачи. Речь идет о необходимости реагировать на текущий политический заказ, обслуживать меняющуюся политико-идеологическую конъюнктуру, переводя в художественно-образный ряд партийные постановления и скороспелые лозунги. "Иногда и хорошо выбранная пьеса, хотя в целом и способствует политическому воспитанию наших трудящихся, повышает их сознательность, в то же время отнюдь не всегда помогает в непосредственном решении возникающих перед нами новых проблем", – говорилось в установочной статье по вопросам театра (цит. по: [22.527.о]).

Обе названные функции осуществлялись сходным образом. И внедряя в массовое сознание образ вождя, и призывая трудящихся отдать все силы на нужды форсированной индустриализации, пропагандистский механизм ВПТ, поставивший искусство себе на службу, апеллировал больше не к разуму, а к чувствам, эмоциям, прибегая при этом к использованию многообразных средств внушения, манипуляции, суггестивного воздействия.

К задачам насыщенной политической пропаганды очень часто стремились привязать и классику, пренебрегая принципом историзма. Так, в рецензии на театральную постановку классического произведения венгерской драматургии XIX в. трагедии Й. Катоны "Банк бан" один из критиков писал о необходимости режиссерской установки на то, чтобы просмотр одного из действий пьесы неизбежно заставлял зрителя провести аналогию с "преступными действиями" американских империалистов и вызывал у него осуждение этих действий [10. 1951. 10 VI]. Целесообразность постановки шекспировского "Макбета" другой критик мотивировал тем, что в этой драме можно найти прямые параллели с процессом по делу Л. Райка, видного деятеля Компартии, устранившего Ракоши в 1949 г. в результате инсценированного судилища, проходившего примерно по тому же сценарию, что и большие московские процессы 1936–1938 гг. [13. 21 XII]. Позже, в 1970-е годы, Хорват довольно тонко заметил в мемуарах: политики начала 1950-х годов в известной мере уподоблялись первобытным людям, которые рисовали страшилища на стенах своих пещер и металы в них копы, чтобы изжить в себе страх столкновения с подлинной реальностью [12. № 11. 19.о]. Ясно, что при таком понимании задач художественного творчества классика находилась в заведомо невыгодном положении в сравнении с конъюнктурными агитками, написанными на злобу дня. Когда сразу несколько театральных коллективов предпочли бесконфликтной драматургии современных венгерских и советских авторов пьесы

Мольера, в духе времени был поставлен вопрос об умышленном вредительстве и в дело были вовлечены органы безопасности [22].

Независимо от того, в какой мере осознавалось это самими художниками, литература и искусство были призваны стать одним из средств легитимации режима. Отсюда и доходившая подчас до абсурда абсолютизация политических критериев оценки произведений. "Что политически плохо, то и в художественном отношении может быть только плохим", – отмечалось в одной из критических статей [23. № 3. 63.о]. Другой автор, отзываясь о романе советского писателя В. Ажаева, заявлял: «"Далеко от Москвы" может быть потому наилучшее среди лучших произведений советской литературы, что оно наиболее явно показывает, в какой мере художественная ценность произведения зависит от важности изображенного в нем участка действительности, а не от... индивидуальности художника»(?) [24. № 2. 63.о]. В соответствии с этой логикой главная задача художника заключалась в самом выборе темы, а отнюдь не в ее художественном решении.

В начале 1950-х годов искусству предписывалось "идти в ногу со временем". "Необходимо, чтобы наши писатели ориентировались прежде всего на современные темы" [10. 1951. 28 IV], – отмечалось в материалах писательского съезда весной 1951 г., – им следует рассказывать "о социалистическом соревновании, о бригадах, о жизни молодежи, о шахтерах, о сталеварах, о строителях" [10. 1951. 18 IV]. "Социалистическое строительство, борьба за мир и новый положительный герой, его развитие, борьба, победа должны стать главной темой нашей литературы" [13. 2 XI]. Если Д. Лукач считал, что "вопрос о социалистическом реализме не есть вопрос о теме" [7. 234.о], то М. Хорват, напротив, полагал, что круг "основных направлений" современной венгерской литературы определен пятилетним экономическим планом [7. 183.о]¹, те же писатели, кому изображение "нашей социалистической действительности представляется "смирительной рубашкой", едва ли могут найти место в нашей литературе" [7. 183.о]. Установка на социальную содержательность искусства, доведенная до абсурда, оборачивалась высокомерно-пренебрежительным отношением к изображению частной жизни, внутреннего мира человека. "Наша поэзия, – писал Реваи, должна выражать не личные эмоции, а большие общие чувства народа" (цит. по: [18. 1010.о]). Следуя указаниям своего главного идеолога, некоторые критики упрекали поэтов в том, что они в период войны в Корее позволяют себе писать стихи о любви [10. 1951. 29 IV].

Попытки придать художественному образу идеологическую нагрузку и даже агитационно-пропагандистское звучание не ограничивались сферой художественной литературы, изобразительного искусства, музыки, театра, они распространялись даже на архитектуру. В 1950 г. по инициативе Реваи была развернута кампания борьбы с конструктивизмом и функционализмом, господствовавшими в венгерской архитектуре после 1945 г., в качестве идеала выдвигаются современные советские образцы в духе неоклассицизма и поверхностной эклектики.

Пример архитектуры особенно отчетливо показывает, что культурная политика коммунистического режима предъявляла свои требования отнюдь не только к содержанию художественных произведений. Не менее явно ущербная нормативность господствующей эстетической концепции проявлялась в отношении к форме, художественным средствам. В прямом противоречии со взглядами Лукача, для которого

¹ Сходную позицию выразил Й. Реваи, выступая 15 октября 1951 г. на Втором съезде Союза работников венгерского театра и кино: "Кино и театр должны обращаться к большим вопросам, волнующим народ, таким проблемам, которые являются основными проблемами государства, нации... и в этой области также нужно придерживаться планомерности. Это означает, что... при составлении репертуара театров, плана кинопроизводства нельзя отказываться от определенного круга тем, от планирования с ориентацией на эту тематику... У нас еще нет ни одного фильма, который был бы посвящен какому-либо значительному результату выполнения пятилетнего плана" (цит. по: [25. С. 58]). Высказывалась также та точка зрения, что диктатура пролетариата применительно к искусству предполагает прежде всего гегемонию пролетарских тем над крестьянскими [16. 397.о].

формальный аспект имел сугубо подчиненное значение, официальная эстетика начала 1950-х годов стремилась навязать художнику ограниченный набор приемов, якобы пригодных для решения любой творческой задачи, поставленной в русле реалистического метода. Главным достоинством современной советской живописи Реваи считал то, что на картинах "предметы не расплываются... они те же, что в действительности. Рисунок строгий и четкий, формы не раздуваются, соответствуют действительности" [10. 1949. 2 X]. М. Хорват со всей открытостью говорил о фотографичности как основном критерии ценности искусства социалистического реализма [7. 216.о]. Принцип изображения жизни в формах самой жизни, который Лукач ставил в зависимость от состояния общества, расклада социальных сил, конкретных форм проявления социальных антагонизмов (подробнее см.: [5]), теперь абсолютизировался безотносительно к конкретно-исторической ситуации, расширение художественной условности (даже в рамках реалистического метода) считалось неоправданным. При этом обычно ссылались на требования общедоступности, близости народу (для каждого вида искусств устанавливались свои критерии общедоступности – для музыки, например, требование мелодичности). "Высокое идейное содержание, недвусмысленная, твердая позиция, язык, стиль и форма настолько простые, чтобы... воздействовать в социалистическом духе на миллионы читателей", – именно в этом, по мнению Б. Иллеша, состояла задача литературы социалистического реализма [10. 1951. 13 I].

Проблема, о которой здесь идет речь, представляется неоднозначной. Процессы демократизации, развернувшиеся в 1945–1946 гг., способствовали более широкому приобщению масс к плодам профессионального художественного творчества. Показатели книжных тиражей, посещаемости выставок, театров, кинотеатров и т.д. росли и в те годы, когда у власти укрепились Ракоши и его команда. В той мере, в какой социальное функционирование искусства, его бытование в определенной среде, оказывает обратное влияние на творческий процесс, это обстоятельство ориентировало художников на формы, доступные эстетически малоподготовленной публике. Таким образом, просветительские задачи стояли перед культурной политикой объективно. Вместе с тем просветительство трактовалось в узко утилитарном, сугубо идеологизированном плане и в полном отрыве от проблемы совершенствования эстетических вкусов. Все дело заключалось в том, что только искусство, рассчитанное на самую широкую аудиторию, способно было выполнить (и то, конечно, далеко не всегда) предписанный ему сверху социальный, пропагандистский заказ.

Одним из распространенных жанров литературной, художественной критики становятся "письма трудящихся". При том, что почти любое критическое выступление, будучи санкционированным сверху, приобретало директивное звучание, прежде всего это касалось тех публикаций, под которыми стояла подпись рабочего. Читатель должен был воспринять эту критику как голос народа, того, кому, перефразируя Ленина, отныне стало "принадлежать искусство". И в этой связи возникает важный вопрос: как влиял на искусство начала 1950-х годов (и на творцов, и на аудиторию) социально-психологический климат, настрой эпохи, было ли это искусство, подгонявшее и "опережавшее" жизнь, только плодом лицемерия или иногда хотя бы в некоторой мере отражало надежды, иллюзии, ожидания, характерные для тех лет?

Есть основания утверждать, что атмосфера революционной эпохи с присущим ей острым противостоянием двух политических лагерей объективно располагала авторов к предельной тенденциозности, к определенности оценок вплоть до отсутствия полутонов в изображении, плакатного противопоставления позитивных и негативных, "своих" и "чужих" персонажей. При этом господствовавшее противоречие между двумя лагерями, двумя системами ценностей могло проецироваться в восприятии отнюдь не малочисленных сторонников коммунистического режима и на внутренние противоречия нового общества. Эти последние (и в частности, возникновение враждебного массам бюрократического нароста) зачастую воспринимались ими как унаследованные от капитализма. Новое общественное состояние представало, таким

образом, как лишенное своих имманентных противоречий, что находило отражение и в художественной культуре. Говоря о настроениях масс в переломную, революционную эпоху, надо иметь в виду и тот характерный социально-психологический феномен, когда коренные социально-экономические преобразования (а в Венгрии они были значительными начиная уже с 1945 г.) приближают в сознании многих людей идеальное состояние, делают более зыбкими и подвижными границы между реальным и идеальным, так что сама действительность начинает восприниматься в идеализированных, романтических, утопических формах. Образ будущего (как правило, "светлого будущего") в такие эпохи и помимо усилий культурной политики, о которых уже говорилось, занимает видное место в общественном сознании, а настоящее воспринимается в координатах идеального, видится не как ценное само по себе, а только как временное, переходное положение, одна из ступеней на пути к идеалу. При таком восприятии реальности неизбежны искажение, абберрация зрения, подмена сущего должным, и это в той или иной мере характерно и для обыденного, повседневного и для художественного сознания.

В конце кадаровской эпохи некоторые венгерские исследователи (например, видный литературовед И. Кирай) писали об эмоциональном подъеме, охватившем значительную часть населения страны в период определенных экономических успехов 1946–1948 гг., когда страна в течение считанных лет не только преодолела экономическую разруху, но и достигла предвоенного уровня в развитии промышленности [18]. Этот настрой не мог не найти своего проявления и в художественной культуре. По мнению Кирая, впрочем оспариваемому некоторыми другими исследователями, искренний оптимизм, вера в "светлое будущее", скорое торжество социалистических идеалов на некоторое время овладели и кое-кем из зрелых художников (даже не столько известный процесс по делу Райка и другие политические репрессии 1949–1950 гг., сколько крах экономической политики Ракоши в 1951–1952 гг. смогли, считает Кирай, поколебать этот настрой). Тем более такой оптимизм был характерен для молодых художников рабоче-крестьянского происхождения, после 1945 г. довольно активно вступавших в творческую жизнь². И дело здесь было отнюдь не только в особенностях субъективного восприятия, но в чем-то большем. Глубоко прав, на наш взгляд, киновед Л. Тот, который пишет о том, что находившаяся в состоянии разрухи "страна, борющаяся с тысячью проблем, нуждалась в оптимистической перспективе" [25. С. 60]. Вспомним в этой связи об успехе в послевоенном советском прокате фильма "Кубанские казаки", а тем более зарубежных кинолент типа "Девушки моей мечты".

Но одно дело потребность в оптимистической перспективе, а также временный эмоциональный подъем, революционно-романтический настрой, питаемый быстрыми социальными переменами, видимым ускорением общественного развития. И совсем другое дело – сознательная эксплуатация этого социально-психологического феномена в целях создания эстетической системы, призванной увести художника от познания социальной действительности. Впрочем, это касалось не только эстетики и художественной культуры. Авангардистские, революционно-романтические настроения определенной (из года в год все сужавшейся и сужавшейся) части общества нередко оказывались созвучными планам Ракоши и его окружения и применительно к другим сферам деятельности, будь то массированное вытеснение частного товаропроизводителя или же превращение Венгрии в страну тяжелой индустрии.

Какова была реакция в творческих кругах на эстетическую концепцию, претендовавшую на господствующее положение в художественной, литературной, театральной жизни? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Были художники, попросту склонные к конъюнктурщине, – они с готовностью принялись следовать установленным нормам, снискав себе расположение верхов. В целях поощрения деятелей куль-

² Достаточно сказать, что в 1955 г. дети рабочих и крестьян составляли 60% учащихся высшей школы изобразительного искусства, тогда как до войны их там были единицы [26. № 4. 250.].

туры, угодных режиму, Ракоши перенимает у Сталина механизм премирования придворных художников. Так, венгерским аналогом Сталинских премий становятся премии имени Кошута. Формируется и международная система вознаграждения мастеров искусств за особые заслуги в деле пропаганды сталинского тоталитаризма – среди лауреатов Сталинской премии по литературе в 1951–1952 гг. оказалось несколько зарубежных, в том числе и венгерских, писателей. Следует заметить, что именно с лауреатами из Венгрии произошел наиболее серьезный просчет. Оба они – авторы очень несовершенных в художественном отношении произведений – молодые прозаики Т. Ацел и Ш. Надь были выдвинуты по инициативе главного в то время в Москве эксперта по венгерской литературе А. Гидаша без согласования с руководителем культурной политики ВПТ Й. Реваи. Присуждение им премии вызвало в Венгрии большое недоумение как в литературных кругах, так и со стороны партийного руководства (см. записи бесед сотрудников посольства СССР в Венгрии с венгерскими литераторами за 1952 г. [27]). К этому можно добавить, что оба награжденных литератора и в дальнейшем не оправдали доверия тех, кто рекомендовал их на премию. Ш. Надь в 1960-е годы был привлечен Я. Кадаром к суду за создание нелегальной организации маоистского толка. Т. Ацел, в середине 1950-х годов ставший активистом оппозиционной, выступавшей за расширение творческих свобод группировки в Союзе венгерских писателей, в декабре 1956 г. навсегда уехал из Венгрии – согласно распространенной в Венгрии легенде, впрочем, неправдоподобной, на личном автомобиле, купленном на Сталинскую премию.

Иначе отреагировали на поворот в культурной политике серьезные мастера. Даже те из них, кто до поры до времени искренне верил в возможность построения социализма и связывал такую перспективу с силами, стоявшими у власти, не были, как правило, настроены на отказ от своих наработанных творческих принципов, тем более в угоду столь безжизненной нормативной концепции. Но простора для маневра оставалось все меньше и меньше. Хотя Й. Реваи и утверждал, что "новую социалистическую литературу невозможно создать с помощью административных мер" [9. 304–305.о], в реальности все обстояло по-другому. Художники, не желавшие следовать официальным установкам, постепенно вытеснялись из культурной жизни в результате закрытия журналов, пересмотра книгоиздательских планов, усиления цензуры (в числе изданий, переставших выходить, оказался и "Forum" Д. Лукача, закрытый в 1950 г.).

Едва ли будет преувеличением говорить о глубоком упадке венгерской художественной культуры в 1949–1953 гг. На несколько лет оказались исключенными из литературной жизни (в лучшем случае оттесненными на ее периферию) такие ведущие писатели, как Л. Кашшак, Ш. Вереш, А. Тамаш, Е. Тершански, Л. Сабо, М. Фюшт, Г. Оттлик, Я. Пилински, А. Немеш Надь, И. Манди, Б. Хамваш, Д. Хатар, З. Йекели, М. Месей, И. Ваш, Э. Иллеш и др. Выдающийся мастер психологического романа Л. Немец выступал почти исключительно как переводчик русской литературной классики. В труднейших условиях приходилось работать другому корифею венгерской прозы, Т. Дери. Вскоре после выхода в 1952 г. второй части романа "Ответ" писатель, и ранее критиковавшийся за "флюберовскую беспристрастность", "аристократизм", неуважение к вкусам массового читателя, становится объектом ожесточенной травли. Устами Реваи он был обвинен в очернении истории венгерского рабочего движения – основанием для этого послужил показ в романе сектантских тенденций в деятельности ВКП [19. № 8–9]. Еще один большой прозаик, Л. Надь, стал мишенью критических выпадов за "циничней" "буржуазный" объективизм, упорное нежелание вносить в свои произведения пафос революционной романтики. Усиленным критическим разномасштабным подвергались Д. Ийеш, П. Вереш, И. Эркен. Ряд молодых писателей, дебютировавших уже после войны, будучи поставленными перед жесткой необходимостью следовать официальным канонам, остановились в творческом росте. Вытесняются из художественной жизни многие живописцы, скульпторы, графики, работавшие в русле новейших стилевых течений. Другим приходилось, ломая творческую индивидуальность, приспосабливаться к устаревшим канонам

академизма, выдававшегося официозной эстетикой за "социалистический реализм" в изобразительном искусстве. Переносится на венгерскую почву кампания по борьбе с формализмом в музыке.

На рубеже 1940-х – 1950-х годов, в результате реорганизации Союза венгерских писателей многие видные литераторы остаются за бортом этого творческого объединения. В условиях установившейся как раз к этому времени государственной монополии на книгоиздательскую деятельность это по сути дела означало лишение возможности издавать свои произведения. Не только писатели, но и многие живописцы, скульпторы, архитекторы, композиторы вследствие аналогичных чисток потеряли возможность зарабатывать себе на жизнь творческим трудом, перешли в категорию лиц со случайными доходами, остро недовольных устоями режима. Впрочем, процесс, о котором идет речь, представлялся руководству культурной политикой совершенно естественным. Как писал Реваи, с началом кардинальных перемен у многих художников ушла почва из-под ног и они только после основательной идейной переориентации смогут найти свое место в культурной жизни [9. 304–305.о].

В 1950 г. М. Хорват с удовлетворением отмечал: на литературном фронте одержана победа – социалистический реализм стоит на "непоколебимо твердой" почве, занял ведущее положение в литературной жизни; достигнуто единство сил литературы на платформе "социалистического реализма" [7. 219.о]. То обстоятельство, что в результате одержанной "победы" венгерская литература (и художественная культура в целом) на время лишилась многих имен, составлявших ее гордость, как-то не принималось во внимание. От таких сомнительных "побед" еще в 1946 г. предостерегал Д. Лукач. "Единство литературы, – писал он, – не механическая униформизация, не сглаживание – из тактических соображений – существенных противоречий, а идейное единство убежденных сторонников демократии" [28. 341.о]. Впрочем, не только Лукач, но даже Хорват и ему подобные не могли не ощущать всей иллюзорности установленного сверху единомыслия. "Среди литераторов мы чувствовали себя подобно завоевателям в покоренном городе", – вспоминал Хорват впоследствии [12. 18–19.о]. Так были заложены основы глубочайшего конфликта между партийно-политическим руководством и творческой интеллигенцией, которому суждено было вылиться на поверхность всего через несколько лет, начиная с конца 1954 г., когда именно литераторы стали первопроходцами в борьбе за демократическое обновление социализма.

Исключение из активной творческой жизни многих талантливых художников привело к резкому снижению ценностных критериев в литературе и искусстве, чему не могла не способствовать и деятельность критики, как уже отмечалось, выдававшей за образцы произведения, несшие на себе следы нормативных предписаний³. Торжествовали лакировочные тенденции. Широким потоком выходили романы, пьесы, фильмы, по преимуществу, на производственную тему, созданные по рецептам пресловутой "теории бесконфликтности". Нормой становятся парадность, сглаживание "острых углов", стремление всячески избегать показа негативных явлений, тенденция демонстрировать обнаженность авторской позиции путем плакатного противопоставления положительных и отрицательных персонажей. Поэзия отличалась чрезмерной повествовательностью, снижением лирического начала, выходило очень много стихов агитационного характера, стереотипных по своему художественному решению. Сводятся на нет искания в области художественной формы – по отношению ко всем видам искусства можно говорить о разрыве с обширным пластом традиции мировой художественной культуры, о насильственном вытеснении из арсенала художественных средств того нового и ценного, что принесло искусство конца XIX–XX вв. При этом в официальную эстетическую концепцию не вписывались и некоторые крупные

³ Показательно, что в ходе "дискуссии" 1949–1950 гг. Лукача много упрекали в "чрезмерном" внимании к художественному мастерству, в так называемом "литературном аристократизме", в том, что своими якобы завышенными требованиями к молодым, начинающим писателям он препятствовал их творческому росту [8].

деятели социалистической культуры, склонявшиеся к формальному экспериментированию – Б. Брехт, П. Элюар. Явно недооценивалась и собственная венгерская традиция пролетарского авангарда.

Наиболее значительные произведения из числа созданных в Венгрии в конце 1940-х – начале 1950-х годов как правило не укладывались в прокрустово ложе схем нормативной эстетики, не отвечали ни содержательным установкам, ни формальным канонам. Тем самым они, как, например, роман Т. Дери "Ответ", его же рассказ "Белый мотылек", новелла И. Эркеня "Фиолетовые чернила", некоторые произведения Ф. Юхаса, И. Шаркади и других, давали повод для самой разнузданной критики, направлявшейся сверху и не гнушавшейся политических обвинений.

Вульгарный характер господствовавших концепций художественной культуры проявился в начале 1950-х годов не только в оценках текущего творческого процесса, но и в отношении к культурному наследию. Так, весь обширный период в развитии западноевропейской художественной культуры начиная с последней трети XIX в. расценивался как полоса тотального упадка и деградации литературы и искусства, на фоне которых выделяются лишь произведения художников, связанных с рабочим движением (или, во всяком случае, близких ему). То же самое, конечно же, касалось и культуры США. Статья, посвященная современной американской литературе, например, гласила: "Такие писатели, как Стейнбек, Хемингуэй, С. Льюис, Э. Синклер, Колдуэлл... верно угождают вкусам и требованиям своих покровителей, но ничего значимого с литературной точки зрения не могли создать" [13. 14 XII]. Это утверждение, однако, вступало в острое противоречие с реальными фактами. В современной американской литературе признавались А. Мальц, М. Голд, Л. Хьюз, Г. Фаст, впоследствии порвавший с компартией, и ряд еще менее крупных писателей, как правило, близких рабочему или же негритянскому движению.

Недооценка эстетических и переоценка идейных критериев, предельно узкое понимание реалистического метода характеризовали и отношение к национальной культурной традиции. По инициативе Хорвата на рубеже 1940-х – 1950-х годов выдвигается лозунг "Наше знамя – Петефи". Основанием для этого послужила не только революционная страстность, но и простота языка, предельная ясность и пластичность образов великого поэта, провозглашенного в это время предтечей "социалистического реализма". Но наследие Петефи трактовалось односторонне. В нем видели только революционного поэта. Петефи-лирик оставался на втором плане. Кроме того, биография Петефи насильственно освобождалась от органически присущих его творческому развитию внутренних душевных конфликтов.

Именем Петефи иногда попрекали тех венгерских писателей, которые в ту или иную эпоху не смогли занять место в авангарде сил, выступающих за социальный прогресс в марксистском понимании. Крупных художников обвиняли в оторванности от рабочего движения или же в "недостаточно органическом" слиянии с ним по причине идейно-мировоззренческой "незрелости" (такой упрек звучал даже в адрес поэта А. Йожефа и живописца Д. Дерковича, преследовавшихся при хортизме за участие в коммунистическом движении). Из активного культурного наследия в начале 1950-х годов исключаются целые пласты национального достояния – прежде всего творчество крупных художников, работавших в конце XIX – первой половине XX в. (живописцев П. Синей Мерше, Л. Меднянски, Т. Чонтвари, Й. Риппл Ронаи, писателей М. Бабича, Д. Костолани, Д. Круди, Ф. Каринти и др.). Руководителей культурной политики не устраивали либо позиция общечеловеческого, в трактовке тех лет "внеклассового" и следовательно "буржуазного" гуманизма, присущая этим художникам, либо использование стилизованных форм, противоречащих нормативной эстетике "социалистического реализма", либо и то, и другое. Только с середины 1950-х годов началось медленное возвращение многих имен, составляющих гордость венгерской национальной культуры.

"Наше главное требование к работникам культуры... состоит в том, чтобы они учились у советской культуры, чтобы отныне не на Париж, а на Москву обращали свои

взоры", – заявлял Реваи в октябре 1949 г. на открытии выставки современной советской живописи и скульптуры [10. 1949. 2 X]. Русская классика (литературная, музыкальная) также в эти годы получила в Венгрии более широкое распространение, и это было фактом позитивным, несмотря даже на то, что наследие русской культуры преподносилось в соответствии с той господствовавшей концепцией культурного наследия, которая оставляла за бортом подлинные шедевры (подробнее см.: [29. С. 121–160]). Главный упор в пропаганде делался все же не на классику, а на современную советскую культуру, официально признанную сталинским режимом [30. С. 8–41]⁴. Ясно, что далеко не всё приходившее с Востока могло увлечь венгерскую публику высоким художественным совершенством. Ее перенасыщение культурой социалистического реализма сопровождалось резким отторжением этой культуры, опиравшейся на советские образцы⁵. В немалой мере этому способствовало и быстрое разочарование в скором торжестве коммунистических идеалов многих из тех, кто поначалу им был привержен.

Похожие как две капли воды романы о передовиках производства, пьесы о конфликтах хорошего с лучшим, стандартные по своему решению образцы агитационного стихотворчества настолько заполнили книжный рынок и страницы журнальной периодики, настолько пресытили даже самого эстетически неприхотливого читателя, а главное настолько разочаровали партийных идеологов своей низкой пропагандистской эффективностью, что уже в 1951 г. руководители культурной политики осторожно и с оглядкой, но все-таки дают задний ход запущенной машине – отношение к художественному мастерству перестает быть столь же снисходительным, как в первые годы "пролетарской власти". Под лозунгом "борьбы со схематизмом" прошел в 1951 г. съезд венгерских писателей. "Реалии нашего социалистического строительства намного сложнее, чем та картина, которую дает литература" – был вынужден признать Реваи [10. 1951. 28 IV].

Непоследовательные, носившие кампанейский характер корректировки (вроде кампании борьбы со схематизмом 1951 г.) не могли, однако, изменить положения дел в художественной культуре, поскольку исходные позиции официальной эстетики коренным образом не менялись. Пропагандистское предназначение художественной деятельности, изображение жизни исключительно в формах самой жизни, нравственная стерильность положительного героя, иерархия тем в зависимости от политической конъюнктуры по-прежнему подразумевались, и уже это препятствовало стремлениям писателей и деятелей искусств создавать художественные образы "из плоти и крови".

Поворот к принципиально новой ситуации в литературной, художественной жизни начался только с лета 1953 г. К этому времени уже довольно явно обозначились первые симптомы кризиса нового режима. Социальная утопия, воплощение которой в самом обозримом будущем было поставлено на повестку дня силами, стоявшими у

⁴ Параллельно с резким повышением интенсивности советского культурного влияния столь же резко сужались масштабы воздействия иных, более традиционных для Венгрии культур. После 1948 г. был прекращен показ американских фильмов, из театральных репертуаров и книгоиздательских планов были исключены многие произведения западных авторов. При этом наряду с продукцией коммерческой культуры в "запретную зону" попадали большие ценности. О том, в каких масштабах происходило вытеснение мировой классики из духовной жизни Венгрии, лучше всего скажет следующий факт. Среди книг, подлежащих изъятию из библиотек согласно официальному распоряжению 1950 г., через год, правда, частично пересмотренному, оказались "Калевала", произведения М. Сервантеса, А. Дюма, братьев Гримм, Г. Уэллса, С. Цвейга, ряда других крупных писателей разных времен и народов [31. № 2]. В некоторых случаях (например, в случае с "Дон Кихотом") основанием для изъятия книги являлась "контрреволюционная сущность" их составителей или авторов предисловий (эти книги вышли до 1948 г.), но в большинстве случаев речь шла о принципиальном неприятии того или иного явления с позиций сталинской эстетической ортодоксии.

⁵ Эта тема многократно находила отражение и в донесениях советских эмиссаров из Будапешта. См., например: О состоянии искусства в Венгрии (письмо корреспондента ТАСС в Венгрии от 12 марта 1954 г.) [32].

власти, все более отчетливо обнаруживала свою несбыточность. В первую очередь это проявилось в крахе волюнтаристской экономической политики, в провале курса на превращение Венгрии в "страну железа и стали" в течение нескольких лет. В этих условиях носителям утопического сознания (как во властных структурах, так и вне их) пришлось пролонгировать временные векселя своих ожиданий. С подачи Москвы, озабоченной кризисным состоянием венгерской экономики и опасавшейся вспышек открытого недовольства населения своим положением, коммунистические лидеры меняют парадигму социалистического строительства в Венгрии. Попытки осуществления новой программы, имевшей ряд аналогий с российским нэпом 1920-х годов, были связаны с деятельностью Имре Надя, премьер-министра в 1953–1955 гг. Вносятся корректировки и в культурную политику, хотя недостаточно радикальные, чтобы стать адекватным ответом на вызов времени. Судьбы эстетики социалистического реализма в Венгрии в обстановке глубокого общественно-политического кризиса середины 1950-х годов, дальнейшая эволюция этой эстетики под влиянием исторического опыта тех лет достойны стать предметом самостоятельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Добренко Е.* Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München, 1993; Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
2. *Голомшток И.* Тоталитарное искусство. М., 1994.
3. *Гройс Б.* Утопия и обмен. М., 1993.
4. *Липатов А.В.* От "ублюдка Версальского договора" до "братской страны соцлагеря" (Государственное искусство и идеологические стереотипы) // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 117–132.
5. *Стыкалин А.С.* Теория "высокого реализма" Д. Лукача в марксистской эстетической мысли 1930-х – 1940-х годов // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.
6. *Фейто Ф.* Венгерская трагедия или антисоветская социалистическая революция. М., 1957 (для закрытого пользования).
7. *Horváth M. Lobogónk: Petőfi.* Budapest, 1950.
8. *A Lukács-vita.* Budapest, 1985.
9. *Révai J. Irodalmi tanulmányok.* Budapest, 1950.
10. Szabad Nép.
11. *Standaesky É.* A MKP irodalompolitikája. 1944–1948. Budapest, 1987.
12. Kritika. Budapest. 1975.
13. Irodalmi Újság. Budapest, 1950.
14. Пути художественного прогресса. М., 1978.
15. *Laska L. A pseudókritikáról // Művészet.* Budapest, 1983.
16. *A magyar irodalom története. 1945–1975. 1 kötet.* Budapest, 1981.
17. Szabad Művészet. Budapest, 1950.
18. *Kirdály I. Az "ötvenes évek". Megjegyzések egy tanulmányhoz // Jelenkor.* Pécs.
19. *Révai J. Megjegyzések egy regényhez // Társadalmi Szemle.* Budapest, 1952.
20. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 181. Л. 172.
21. *Horváth M. Megjegyzések egy képzőművészeti vitához.* Budapest, 1952.
22. *Póth P. A kollektivizálás szolgálatában álló kultúrpolitika // Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról.* Budapest, 1988.
23. Csillag. Budapest, 1948.
24. Forum. Budapest, 1950.
25. *Tom J.* Становление нового киноискусства Венгрии после Второй мировой войны // Современное венгерское искусство и литература. М., 1991.
26. Felsőoktatási Szemle. Budapest, 1970.

27. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 137. Д. 859.
28. *Lukács Gy.* Magyar irodalom – magyar kultúra. Budapest, 1970.
29. *Стыкалин А.С.* Русская культура в Венгрии во второй половине 1940-х годов. Новый этап в диалоге двух культур // Власть и интеллигенция. М., 1999. Вып. 3: Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы.
30. *Стыкалин А.С.* Советский фактор в развитии венгерской культуры (1945 – вторая половина 1950-х годов) // Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1993. Вып. 2.
31. *Varga S.* A selejtlista: 1950 // Irodalomtörténet. Budapest, 1983.
32. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30. Д. 75. Л. 55–59.

© 2001 г. Л.П. МАРНЕЙ

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА, 1815–1819 ГОДЫ

Борьба с наполеоновской Францией негативным образом сказалась на финансовом положении Российской империи. Хронический бюджетный дефицит, вызванный как последствиями континентальной блокады, так и значительными издержками на военные действия, ставил государство на грань банкротства. Поправить ситуацию с помощью займов не представлялось возможным, так как переговоры с Англией положительных результатов не давали [1. С. 48–52]. Наряду с этим, Россия стремилась максимально точно выполнять постановления Венского конгресса, согласно которым потеря государственного единства бывшего Княжества Варшавского¹ должна была компенсироваться созданием условий для беспрепятственной торговли "в пределах всего прежнего Королевства Польского (как оное было до 1772 года)" [2. Т. 3. С. 346]. Добивался принятия этого постановления князь Адам Чарторыский, который стремился сохранить экономическую связь польских территорий даже при условии их политической раздробленности [3. Сер. 1. Т. 7. Док. 40; 138; 242–243. Аннотация. С. 11. Прим. 2, 3. С. 699–704; Т. 8. Док. 68; 4. Стб. 815–822; 5. С. 157]. Российскому правительству в этой ситуации необходимо было найти наиболее приемлемые условия для развития собственной внешней торговли, которая базировалась в основном на использовании протекционистских принципов. В большинстве же европейских государств господствующие интересы в аграрном экспорте приводили к тому, что значительную роль играли идеи свободной торговли [6. С. 349; 20. S. 39–40, 45; 3. Сер. 1. Т. 8. Док. 68].

Торговой политике России и Королевства Польского во втором десятилетии XIX в. посвящена довольно обширная литература [5–21]. Необходимость обращения к этой теме продиктована тем, что становление и развитие таможенного устройства Королевства Польского и России является неотъемлемой частью изучения функционирования всего государственного хозяйства в целом.

Торгово-экономические отношения России и Королевства Польского можно разделить на несколько этапов. Первый – до конца 1819 г., когда происходил поиск наиболее приемлемых для каждой из сторон принципов таможенного контроля, второй –

Марней Людмила Петровна – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ К России был присоединен Центральный Польский район, называемый Царством Польским (в польской историографии эта территория обозначается как Королевство Польское), к Пруссии – Великопольские области (Великое герцогство (княжество) Познанское), Восточная Галиция вошла в состав Австрийской империи, а Краков с округом получили статус "вольного города" [2. Т. 3. С. 335].

с конца 1819 г. до 1822 г. – времени таможенной унии России и Королевства и третий – с 1822 г., характеризующийся восстановлением таможенной границы и завершающийся ноябрем 1831 г., когда был принят новый торговый тариф со значительно возросшими пошлинами на привозимые из Королевства в Россию товары [22. Т. 6. Отд. 2. № 4941].

Мы остановимся подробнее на рассмотрении первого этапа, во время которого как Россия, так и Королевство Польское стремились утвердить условия максимального благоприятствования для развития торговли, а также решить сложнейшие вопросы создания единого торгового пространства.

Европейская тарифная политика России во втором десятилетии XIX в. находилась под влиянием нескольких факторов. С одной стороны, внутриэкономического, в основе которого лежали потребности развития собственной промышленности, выгоды фиска, государственного хозяйства в целом. С другой стороны – внешне-политического, определявшегося активным участием России в международных делах [7. С. 148–150]. Включение в состав России Королевства Польского создавало ряд проблем, требовавших немедленного решения. Во-первых, положения Венского конгресса о едином экономическом пространстве разрозненных польских территорий находились в противоречии с тарифом 1810 г. Во-вторых, экономическая политика, проводимая правительством Александра I, предусматривала борьбу за английский рынок и призвана была "примирить, насколько это окажется возможным", коммерческие интересы русских и английских подданных [3. Т. 8. Сер. 1. Прим. 51, 136, С. 627, 654–667]. В-третьих, необходимо было бороться со злоупотреблениями чиновников, взимавших пошлины на сухопутных таможнях [23. № 96. S. 15–16, 20–24, 84–86].

Все эти и многие другие вопросы должна была решать российская таможенная политика, новые принципы которой обсуждались по инициативе Александра I в специально созданном комитете. Указ о его учреждении был издан 19 марта 1815 г.² Участники заседаний высказывали различные точки зрения по проекту нового тарифа, подготовленного министром финансов Д.А. Гурьевым³. Так, В.П. Кочубей и Д.А. Гурьев поддерживали принципы свободной торговли, последний, правда, высказывался за умеренные пошлины; О.П. Козодавлев выступал ярким поборником протекционизма; Б.Б. Кампенгаузен считал, что необходимо запретить ввоз тех товаров, которые уже производятся в России. Недостаточное количество некоторых из них, по его мнению, компенсировалось бы импортными изделиями, обложенными 20%-ной пошлиной от цены товаров [3. Сер. 1. Т. 8. Док. 173. Прим. 136. С. 654–667].

Проект нового тарифа обсуждался и в Варшаве. 9 января 1816 г. была создана комиссия, участники которой, по настоянию комиссара при Административном совете Королевства Польского Н.Н. Новосильцева, согласовывали таможенные правила с предложенным документом⁴. Высказывались различные точки зрения по вопросам взимания таможенных пошлин, принципов организации таможенного управления (единые или параллельно существующие таможенные заставы).

После обсуждения высказанных мнений 31 марта 1816 г. в Петербурге был опубликован новый тариф по европейской торговле [25. Т. 33. № 26218. С. 589–592; 26. Т. 4. Ч. 2. Стб. 1260–1261], в котором в соответствии с восстановлением "свободных политических и торговых сношений между европейскими державами" допускались "некоторые перемены в запретительной торговой системе" [25. Т. 33. № 26218. С. 589]. Новые таможенные правила являлись компромиссным этапом в проводимой политике [5. С. 156], так как, с одной стороны, "в целях ограждения внутреннего произ-

² То есть до отъезда императора на Венский конгресс [3. Сер. 1. Т. 8. Док. 69, 109. Аннотация. С. 217].

³ В комитет под председательством Н.И. Салтыкова – председателя Государственного совета и Комитета министров, вошли: – министр финансов Д.А. Гурьев, член Государственного совета В.П. Кочубей, министр внутренних дел О.П. Козодавлев и государственный контролер Б.Б. Кампенгаузен [3. Сер. 1. Т. 8. Док. 109. Прим. 136. С. 654].

⁴ В комиссию вошли: Т. Матушевич, С. Сташиц, А. Городынский, К. Кожмян, Костецки [24. S. 90].

водства и противодействия роскоши" [27. Ч. I. С. 140] в течение 12 лет предполагалось сохранить запрет на ввоз ряда товаров [26. Т. 4. Ч. 2. Стб. 1260–1261; 25. Т. 33. № 26218. С. 592, Т. 45. Ч. I. Отд. II. С. 2–281. Приложение к отд. II. С. 23–37; 7. С. 176, 185; 5. С. 156]. С другой стороны, товары, которые были разрешены к привозу, облагались пошлиной в размере от 15 до 30% их стоимости [25. Т. 33. № 26218. С. 589–590]. В этом, как полагал ряд авторов, была скрыта известная либерализация тарифа. Торговцы сразу же воспользовались образовавшейся лазейкой. Объявляемая ими в письменном виде на таможенной заставе цена товаров была невысокой, что повлекло за собой понижение взимаемых пошлин [5. С. 156; 12. С. XXIX–XXX; 13. С. 474]. Тем не менее, русские купцы и промышленники крайне негативно оценивали тариф 1816 г., полагая, что он принес такое же разорение стране, как и только что завершившаяся война [14. С. 304; 7. С. 178].

Выход из тяжелого экономического положения, в котором оказалось Королевство Польское, разоренное войнами и "реквизициями" при Наполеоне [28. С. 129, 137; 29. С. 6; 16. С. 178–181; 30. С. 63–64], а также неурожаями 1816 и 1817 гг. [15. С. 62], польское правительство видело в том, чтобы способствовать развитию внешней торговли и организации ярмарок.

Согласно постановлениям Венского конгресса, от Королевства Польского отошли известные своими ярмарками пограничные города Ярочин, Кобылин, Гостын. Поэтому проведение новых торгов было назначено в Ченстохове, Прашкене, Верушуве, Калише, Пыздрах. Необходимость увеличения торговых оборотов привела к возрастанию количества ярмарок в других городах. Четыре раза в год они должны были проводиться в Пишчацах, два раза – в Остроленке, три – в Добржиньцах. В Белхатуве Административный совет изменил сроки их проведения [24. С. 61–62].

Центром торговли между Востоком и Западом призвана была стать Варшава. Первым шагом на этом пути явилось провозглашение столицы Королевства Польского местом складирования товаров⁵. Затем 12 февраля 1817 г. наместник принял постановление, согласно которому дважды в год – весной (в мае) и осенью (в ноябре) – в Варшаве должны были проводиться европейские ярмарки [25. Т. 34. № 27001. С. 481]⁶. Привозимым иностранным товарам предоставлялась свобода от досмотра, оплаты пошлин, внесения залога. Если же они продавались внутри страны, то с них не взимался и консомационный сбор⁷. Кроме того, те товары, которые продавались во время ярмарок за границу, освобождались от платежа и транзитных пошлин [16. С. 201]. Для хранения поступающих на ярмарку товаров в Маривиле были созданы склады, на организацию которых русское правительство выделило 300 тыс. злотых. Чтобы увеличить товарооборот варшавских ярмарок, предполагалось создать благоприятные условия для проведения торгов. С этой целью учреждалась биржа, подбирались маклеры, организовывалось таможенное управление ярмарки и специальный судебный отдел [24. С. 61, 15. С. 223–224].

Департаментом внешней торговли российского Министерства финансов 20 сентября 1817 г. были определены правила провоза товаров с варшавских ярмарок. Если купец желал вывезти товары и продать их в России, то сначала он должен был обратиться в контору ярмарки. Здесь освидетельствовали количество и качество товара, пломбировали его и выдавали хозяину ярлык в двойном экземпляре на провоз заявленного груза. В нем содержались следующие сведения: "имя хозяина товара, место его назначения, число товарных мест, вес каждого места с товаром, содержание оно в подробности, качество и количество товара, число наложенных пломб". Параллельно с этим контора варшавской ярмарки направляла по почте уведомительные письма в польскую Тераспольскую и российскую Брест-Литовскую таможи, сообщавшие о движении к ним транспорта. При прибытии в Тераспольскую

⁵ Это произошло 21 мая 1816 г. [24. С. 61].

⁶ Первая четырехнедельная ярмарка в Варшаве прошла с 15 июня по 15 июля 1816 г. [24. С. 61].

⁷ Сборы, которые взимались при выпуске товаров, не являющихся государственной монополией, на внутренний рынок (наряду с пограничными пошлинами) [14. С. 304–305; 15. С. 200].

таможню проверяли количество мест и вес товаров, оставляли "один из двух ярлыков для записки его в свои книги", снимали польские пломбы и отправляли "весь транспорт в Брест-Литовскую таможню за присмотром объездчика из своей стражи". На полученном уведомительном письме отмечали число и номер выпуска транспорта из Королевства Польского и посылали его "назад в контору варшавской ярмарки". Российские таможенники на Брест-Литовской таможне забирали у купца второй ярлык, тщательно проверяли привезенные товары, взимали положенную пошлину, пломбировали и отправляли в установленном порядке по месту назначения. На уведомительном письме отмечали число и номер получения товаров и отправляли его обратно в контору варшавской ярмарки. По завершении работы каждой варшавской ярмарки, ее контора должна была составлять точную ведомость всех товаров, отправленных в Брест-Литовскую таможню, с указанием числа и номера транспортов, отмеченного последней таможней. Эта ведомость пересылалась от министра финансов Королевства Польского к его российскому коллеге и являлась главнейшим способом проверки книг и ведомостей Брест-Литовской таможни [23. № 305. S. 121–127].

Польское правительство стремилось увеличить льготы, предоставляемые участникам варшавских ярмарок [24. S. 61; 15. С. 223–224]. Предложения по этому вопросу были направлены в Петербург 7 октября 1818 г. На заседаниях специального комитета обсуждалась возможность: предоставления уступки в пошлинах иностранным товарам, отправляемым с варшавской ярмарки через Брест-Литовскую и Устилугскую таможни в Россию [25. Т. 34. № 27001. С. 481, Т. 35. № 27349. С. 215, № 27613. С. 667; 23. № 305. S. 114–117; 16. С. 303]; установления беспошлинного провоза изделий Королевства Польского и Российской империи; предоставления равных прав в торговле и "заведении магазинов" купечеству обеих сторон, а также создание условий для свободного (беспаспортного) перехода границы. При рассмотрении этих предложений министр финансов Д.А. Гурьев должен был, "доставляя Царству Польскому все возможные пользы", не забывать "польз Империи"⁸.

Для контроля за варшавскими ярмарками, наблюдения "за направлением российской торговли в Царстве Польском" и усиления надзора "за точным исполнением обязанностей таможен и застав", находящихся между Россией и Королевством, 17 апреля 1818 г. учреждается Правление российских таможенных и торговых дел в Королевстве Польском во главе с начальником генерал-майором А.Я. Лангом [25. Т. 35. № 27349. С. 214–215; 16. С. 303–304]. И хотя был определен временный штат его канцелярии, в указе говорилось о том, "что по окончании переговоров с пруссаками и при введении нового тарифа предполагать должно, что приступлено будет к образованию постоянного уже учреждения таможенной части в Царстве Польском и на сухопутной западной границе Империи" [25. Т. 44. Ч. II. Отд. IV. № 27349. С. 22].

Дальнейшее поступательное развитие торговли в Королевстве Польском не могло происходить успешно без унификации мер и весов. Соответствующий проект был подготовлен С. Сташицем и доложен на заседании Административного совета 8 апреля 1817 г. Утвержден он был более чем через год – 13 июня 1818 г. [24. S. 62; 31. S. 50–63].

В то время как польское правительство стремилось создать режим наибольшего благоприятствования для проводимых ярмарок, европейские монархи в конце 1815 г. учредили в Варшаве трехстороннюю комиссию (Commission trilatérale) для урегулирования правил судоходства и торговли, устройства таможен Королевства Польского с польскими провинциями Австрии и Пруссии [5. С. 157; 7. С. 178–179; 16. С. 208–

⁸ Комитет состоял из: министра, статс-секретаря, графа И.В. Соболевского, графа К.В. Нессельроде и министра финансов Д.А. Гурьева [23. № 299. S. 3–4; 15. С. 225; 16. С. 304–305]. Г.Г. Прошин датирует деятельность этой комиссии 1819 г. и считает, что ее решения легли в основу тарифа 1819 г. [10. С. 111]. Различие в датировках можно объяснить тем, что разрабатывая новый таможенный тариф, участники комитета 1819 г. обращались к деятельности комитета 1818 г. [23. № 299. S. 3–5].

209]. Российские комиссары⁹, участвующие в работе этой комиссии, руководствовались инструкцией от 18 ноября 1815 г., данной Н.Н. Новосильцевым. В ней, в частности, отмечалось, что главная их задача состояла в том, чтобы договориться с представителями Австрии и Пруссии "об установлении тарифа, согласно которому будет выплачиваться пошлина на ввоз и вывоз всех продуктов земли, мануфактурных и фабричных изделий" провинций, входивших "в 1772 г. в состав Польского Королевства", и отклонять все предложения, относящиеся к торговле в собственно Российской империи [3. Сер. 2. Т. 1 (9). Док. 3; 6; 16. С. 210–211]. Так как основной отраслью производства в Королевстве Польском являлось сельское хозяйство, то, как отмечал в инструкции Н.Н. Новосильцев, производимые в достаточном количестве лен, пенька, хлебные вина и сало должны были при вывозе в другие польские провинции облагаться незначительной пошлиной или совсем от нее освобождаться. Кроме того, комиссары должны были добиться по возможности низких ввозных пошлин на эти товары при транспортировке их в австрийскую и прусскую Польшу, а также сохранения невысокой вывозной пошлины на рогатый скот и лошадей [3. Сер. 2. Т. 1 (9). Док. 3. С. 20–21].

При выработке таможенных пошлин с мануфактурных изделий при провозе их из прусских и австрийских польских провинций в Королевство Польское, русские представители в Варшавской комиссии должны были учитывать проект общего таможенного тарифа по европейской торговле и стараться, чтобы пошлины по тарифу Королевства были бы не ниже тех, которые определялись в нем [3. Сер. 2. Т. 1 (9). Док. 3. С. 19].

26 февраля 1816 г. комиссия приступила к работе [3. Сер. 2. Т. 1 (9). Прим. 183. С. 732–733]. Переговоры участников комиссии проходили с большими сложностями. Правительство Пруссии и Австрии настаивали на предоставлении льгот всем своим товарам, поступающим в Россию. Австрия просила о том, чтобы какая-нибудь русская таможня на австрийской границе была открыта для товаров, не запрещенных по тарифу 1816 г. (ранее они ввозились морским путем через Триест и Одессу). Пруссия же стремилась добиться уменьшения ввозных пошлин по русскому тарифу на многие продукты собственного производства [7. С. 180; 27. Ч. I. С. 141]. Камнем преткновения в русско-пруссских отношениях был запрет на транзит прусского сукна в Китай [26. Т. 4. Ч. 2. Стб. 1169–1170; 23. № 194. С. 237–239].

В течение марта – ноября 1816 г. Варшавская комиссия выработала девять конвенций [3. Сер. 2. Т. 1 (9). Док. 139; Т. 2 (10). Прим. 22. С. 735–741], условно утвержденных русским правительством, так как не было выполнено основополагающее требование: ограничение доступа прусских и австрийских товаров на внутренний рынок Российской империи [3. Сер. 2. Т. 1 (9). Прим. 183. С. 732–733].

В феврале 1817 г. заседания этой комиссии переносятся в Петербург, где и был создан специальный комитет¹⁰, участникам которого надлежало согласовать интересы промышленности и торговли Королевства Польского с российскими и увязать их с условиями венских договоров. Исходя из поставленных задач, предлагалось облагать всеми вывозными пошлинами "продукты земледелия, являющиеся сырьем для иностранных мануфактур или служащие для удовлетворения жизненных потребностей"; меньшими – "все изделия, требующие еще некоторой доработки и совершенствования"; незначительными или вовсе освобождать от пошлин "все промышленные изделия страны, выпускаемые совершенно законченными". Что касалось ввозных пошлин, то "все предметы потребления первой необходимости и сырье для

⁹ Л.С. Байков, Ф. Г. Вирст и О.К. Левештерн [3. Сер. 2. Т. 1 (9). Док. 3. С. 13].

¹⁰ Обязанности председателя комитета исполнял министр финансов Д.А. Гурьев. В его состав вошли: тайный советник Н.Н. Новосильцев; статс-секретарь, управляющий министерством иностранных дел К.В. Нессельроде; министр, статс-секретарь Королевства Польского И.В. Соболевский, а также члены Государственного совета Королевства Польского: Я. Венгленский – государственный министр, член правления, председатель счетной палаты; А. Кицкий – староста Красностава, кавалер ордена Белого Орла и ордена св. Станислава [3. Сер. 2. Т. 1 (9). Док. 183].

промышленности, которые страна сама не в состоянии производить", либо освободились от них, либо облагались "по возможности низкими пошлинами". Умеренные пошлины рекомендовалось вводить на "товары, ставшие вследствие длительной привычки предметами почти абсолютной необходимости для самого многочисленного класса, и особенно те, которые страна не производит вовсе или не может поставить в достаточном количестве". Большими пошлинами можно было облагать промышленные изделия, производимые в самой стране, с применением собственного сырья, а также все изделия являющиеся предметами роскоши [3. Сер. 2. Т. 1 (9). Док. 191].

Работа комитета затянулась почти на два года и лишь 5 августа 1818 г. были подписаны: Дополнительный акт о торговле и промышленности в польских провинциях, принадлежащих Австрии и России [2. Т. 4. Ч. I. С. 68–105; 25. Т. 35. № 27453. С. 413–418; 3. Сер. 2. Т. 1 (9). Прим. 186. С. 733; Т. 2 (10). Док. 163, 184], согласно которому разрешался привоз через Гусятинскую таможенную разных товаров в ряде случаев с уменьшенной пошлиной [25. Т. 45. Ч. III. С. 67–68; 7. С. 181] и 7 декабря 1818 г. коммерческая конвенция с Пруссией [2. Т. 7. С. 328–369; 25. Т. 35. № 27586. С. 625–637; 3. Сер. 2. Т. 1 (9). Прим. 183. С. 732–733. Прим. 269. С. 753–755; Т. 2 (10). Док. 16, 37, 44, 57, 58, 59, 61, 62, 64, 87, 90. Прим. 52. С. 753. Прим. 98. С. 767]¹¹. Последняя предусматривала установление "в областях бывшей Польши" неограниченной свободы торговли [2. Т. 7. С. 334]. Оптовая продажа и покупка сельскохозяйственных и промышленных изделий "своего края" освобождалась от уплаты "пошлины за сей торг". Выделанные товары разрешалось свободно продавать в течение шести месяцев. После этого срока купец должен был либо "записаться в градское общество", либо поручить продажу своего товара "купцу из тамошних граждан" [2. Т. 7. С. 336]. Допускался "мелочный торг на открытых рынках и в лавках или погребках, ...только в определенное время года, в продолжение ярмарок, на основании общих полицейских уставов" [2. Т. 7. С. 338]. Любое запрещение на ввоз, вывоз и транзит товаров могло последовать только после согласия "обоих правительств". Однако Россия и Пруссия сохранили за собой право "налагать пошлины консомационные, по своему благоусмотрению", что могло в значительной степени как уменьшать, так и увеличивать количество привозимого товара [2. Т. 7. С. 343, 346; 14. С. 304–305].

¹¹ К дополнительному акту, заключенному с Пруссией 7 декабря 1818 г. было приложено "подробное описание судоходных пошлин", а также "тариф пошлинам, взимаемым с привозных и отвозных товаров, как в Пруссии, так и в России (включая и Царство Польское)" [25. Т. 37. № 28352. С. 389; Т. 45. Ч. III. С. 71–88; 7. С. 182]. При составлении тарифа произошла, очевидно, какая-то путаница, смысл которой разъяснял К.В. Нессельроде в своем послании Д.А. Гурьеву от 24 октября 1819 г. "Тариф, о котором идет речь, – писал он, – был составлен по образцу тарифа, принятого в 1817 г. ..., причем в данном тарифе пошлины были указаны в двух графах под рубриками: ввозные и консомационные. Пошлины на значительное число товаров были проставлены в этой последней графе, в то время как графа ввозных пошлин на них осталась незаполненной. Это те самые товары, против которых поставлено слово *свободен* в тарифе, приложенном к Дополнительному акту, ибо, поскольку было условлено не упоминать консомационных пошлин в этом тарифе, то представлялось необходимым или опустить также все товары, которые были обложены только такими пошлинами, или же отметить их как свободные от ввозных пошлин. Последнему предложению было отдано предпочтение только ради того, чтобы вносить как можно меньше изменений в акты, переданные комитетом, а отнюдь не для того, чтобы постановить, что означенные товары при ввозе их в то или другое из договаривающихся государств освобождаются от всех видов пошлин". Далее К.В. Нессельроде отмечал, "что подобное освобождение отнюдь не оговаривалось во время торговых переговоров между Россией и Пруссией", и ничто не препятствовало, по его мнению, "правительству облагать эти товары при их ввозе либо в Империю, либо в Царство Польское такими консомационными пошлинами, какие оно сочтет нужным. ...Если при составлении тарифа, который должен вступить в силу в будущем году, будет сочтено нужным распределить пошлины по двум графам и занести часть из них в графу ввозных пошлин даже на товары, числящиеся свободными в тарифе..., то для нашего купечества это не составит по существу никакой разницы, и я не думаю, чтобы Пруссия могла выдвинуть такие возражения, которые императорское министерство было бы не в состоянии легко отклонить" [3. Сер. 2. Т. 3 (11). Док. 45].

Для того чтобы подданные России и Пруссии в полной мере воспользовались выгодами заключенной конвенции, "высокие договаривающиеся стороны взаимно предоставляют себе право назначать и отправлять в области (составляющие часть бывшего Королевства Польского после 1772 года и заключающиеся между Двиной, Днепром, Днестром, Одером и морем, со включением и Восточной Пруссии)... консулов или коммерческих агентов", оказывающих помощь соотечественникам по вопросам торговли [2. Т. 7. С. 349]. На основании отдельной секретной статьи поляки – совершеннлетние христиане, изучавшие в течение четырех лет коммерцию, пользующиеся безупречной репутацией, никогда не подвергавшиеся уголовному наказанию – имели право "поселиться в прусских городах Данциге (Гданьске), Эльбинге и Кенигсберге, в качестве... временного гражданина городов" [2. Т. 7. С. 361]. Конвенция отменяла запрещенные тарифом 1816 г. к ввозу шерстяные, льняные и кожаные изделия [2. Т. 7. С. 364–365; 14. С. 305]. Отдельные статьи, приложенные к конвенции, определяли, что транзитная пошлина с прусских сукон в Азию останется по 12 коп. с аршина, "а за то, что свыше пошлины, требовать по-прежнему только одно поручительство" [2. Т. 7. С. 355]. Статья эта, как указывал К. Лодыженский, появилась при подписании конвенции Александром I в Ахене [7. С. 184]. Подобная уступка впоследствии обернется вредом для русской промышленности, так как приведет к разорению суконных фабрик, а скопившиеся в большом количестве изделия в Кяхте негативно отразятся на торговле империи [3. Сер. 2. Т. 4(12). Док. 129, 151. Прим. 167. С. 669–671].

Итак, регулирование экономических отношений между европейскими монархиями после Венского конгресса приняло форму торговых договоров, которые определяли принципы эксплуатации путей сообщения, условия свободы поселения, размеры таможенных пошлин, включали таможенный тариф. Этот тариф назывался конвенционным и не изменялся до истечения срока договора. С его помощью можно было добиваться взаимного понижения таможенных пошлин, размеры которых зависели не только от особенностей экономического положения стран-участниц, но и от уровня развития тех или иных отраслей промышленности. Благодаря торговым договорам должен был осуществляться принцип взаимности в экономических отношениях отдельных государств. Они благоприятствовали постепенному переходу от системы протекционизма к системе либерализма [32. С. 195–196; 13. С. 500], что вскоре фактически и произошло.

Таким образом, характер торгово-экономических отношений России и Королевства Польского до конца 1819 г. в основном определяли решения Венского конгресса. Россия, под воздействием взятых на себя обязательств, в проводимой тарифной политике по отношению к Королевству вынуждена была постепенно отходить от протекционизма и допускать известную либерализацию торговли. Эта политика отвечала интересам и Королевства Польского, так как всемерное развитие торговли должно было помочь польскому правительству справиться с крайне тяжелой экономической ситуацией. Так или иначе, международные соглашения, особенности экономического развития как России, так и Королевства Польского показали, что протекционизм не соответствовал в полной мере складывавшимся после наполеоновских войн новым экономическим отношениям. Практический опыт продемонстрировал необходимость создания условий для либерализации торговли. Первый период торгово-экономических отношений России и Королевства Польского завершился созданием совместных комиссий, главная задача которых состояла в том, чтобы объединить таможенные границы и создать новый тариф.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сироткин В.Г. Финансово-экономические последствия наполеоновских войн и Россия в 1814–1824 годы // История СССР. 1974. № 4.

2. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. В 15 т. СПб., 1874–1905.
3. Внешняя политика России в XIX – начале XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. В 16 т. М., 1960–1995.
4. Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыжский // Русский архив. 1871. Кн. 1–2.
5. *Струве П.Б.* Торговая политика России. СПб., 1913.
6. *Зомбарт В.* История экономического развития Германии в XIX веке. СПб., бг. Вып. 2.
7. *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
8. *Страхова Н.П.* Тариф 1819 г. во внешнеполитических планах России // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1990. № 3.
9. *Страхова Н.П.* Тариф 1816 года во внешнеторговой политике России // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., 1984.
10. *Прошин Г.Г.* Таможенный тариф 1819 года // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 4.
11. *Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915.
12. *Покровский В.И.* Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. Т. 1.
13. *Борзм П.* Торговля и торговая политика. СПб., 1902.
14. *Кулишер И.М.* Очерк истории русской торговли. Пг., 1923.
15. *Обушенкова Л.А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979.
16. *Воблый К.Г.* Очерки по истории польской фабричной промышленности. Киев, 1909. Т. 1.
17. *Ajzen M.* Polityka gospodarcza Lubeckiego (1821–1830). Warszawa, 1932.
18. *Jezierski A.* Handel zagraniczny Królestwa Polskiego. 1815–1914. Warszawa, 1967.
19. *Strzeszewski Cz.* Handel zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815–1830). Lublin, 1937.
20. *Smolka S.* Polityka Lubeckiego przed powstaniem Listopadowem. Kraków, 1907. Т. I–II.
21. *Bondi G.* Deutschlands Aussenhandel 1815–1870. Berlin, 1958.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. В 55 т. СПб., 1830–1884.
23. Archiwum Główne Akt Dawnych. Kancelaria Nowosilcowa. Warszawa.
24. Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym. Warszawa, 1984. Tom 1. Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1828.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. В 45 т. СПб., 1830.
26. Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I. Журналы по делам департамента государственной экономии. Т. 4. Ч. 1–2. СПб. 1881.
27. Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902.
28. *Сивков К.В.* Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 7.
29. Historia Polski. Łódź, 1956. Т. 2. Cz. II.
30. *Смит Ф.И.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. СПб., 1863.
31. Dziennik Praw. Warszawa. 1810. Т. 6.
32. *Воблый К.Г.* Начальный курс политической экономии (история, теория и финансы). Киев, 1918.

© 2001 г. М.Ю. ЧУКАНОВ

"ОСТАНОВКА В БЕЛГРАДЕ": ЗАМЫСЛЫ И ПОПЫТКИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ (1914 ГОД)

Среди спрессованных во времени событий июльского кризиса 1914 г. не столь уж часто привлекает внимание исследователей история дипломатической инициативы, получившей название "остановка в Белграде" (нем. "Halt in Belgrad")¹. Эта инициатива сводилась к попытке локализовать конфликт между европейскими великими державами путем предоставления одной из них – Австро-Венгерской монархии – возможности, оккупировав столицу Сербии, продиктовать сербскому правительству унизительные условия, ценой выполнения которых должен был быть куплен мир, – условия, превосходившие даже те, которые были изложены в печально знаменитом австро-венгерском ультиматуме от 23 июля 1914 г. Цель настоящей статьи заключается в актуализации соответствующей проблематики.

Уже 24 июля 1914 г., т.е. на другой день после того, как Сербии был предъявлен австро-венгерский ультиматум, германские послы в Лондоне, Париже и С.-Петербурге по поручению своего правительства сделали тождественные заявления, сводившиеся к тому, что "в данном вопросе речь идет о деле, подлежащем урегулированию только между Австро-Венгрией и Сербией... Мы настоятельно желаем локализации конфликта, так как всякое вмешательство другой державы, вследствие различия союзных обязательств, повлекло бы за собой непредвидимые последствия". За показной заботой о европейском мире стояло стремление германского правительства позволить своему союзнику – австро-венгерскому руководству – "навязать свои требования сербскому правительству с помощью силового давления и, в случае необходимости, при применении военных мер" [2. Bd. I. № 100. S. 154]. По воспоминаниям министра иностранных дел России в 1910–1916 гг. С.Д. Сазонова, в период между 23 и 25 июля 1914 г., т.е. от предъявления Сербии ультиматума до получения сербского ответа Австро-Венгрии, для него, Сазонова, – при том, что он вполне рассчитывал на помощь французского правительства, – важнее всего было "добиться, без всякого промедления, открытого заявления великобританского правительства о его солидарности с Россией и Францией в австро-сербском столкновении", причем, хотя удар исходил из Вены, в первую очередь следовало воздействовать на Берлин [3. С. 217]. Но 24 июля состоялась встреча Сазонова и французского посла в С.-Петербурге М. Палеолога с британским послом в российской столице Дж. Бьюкененом, в ходе которой ему были сообщены секретные решения, согласованные между российским императором Николаем II и французским президентом Р. Пуанкаре

Чуканов Михаил Юрьевич – канд. ист. наук, г. Калуга.

¹ В коллективном труде, посвященном истории внешней политики России в конце XIX – начале XX в., об этом есть только одно упоминание (см.: [1. С. 437]).

во время официального визита последнего в Россию. Дж. Бьюкенен холодно заявил, что не может "подать никакой надежды на то, что Правительство Его Величества сделает какую-либо декларацию солидарности, которая повлечет за собой обязательство поддержать Францию и Россию силой оружия. Мы непосредственно не заинтересованы в Сербии, – сказал он, – и общественное мнение в Англии никогда не одобрит войну от своего имени [ради нее]". Позже он следующим образом резюмировал сказанные в продолжение дискуссии слова русского министра иностранных дел, которые нельзя было интерпретировать иначе, как переданное через посредника предупреждение британскому государственному секретарю по иностранным делам Э. Грея: «Если война действительно разразится, мы раньше или позже будем втянуты в нее, но если мы не будем делать общее дело с Францией и Россией с самого начала, мы с большой вероятностью окажем услугу войне и сыграем "некрасивую роль" (should not have played a "beau rôle")» [4. № 101. P. 80–81].

Между тем еще в начале июльского кризиса британское дипломатическое ведомство Форин оффис и, в первую очередь, лично государственный секретарь Э. Грей избрали метод косвенного воздействия на Вену, С.-Петербург и Белград, предложив "посредничество Германии в отношении Австрии, посредничество Франции в отношении России и посредничество России в отношении Сербии" [5. С. 67]. В последнем случае, по замыслу Грея, С.-Петербург должен был воздействовать на сербское правительство с тем, чтобы оно проявило уступчивость в вопросе о расследовании сараевского убийства, и подчеркнуть дружественный характер русской политики по отношению к Берлину [6. S. 334]. Со своей стороны, Грей 24 июля в телеграмме британскому поверенному в делах в Белграде Д. Кракенторпу рекомендовал, чтобы Сербия заранее выразила "озабоченность и сожаление по поводу того, что какие-либо должностные лица... были соучастниками убийства эрцгерцога", и, "если это будет доказано", обещала предоставить полную сатисфакцию. В отношении остального содержания ультиматума Грей выразил мнение, что "сербское правительство должно ответить так, как оно считает, что этого требуют интересы Сербии", и в то же время намекнул, что единственным шансом избежать войны для нее было бы "дать благоприятный ответ на столько пунктов, на сколько возможно в течение отведенного лимита времени, и не встречать австрийское требование чистым отказом" [4. № 102. P. 82].

В тот же день, несколько ранее, Грей в беседе с германским послом в Лондоне князем К.-М. Лихновским, исходя из того, что конфликт между Австро-Венгрией и Сербией вызвал бы "опасное напряжение" также в отношениях между Австро-Венгрией и Россией, поднял вопрос о том, что "четыре непосредственно не причастных к конфликту государства – Англия, Германия, Франция и Италия, – должны взять на себя посредничество между Россией и Австро-Венгрией" [2. Bd. I. № 157. S. 155]. По справедливому замечанию видного французского историка международных отношений П. Ренувена, высказанному им в ранней работе "Непосредственные причины войны", этот проект четверного посредничества основывался "на различии между австро-сербским разногласием и австро-русским конфликтом" и, таким образом, не противоречил тезису о локализации [7. P. 82]. Вместе с тем Грей обратил внимание Лихновского на опасность европейской войны, которая "в случае, если Австрия *вступит на сербскую территорию*, продвинется совсем близко". С помощью не столь уж хитрого приема – перечисления участников конфликта, при котором преднамеренно была опущена Великобритания, – государственный секретарь попытался внедрить в сознание посла иллюзию, что последняя сохранит-де нейтралитет. "Последствия такой войны *вчетвером* – он ясно подчеркнул *число четыре* и имел в виду Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию, – являются совершенно непредвидимыми" [2. Bd. I. № 157. S. 155]².

² Тот же прием Грей применил в беседе с австро-венгерским послом в Лондоне графом А. Менсдорфом, состоявшейся 23 июля 1914 г. (см.: [4. № 86. P. 70]).

Стоит упомянуть, что при чтении этого места телеграммы, отправленной по итогам беседы Лихновского, германский император Вильгельм II не задался вопросом о том, какова будет позиция Великобритании и, следовательно, попался на психологическую уловку Грея, заметив лишь в связи с приведенным перечислением держав, что Грей "забывает" Италию – которая вместе с Германией и Австро-Венгрией состояла в Тройственном союзе³ и должна была, с точки зрения кайзера, выступить на их стороне, сделав общее соотношение сил несколько более благоприятным для этого военно-политического блока. Но на полях представленной ему копии телеграммы посла в Лондоне германский император высказался против идеи "сделать в Вене представление в смысле продления срока (ультиматума. – М. Ч.)", – написав "бесполезно", и все же в связи с заключительной фразой "тогда, *пожалуй*, может быть найден *выход*", поставил один вопросительный и два восклицательных знака [2. Bd. I. № 157. S. 155. App. 12]. Это, вероятно, первый намек на замысел "остановки в Белграде", который можно найти в источниках об июльском кризисе 1914 г.

Грея не смутил разрыв Австро-Венгрией 25 июля, по истечении срока ультиматума, дипломатических отношений с Сербией. В этот день он телеграфировал Бьюкенену, что, ввиду неизбежности проведения Россией и Австро-Венгрией мобилизаций друг против друга, "единственный шанс мира... для других четырех держав состоит в том, чтобы объединиться в обращении к австрийскому и русскому правительствам с призывом не пересекать границу, и дать время четырем державам, действуя в Вене и С.-Петербурге, провести расследование и договориться по всем вопросам" [9. Vol. I. P. 307]. Но уже на следующий день, 26 июля, идея четвертого посредничества трансформировалась в идею конференции французского, германского и итальянского послов в Лондоне под председательством самого Грея. В случае согласия Франции, Германии и Италии на такую конференцию, одновременно в Белграде, Вене и С.-Петербурге был бы предпринят демарш с требованием приостановки "всех активных военных операций в ожидании результатов конференции" [7. P. 99]. Между первым предложением Грея о четвертом посредничестве в Вене и в С.-Петербурге и его вторым предложением о конференции послов в Лондоне было, по оценке Ренувена, различие. В первом случае британский государственный секретарь по иностранным делам "только мысленно представлял себе гипотезу *австро-русского* конфликта, к улаживанию которого он намеревался приложить усилие: не было вопроса о том, чтобы вмешиваться в конфликт между *Австрией и Сербией*... Но теперь дело принимало совершенно другой оборот: нужно было прямым вмешательством урегулировать австро-сербский конфликт; нужно было избежать того, чтобы на Дунае и Саве могла внезапно возникнуть локальная война. В общей сложности, Австрия добилась бы дипломатической сатисфакции, но она отказалась бы от надежды на военный успех" [7. P. 99–100].

Не удивительно, что проект созыва конференции встретил противодействие со стороны Германии, претендовавшей на "право" запрещать другим великим державам вмешиваться в конфликт между Австро-Венгрией и Сербией. По мнению германского статс-секретаря по иностранным делам Г. фон Ягова, высказанному в беседе с британским послом в Берлине Э. Гошеном 27 июля, конференция "практически равнялась бы третейскому суду и могла бы... быть создана только по просьбе Австрии и России". На следующий день, 28 июля, германский рейхсканцлер Т. фон Бетман-Гольвег в беседе с ним же пошел еще дальше, сказав, что "такая конференция, по его мнению, имела бы вид "ареопага", включающего в себя по две державы от каждой группировки и заседающего для вынесения приговора в отношении двух остальных держав" [9. Vol. I. P. 309–310].

³ Пятый союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией был подписан в Вене 5 декабря 1912 г. вместе с двумя дополнительными протоколами [2. Bd. IV. S. 105–110]. Эти международноправовые акты действовали непосредственно перед Первой мировой войной. В "Дипломатическом словаре" в статье "Тройственный союз" [8. Т. III. С. 482–483] о них не упоминается.

Еще 25 июля, вскоре после разрыва дипломатических отношений с Сербией, австро-венгерский монарх Франц-Иосиф I подписал приказ о частичной мобилизации австро-венгерской армии, начиная с 28 июля [6. S. 345–347]. Следует отметить также, что в тот же день, 25 июля 1914 г., Николай II утвердил решения совета министров Российской империи: 1) одобрил объявление "в зависимости от хода дел" мобилизации четырех военных округов – Киевского, Одесского, Московского и Казанского, а также Черноморского флота, (собственноручно добавив к этому Балтийский флот); 2) утвердил также предложение Сазонова "посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не может защищаться против возможного вооруженного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав" [10. № 19].

27 июля Грей принял германского и австро-венгерского послов в Лондоне князя К.-М. Лихновского и графа А. Менсдорфа. В беседе с первым из них, еще не зная, как отнеслось германское ведомство иностранных дел к предложению о конференции, но уже получив полный текст сербского ответа на австро-венгерский ультиматум, британский государственный секретарь по иностранным делам, в частности, сказал, что Сербия дала удовлетворительный ответ на предъявленные ей требования "в том объеме, который он никогда не считал возможным". Согласно сделанной Лихновским записи беседы с Греем, последний заявил, что такую уступчивость Сербии "можно объяснить лишь давлением Петербурга"; теперь Австро-Венгрия, со своей стороны, также должна проявить примирительный подход и рассматривать сербский ответ "либо как удовлетворительный, либо как основу для переговоров", но если она – внимание! – "перейдет к оккупации Белграда", то Россия "должна принять это как прямой вызов", и результатом этого была бы "самая страшная война, которую когда-либо видела Европа". В этой же беседе Грей выразил убеждение, что Германия и Великобритания в состоянии «уладить дело путем представлений в "умеряющем смысле"» в Петербурге и, соответственно, в Вене [2. Bd. I. № 258 S. 224–225].

Что касается Менсдорфа, то он так изложил соответствующую часть своей беседы с Греем от 27 июля: "Государственный секретарь полагал, что если мы полны решимости при всех обстоятельствах вести войну с Сербией и предполагаем, что Россия останется спокойной, то мы навлекаем на себя большой риск. Если мы можем склонить Россию к тому, чтобы остаться спокойной, то все хорошо, и ему больше нечего сказать. Если нет, то возможности и опасности не поддаются учету". Как о "симптоме беспокойства" Великобритании Грей сказал Менсдорфу, что британский военный флот, "который после маневров был сосредоточен в Портсмуте и сегодня должен был рассредоточиться, временно останется там" [11. № 10813. S. 794].

По-видимому, делая такое заявление, которое de facto означало, что Великобритания не останется нейтральной в случае европейской войны, Грей рассчитывал, что о нем вскоре станет известно германскому правительству – либо непосредственно из Лондона в результате контакта Менсдорфа с Лихновским по поводу столь серьезного предупреждения, либо через Вену, которая должна была бы придать соответствующее значение сообщению Менсдорфа и, в свою очередь, предупредить Берлин об опасности, угрожавшей германскому флоту. Во всяком случае, в сделанном задним числом в британской Голубой книге обзоре событий содержалась ссылка "на то, что английское правительство 27 июля ясно дало понять Австрии: оно не будет, если вспыхнет европейский пожар, стоять в стороне" [6. S. 343]. Менсдорф выполнил свой долг дипломата, сообщив о предупреждении Грея в Вену, но нет данных о последовавших за этим контактах с германскими представителями по этому поводу.

Та же участь постигла и другую телеграмму Менсдорфа от 27 июля – о его состоявшемся в первой половине дня, т.е. до его беседы с Греем, разговоре с Лихновским, в ходе которого тот, излагая содержание *своей* беседы с британским государственным секретарем по иностранным делам, сказал, в частности, что оккупация Белграда

австро-венгерской армией "была бы необдуманном шагом и привела бы к величайшему европейскому потрясению" [11, № 10812. S. 793].

С другой стороны, Лихновский не только передал в Берлин просьбу Грея "заставить считаться с нашим (германским. – М. Ч.) влиянием в Вене в том смысле, чтобы кое-кто рассматривал ответ из Белграда либо как удовлетворительный, либо как основу для переговоров..., путем соответствующих представлений уладить дело" [2. Bd. I. № 258. S. 225], – но и в тот же день, 27 июля, отправил еще две телеграммы, в которых от своего имени поддерживал эту просьбу и почти не употребляя придававшие его высказываниям оттенок сомнения времена конъюнктура, разъяснял возможные последствия проводимой германским правительством политики поддержки и поощрения австро-венгерского руководства в его стремлении к войне против Сербии. "Если..., – телеграфировал Лихновский, – намерение Австрии использовать теперешний повод для того, чтобы подавить Сербию (to crush Serbia, как выразился сэр Э. Грей), будет проявляться все более явно, то Англия, в этом я уверен, безусловно встанет на сторону Франции и России..." [2. Bd. I. № 265. S. 229]. По мнению германского посла в Лондоне, прошло время, когда в Форин оффисе разграничивали конфликт между Австро-Венгрией и Сербией и конфликт между Австро-Венгрией и Россией: "Взаимопонимание между Австрией и Россией покоится на улаживании австро-сербской ссоры. Без этого улаживания, согласно здешнему пониманию, всякая попытка посредничества кажется совершенно бесперспективной. Как же мне выступить за локализацию конфликта, если здесь никто не сомневается в том, что поведением Австро-Венгрии поставлены на карту серьезные русские интересы, и что Россия, если нами не будет оказано никакого давления на Австрию, сама, вопреки своему желанию, сочтет себя вынужденной вмешаться?" [2. Bd. I. № 266. S. 229–230].

Хотя за вторую и третью телеграммы от 27 июля германский посол в Лондоне "удостоился" резкой отповеди самого рейхсканцлера, подчеркнувшего, в частности, что германское правительство не может-де "посоветовать Вене... задним числом утвердить сербский ответ, который она сразу же... отклонила как неудовлетворительный" [2. Bd. II. № 279. S. 1], – все же настойчивость Лихновского принесла некоторые результаты.

А именно, в 23 ч. 50 м. 27 июля с берлинского Главного телеграфа была отправлена телеграмма Бетман-Гольвега германскому послу в Вене Г. фон Чиршки, в которой воспроизводилось заявление Грея в том виде, как его передал Лихновский, т.е. с предложением, чтобы Германия побудила Австро-Венгрию достигнуть соглашения с Россией на основе сербского ответа при исключении военных мер против Сербии. Правда, это было сделано только потому, что у германского правительства, по сути дела, не было другого выхода как по внешне-, так и по внутривнутриполитическим соображениям, о чем прямо говорилось в телеграмме. "Наше положение, – указывал рейхсканцлер, – является тем более трудным, чем внешне более далеко Сербия пошла на уступки" [2. Bd. I. № 277. S. 241]. Это – редкое по откровенности признание в пособничестве австро-венгерской агрессии и в собственных агрессивных замыслах со стороны германского государственного деятеля. Но что конкретно Бетман-Гольвег предписывал Чиршки предпринять в связи с предложением Грея? "После того, как мы уже отвергли – значит в телеграмме – английское предложение о конференции, нам невозможно а limine отклонить и эту английскую инициативу... Мы не можем поэтому отказаться от роли посредника и должны передать английское предложение венскому кабинету на обсуждение... Узнайте мнение графа Берхтольда об английской инициативе, а также о желании господина Сазонова вести переговоры непосредственно с Венной" [2. Bd. I. № 277. S. 241].

Опасаясь, как бы австро-венгерский общий министр иностранных дел Л. Берхтольд и австро-венгерское руководство в целом не отнеслись всеерьез к "английской инициативе" (при этом, разумеется, не рассчитывая на ее принятие), германский статс-секретарь по иностранным делам Г. фон Ягов – причем еще до того, как телеграмма Бетман-Гольвега была отправлена Чиршки, – пригласил к себе австро-венгерского

посла в Берлине Л. Сёдьени-Марича и строго доверительно заявил ему, "что в ближайшее время посреднические предложения Англии через германское правительство, вероятно, будут доведены до сведения Берхтольда" [11. № 10793. S. 778].

Сёдьени был стар, к тому же его немецкий язык был далек от совершенства с точки зрения стилистики, но все же он уловил и, как умел, изложил суть высказываний Ягова. Старый дипломат понял также основные мотивы, которыми руководствовался статс-секретарь, – стремление углубить эвентуальные разногласия между Великобританией, с одной стороны, и Францией и Россией – с другой, и заботу о том, как бы британская сторона не отключила кабель между Лондоном и Берлином, по которому в столицу Германии передавались телеграммы Лихновского, а оттуда – инструкции Ведомства иностранных дел германскому посольству. Соответствующий отрывок из телеграммы Сёдьени Берхтольду от 27 июля показывает это со всей определенностью: "Германское правительство самым обязывающим образом заверяет, что оно никоим образом не отождествляет себя с этими предложениями, даже решительно против их принятия во внимание и передает их только для того, чтобы пойти навстречу английской просьбе. Он (Ягов. – М. Ч.) исходит из той точки зрения, что имеет большое значение то, что Англия в теперешний момент не делает общее дело с Россией и Францией. Поэтому следует избежать всего, чтобы не прервалась до сих пор хорошо функционирующая связь (букв.: проволока. – М. Ч.) между Германией и Англией. Если бы сейчас Германия просто заявила сэру Эдварду Грею, что она не хочет передавать Австро-Венгрии его пожелания, которые при посредничестве Германии скорее были бы учтены нами, то наступило бы именно это вышеупомянутое состояние, которого безусловно следует избежать (т.е. был бы отключен кабель. – М. Ч.)" [11. № 10793. S. 778].

Таким образом, при всей тяжеловесности стиля, смысл телеграммы австро-венгерского посла в Берлине вовсе не "фантастичен", как утверждали непосредственно после Первой мировой войны германские историки и отставные государственные деятели, в том числе Бетман-Гольвег и Ягов [7. P. 123], – напротив, этот документ достоверен также в том отношении, что он наглядно показывает двойную игру германской дипломатии, с одной стороны, соблюдавшей чисто внешнюю лояльность по отношению к Форин оффису, а с другой – побуждавшей австро-венгерское руководство к дальнейшей "непримиримости".

В начале утра 28 июля германский император просматривал доставленные ему дипломатические документы, в том числе полный текст сербского ответа на австро-венгерский ультиматум и – это нужно особо отметить – телеграмму Лихновского с изложением просьбы Грея дать Вене "совет умеренности". При чтении сербского ответа Вильгельм II отметил те его пункты, в которых сербское правительство обязывалось во время ближайшего *пересмотра Конституции* добиться внесения в статью 22-ю поправки, позволяющей *конфисковать* печатные издания, "чья общая тенденция была бы направлена против территориальной целостности Австро-Венгрии"; заявляло о том, что оно *примет* требование австро-венгерского правительства и "распустит общество Народна Одбрана⁴ и всякое другое общество, которое действовало бы против Австро-Венгрии"; заявляло о том, что оно *допустит сотрудничество* органов австро-венгерского правительства в подавлении "подрывного" движения, направленного против территориальной целостности монархии, которое "соответствовало бы принципам международного права и уголовного процесса, равно как и принципам добрососедства". На полях сербского ответа против "слов непокорности"⁵ ("Что касается участия в этом расследовании агентов австро-венгерских властей, которые были бы делегированы с этой целью императорским и королевским правительством, [сербское] королевское правительство не может принять этого, так как это было бы нарушением Конституции и закона об уголовном процессе. Однако,

⁴ Народная Оборона.

⁵ Выражение из романа Д. Чосича "Время смерти".

в конкретных случаях, сообщения о результатах расследования, о которых идет речь, могли бы предоставляться австро-венгерским органам") – германский император написал: "Контроль ведь может быть поручен миссии". Таким образом, он считал допустимым, чтобы австро-венгерское дипломатическое представительство в Белграде стало центром вмешательства во внутренние дела Сербии. Тем не менее, в целом, он нашел ответ почти удовлетворительным. Свое общее впечатление Вильгельм II резюмировал в замечании, лишней раз подтверждающем непримиримость австро-венгерского руководства: "Блестящий успех для срока всего в 48 часов! Это – больше, чем можно было ожидать! Большой моральный успех для Вены; но тем самым отпадает всякое основание для войны, и Гизль (австро-венгерский посланник в Сербии. – М. Ч.) должен был бы спокойно оставаться в Белграде! В ответ на это я никогда не отдал бы приказ о мобилизации!" [2. Bd. I. № 271. S. 235–237].

Дал ли Вильгельм II в этой связи "совет умеренности" австро-венгерскому руководству? Дал, но прямо противоположный, с точки зрения содержания пожеланиям Грея. Для того, чтобы сербское правительство выполнило свои обещания, германский император предложил "прибегнуть к *douce violence*⁶... сделать так, чтобы Австрия оккупировала з а л о г (здесь и далее в оригинале разрядка. – М. Ч.) (Белград) ради принуждения к выполнению обещаний и сохраняла его до тех пор, пока требования не будут выполнены ф а к т и ч е с к и. Это необходимо также, чтобы дать в 3-й раз н а п р а с н о мобилизованной армии внешнюю *satisfaction d'honneur*⁷, видимость успеха по отношению к загранице, и позволить ей сознавать, что она, по крайней мере, находилась на чужой территории". В цитируемом письме фон Ягову Вильгельм II далее высокомерно заявлял: "На этой основе я готов п о с р е д н и ч а т ь [с целью достижения] м и р а в Австрии. Идущие вразрез с этим предложения или протесты других государств я безусловно отклонил бы, тем более, что все они более или менее открыто взывают ко Мне [с просьбами] помочь сохранить мир. Это я сделаю в присущей Мне манере, причем столь бережно в отношении н а ц и о - н а л ь н о г о ч у в с т в а Австрии и в отношении б о е в о й ч е с т и ее а р м и и, как [только] возможно... Итак, она должна безусловно иметь видимую *satisfaction d'honneur*; это – п р е д п о с ы л к а для моего сотрудничества" [2. Bd. II. № 293. S. 16–17].

Что касается уместности инициативы об "остановке в Белграде" с точки зрения австро-венгерского руководства, то следует привести рассуждение видного историка Первой мировой войны, соредактора четырехтомного собрания германских дипломатических документов периода июльского кризиса графа М. Монжеля: «Ограничение операций Белградом и окрестностями было бы просто осуществить, если бы австрийский план войны предусматривал непосредственное наступление в этот район. Конрад (начальник австро-венгерского генерального штаба. – М. Ч.), однако, хотел назначить наступление на широких обходных путях в северо-западной части Королевства (Сербии. – М. Ч.), так что оно должно было идти по наихудшим коммуникациям половины Северной Сербии с запада на восток, пока не достигло бы столицы. В эту стратегическую тайну в Берлине не были посвящены, в противном случае меньше делали бы ударение на слове "Белград"» (цит. по: [12. S. 678–679]).

Тем не менее, германское правительство настаивало на том, чтобы австро-венгерская армия, начав военные действия, все же произвела "остановку в Белграде". Это показывает, в частности, телеграмма Бетман-Гольвега Чиршки от 28 июля. В ней рейхсканцлер отмечал, что, ввиду того, что Сербия в значительной мере пошла навстречу предъявленным ей требованиям, австро-венгерскому руководству, при его "совершенно непримиримой позиции" следует "считаться с постепенным изменением общественного мнения во всей Европе". Вследствие такой позиции политического руководства монархии и того, что, по сообщениям австро-венгерского генерального

⁶ Мягкое насилие (фр.).

⁷ Удовлетворение чести (фр.).

штаба, "активное военное выступление против Сербии будет возможно только 12 августа", германское правительство, перед лицом предложений о посредничестве и конференции, оказалось в "исключительно тяжелом положении ..., и, если оно и далее будет держаться за свою прежнюю пассивную позицию (*Zurückhaltung*) по отношению к таким предложениям, позор (*Odiurn*) того, что оно несет ответственность за мировую войну, в конце концов и в глазах немецкого народа достанется ему". Следующие два предложения телеграммы Бетман-Гольвега германскому послу в Вене наглядно вскрывают тот факт, что именно германское правительство стремилось, вместе со своим австро-венгерским союзником, к развязыванию мировой войны, при этом для него было категорическим императивом переложить ответственность на своего главного противника – Россию. "На такой основе, однако, – значится в телеграмме, – нельзя начинать и вести успешную войну на трех фронтах. Настоятельная необходимость состоит в том, чтобы ответственность за эвентуальное распространение конфликта на непосредственно не причастных [к нему] при всех обострениях неслась Россия" [2. Bd. II. № 323. S. 38–39]⁸.

Излагая в телеграмме, адресованной Чиршки, "высочайшее мнение" Вильгельма II, рейхсканцлер писал, однако, что "раз уж началась мобилизация австро-венгерской армии, [то] уже боевая честь требует вступления в Сербию. Оно (русское правительство – *М. Ч.*) сумеет ... примириться с этой мыслью тем более, если венский кабинет повторит в Петербурге определенное заявление, что он совершенно далек от [мысли о] территориальных приобретениях в Сербии, и его военные меры имеют целью лишь временную оккупацию Белграда и других населенных пунктов сербской территории... Оккупация (*Besetzung*) мыслится подобно германской оккупации (*Okkupation*) во Франции после Франкфуртского мира для обеспечения выполнения требования о возмещении военных убытков. Как только австрийские требования будут выполнены, произойдет эвакуация. Если русское правительство не признает обоснованность этой точки зрения, то оно будет иметь против себя общественное мнение всей Европы". Поручая Чиршки "срочно и настоятельно объясниться в этом смысле" с Берхтольдом, Бетман-Гольвег вместе с тем предписывал германскому послу в Вене "тщательно избегать [того], чтобы возникло впечатление, будто бы желаем сдержать Австрию. Дело идет лишь о том, чтобы найти способ (*Modus*), который сделает возможным осуществление цели, к которой стремится Австро-Венгрия, – перерезать жизненный нерв великосербской пропаганды, не развязывая в то же время мировой войны, а если ее в конце концов нельзя избежать, – по возможности улучшить для нас условия, при которых ее нужно вести" [2. Bd. II. № 323. S. 38–39].

Отправив телеграмму для Чиршки, Бетман-Гольвег послал также "всеподданнейшую записку" Вильгельму II, в которой высказал мнение, что с предписанным германским императором демаршем в Вене согласовывалось бы направление им личной телеграммы российскому императору. "Такая телеграмма, – разъяснял рейхсканцлер, – если бы затем все же дело должно было дойти до войны, в самом ясном виде показала бы вину России". Доведение до ее сведения идеи об "остановке в Белграде" следовало, полагал он, возложить на австро-венгерскую дипломатию: «Графу Пурталесу указано сказать г-ну Сазонову, что В. В-во стремятся побудить Вену к откровенному обмену мнениями с Петербургом с той целью, чтобы выяснить и объем австрийского образа действия в Сербии (на полях против этих слов Вильгельм II

⁸ Для дальнейшего существенно важен тот факт, что еще 19 июля австро-венгерский общий совет министров принял секретное решение о целях войны против Сербии, которое устанавливало, что "тотчас же с началом войны иностранным державам будет заявлено, что монархия не ведет завоевательной войны и не предусматривает присоединения королевства", и в то же время не исключало ни "стратегически важных исправлений границы", ни "уменьшения Сербии в пользу других государств", ни "эвентуально необходимой временной оккупации частей сербской территории" [13, № 2. S. 153–154]. 26 июля Бетман-Гольвег телеграфировал германскому послу в С.-Петербурге Ф. фон Пурталесу: "После того, как граф Берхтольд заявил России, что Австрия не планирует территориального приобретения в Сербии, а только хочет установить спокойствие, сохранение европейского мира зависит только от России" [2. Bd. I. № 198. S. 184].

сделал помету: "хорошо". – М.Ч.) недвусмысленным и, надо надеяться, удовлетворяющим Россию способом. Происшедшее тем временем объявление войны ничего не изменит в этом» [2. Bd. II. № 308. S. 27].

Однако уже на следующий день, 29 июля, германскому послу в Вене была вручена памятная записка австро-венгерского общего министерства иностранных дел, представлявшая собой ответ на переданную германским правительством, благодаря настойчивости Лихновского, просьбу Грея. В документе недвусмысленно опровергалось предположение Бетман-Гольвега, что Россия может спокойно принять объявление Австро-Венгрией войны Сербии, которое, якобы, ничего не изменило в соотношении сил на европейском континенте. Тон памятной записки был вызывающим по отношению не только к Великобритании, но и, пожалуй, к Германии, однако в последнем случае дерзость австро-венгерского руководства была не только терпима, но и, пожалуй, поощряема. "... Имп. и кор. правительство, – говорилось в памятной записке, – должно указать на то, что оно ... больше не в состоянии занять позицию по отношению к сербской ответной ноте в соответствии с английской инициативой, так как в момент принятого здесь германского демарша уже наступило состояние войны между монархией и Сербией, и сербскую ответную ноту, соответственно этому, уже опередили события... Если, впрочем, английский кабинет окажется готов воспользоваться своим влиянием на русское правительство для сохранения мира между великими державами и локализации войны, навязанной нам многолетними сербскими интригами, то имп. и кор. правительство может только приветствовать это" [11. № 10941. S. 860–861].

Переписка Николая II с Вильгельмом II на завершающем этапе июльского кризиса и обстоятельства принятия Россией решения об общей мобилизации ее вооруженных сил детально проанализированы А.В. Игнатьевым в четвертом разделе XI главы заключительной книги пятитомника "История внешней политики России". Автор обращает внимание на то, что в своей второй телеграмме от 29 (16) июля царь "высказал мнение о желательности передать австро-сербский спор Гаагской конференции", каковое предложение кайзер в своем ответе "игнорировал" [1. С. 440–441]. В этой связи можно привести следующие дополнительные соображения.

Во-первых, предложение "применить к австро-сербскому конфликту гаагскую мирную процедуру" [14. С. 98] было удачным дипломатическим ходом, разбивающим замыслы германских правящих кругов переложить ответственность за развязывание мировой войны на Россию, – недаром Вильгельм II подчеркнул слова "Гаагской конференции" в полученном им тексте телеграммы и поставил на поле справа против них восклицательный знак (см.: [2. Bd. 2. № 336. S. 77]). Новый смысл приобрели слова из инструкции Бетман-Гольвега Пурталесу от 26 июля: "...Сохранение европейского мира зависит только от России". Ибо чего же добивалась Россия? На этот вопрос можно найти ответ в одном из примечаний к телеграмме Николая II кайзеру, опубликованном в допечатанном тираже "Германских документов о возникновении войны 1914 г.", где приводятся слова, пропущенные при передаче телеграммы по кабелю из Петергофа в Новый дворец, где пребывал Вильгельм II. Это примечание гласит: «В IV томе русского "Красного Архива" после [слова] "конференции" находятся слова: "с тем, чтобы предотвратить кровопролитие"» [2. Bd. II. № 336. S. 77. Апп. 4а].

Во-вторых, Николай II предложил применить наиболее прогрессивный для своего времени метод урегулирования международных споров – международное третейское разбирательство или арбитраж, т.е. "разрешение спора между сторонами третьей стороной (арбитром), решение которой *обязательно* для спорящих сторон" [15. С. 492], с привлечением Постоянной палаты третейского суда, образованной в соответствии с решениями созванных по инициативе России в 1899 и 1907 гг. международных Гаагских конференций мира. Причем вынесение на рассмотрение этой организации конфликта между Австро-Венгрией и Сербией в связи с расследованием убийства австрийского престолонаследника, т.е. действительно крупного междуна-

родного вопроса, от которого зависел мир в Европе, резко повысило бы роль и значение Палаты, которая "за свою многолетнюю деятельность... рассмотрела около трех десятков споров второстепенного характера" [15. С. 494].

В-третьих, в телеграмме Николая II учитывался сербский ответ на австро-венгерский ультиматум, а именно готовность сербского правительства "принять мирное соглашение, ... передав этот вопрос на решение Гаагского международного трибунала" (при составлении ноты арбитраж в спешке был назван трибуналом, хотя следует отметить и то, что на Гаагских конференциях мира при рассмотрении вопросов об урегулировании международных споров в качестве одного из механизмов урегулирования предлагался международный трибунал). В споре между великой державой и малой страной Россия поддержала тот способ урегулирования, который предложила малая страна.

В-четвертых, если говорить об общей мобилизации российских вооруженных сил, то Николай II, хотя и не без колебаний, сдержал слово, данное им 27 июля в телеграмме сербскому престолонаследнику Александру Карагеоргиевичу: "...Ваше Высочество, можете быть уверены в том, что ни в каком случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии" [16. № 40. С. 28]. Решение общей мобилизации было принято во второй половине дня 29 июля 1914 г., словно в ответ на известие об обстреле ("бомбардировке") Белграда австро-венгерской артиллерией с противоположного берега Дуная и с кораблей Дунайской флотилии [6. С. 362].

В тот же день, 29 июля, Грей имел еще две беседы с Лихновским. В связи с вопросом о посредничестве между Австро-Венгрией и Россией британский государственный секретарь предупредил, что оно "не может принимать форму простого побуждения России к тому, чтобы стать на чью-либо сторону, в то время как Австрия была бы свободна идти на все, что ей заблагорассудится. Это было бы не посредничество, – продолжал Грей, излагая свою первую беседу с Лихновским в телеграмме, предназначенной британскому послу в Берлине Э. Гошену, – это было бы просто оказание давления на Россию в интересах Австрии" [4. № 284. Р. 181]. Согласно телеграмме, посланной Лихновским Бетман-Гольвегу, в ответ на это он, Лихновский, сказал, что Германия рассматривала "австро-сербскую ссору" как дело, в которое она не собиралась вмешиваться, и что она не может "также требовать от Австрии никакого унижения" [2. Bd. II. № 357. S. 68]. Возражая Лихновскому, Грей продемонстрировал, с одной стороны, понимание ситуации, а с другой – имперский менталитет, в соответствии с которым великие державы имеют-де "право" унижать малые государства. Так, он сказал, что "это не вопрос унижения Австрии, это вопрос о том, сколь далеко Австрия думает идти в унижении других". По его мнению, должно "иметь место некоторое унижение Сербии", однако, если оно будет чрезмерным, то это повлечет за собой осложнения между великими державами. Относительно заверения германского посла в Лондоне, что Австро-Венгрия не будет аннексировать сербскую территорию, британский государственный секретарь по иностранным делам "заметил, что [даже не] аннексируя сербскую территорию, оставляя номинальную сербскую независимость, Австрия может превратить Сербию практически в вассальное государство, и это затронет всю позицию России на Балканах" [4. № 284. Р. 181]. В телеграмме Лихновского Бетман-Гольвегу в этой связи содержится добавление, что тем самым было бы поставлено на карту "положение России у православных христиан", и отмечается, что Грей "обронил при этом мысль: разве не возможно достигнуть взаимопонимания относительно распространения военных операций Австрии и относительно требований монархии?" [2. Bd. II. № 357. S. 68].

В телеграмме о своей второй беседе с Греем 29 июля, переданной в 18 ч. 39 м. того же дня, Лихновский сообщил о повторенном ему британским государственным секретарем по иностранным делам предложении о четверном посредничестве, принять участие в котором к тому времени "в принципе" согласилось германское правительство (это "принципиальное" согласие удерживалось, однако, в тайне от германского императора). «Ему (Грею. – М. Ч.) лично казалось подходящей основой для

такого посредничества объявление Австрией, скажем, после оккупации Белграда или других мест своих условий (на полях представленной ему копии телеграммы Лихновского против этого места Вильгельм II сделал помету "хорошо". – М. Ч.)... Но *посредничество* казалось ему настоятельно необходимым, если не *должна наступить европейская катастрофа*» [2. Bd. II. № 368. S. 79]. Таким образом, в новом предложении Грея комбинировались его собственные инициативы о посредничестве, соответственно конференции послов четырех великих держав в Лондоне в связи со спором между Россией и Австро-Венгрией из-за конфликта на Балканах, с инициативой Вильгельма II об "остановке в Белграде". Но это новое предложение было соединено с едва прикрытой угрозой. «Британское правительство, – передавал Лихновский слова Грея, – желает поддерживать с нами существующую до сих пор дружбу, и оно может пока конфликт *ограничивается Австрией и Россией, стоять в стороне* (помета Вильгельма II: "т.е. мы должны бросить Австрию на произвол судьбы, подлейше и по-мефистофелевски! Но чисто по-английски". – М. Ч.). Если бы мы⁹, однако, втянули и Францию, то ситуация тотчас же стала бы иной, и британское правительство при таких *обстоятельствах сочло бы себя вынужденным принять срочные решения* (помета Вильгельма II: "уже приняты". – М. Ч.). В этом случае *нельзя было бы долго стоять в стороне и выжидать* (помета Вильгельма II: "т.е. они нападут на нас". – М. Ч.), "если война вспыхнет, это будет *величайшей катастрофой*, которую когда-либо видел мир"» [2. Bd. II. № 368. S. 79].

Тем не менее рассматриваемая телеграмма Лихновского была полна радужных надежд в связи с тем, что Великобритания была согласна "умиротворить" Австро-Венгрию в ущерб Сербии: "Моему итальянскому коллеге (итальянскому послу в Лондоне маркизу Г. Имперали. – М. Ч.), который только что покинул меня, сэр Э. Грей сказал, что он полагает, что в случае, если будет принято посредничество, чтобы быть в состоянии предоставить Австрии любую возможную сатисфакцию, унижительное отступление Австрии больше совершенно не принималось бы в расчет, так как сербы при всех случаях были бы наказаны и вынуждены при согласии России подчиниться австрийским желанием. Австрия может, следовательно, и без войны, которая ставит под вопрос европейский мир, приобрести гарантии на будущее" [2. Bd. II. № 368. S. 80].

Зато Вильгельм II в связи с едва прикрытой дипломатическими формулировками угрозой Грея дал волю своему гневу и разразился следующей тирадой в конце предоставленной ему копии телеграммы Лихновского: "Англия открывается в тот момент, когда она придерживается мнения, что нас обложили, словно волков, и [мы] являемся, так сказать, кончеными людьми!... Эти слова, сказанные Лихновскому, являются следствием нечистой совести, того, что у него было как раз чувство, что он должен был обмануть нас. К тому же это – фактическая угроза, сочетающаяся с блефом, чтобы оторвать нас от Австрии, помешать нам в [деле] мобилизации и переложить на нас ответственность за войну. Он знает совершенно точно, что если он скажет только одно-единственное серьезное, резкое, удерживающее слово в Париже и Петербурге и призывает их к нейтралитету, оба тотчас же останутся спокойными. Однако он остерегается сказать это слово, а угрожает нам вместо этого! Обыкновенный подлец! Теперь *одна Англия несет ответственность за войну и мир, а не мы!* Это должно быть выяснено также публично" [2. Bd. II. № 368. S. 80].

Содержание двух телеграмм Лихновского от 29 июля с указаниями рейхсканцлера было сообщено германскому послу в Вене, однако исполнение этих указаний – в который раз за время июльского кризиса! – отставало от хода дипломатических переговоров между великими державами.

Так, 30 июля в 12 ч. 30 м. с берлинского Главного телеграфа была отправлена в Вену имевшая исходящий номер 190 телеграмма за подписью Бетман-Гольвега,

⁹ Местоимение "мы" дважды подчеркнуто Вильгельмом II.

которая включала в себя два отрывка из первой телеграммы Лихновского от 29 июля. Особое значение имел второй отрывок, где говорилось, что Грей сообщил Лихновскому, "что сербский поверенный в делах в Риме заявил маркизу ди Сан Джулиано (итальянский министр иностранных дел. – М. Ч.), что, при условии известного разъяснения способа участия австрийских агентов, Сербия была бы склонна проглотить также статьи 5 и 6 австрийской ноты, т.е., следовательно, все требования" [2. Bd. II. № 357. S. 69]. В этой связи рейхсканцлер предписал Чиршки: "Прошу немедленно сообщить вышеизложенное графу Берхтольду и добавить, что мы считаем такого рода уступчивость Сербии подходящей основой для переговоров на основании оккупации части сербской территории в качестве залога" [2. Bd. II. № 384. S. 106].

Ближайшая по времени телеграмма из Вены пришла перед этим в 1 ч. 50 м. ночи (входящая отметка о поступлении – 30 июня до полудня) и относилась к отправленной еще 28 июля телеграмме Бетман-Гольвега в соответствии с "высочайшим повелением" Вильгельма II по поводу оккупации австро-венгерской армией главного города Сербии. Эта "ночная" телеграмма стоит того, чтобы привести ее текст полностью:

"Поручение исполнено. Граф Берхтольд благодарит за [проявленную] инициативу. Министр готов еще раз повторить заявление относительно территориальной незаинтересованности, которое он уже сделал в Петербурге и через русского представителя здесь. Что касается дальнейшего заявления относительно военных мер, граф Берхтольд сказал о невозможности дать мне ответ немедленно.

Несмотря на представление относительно срочности дела, я до сегодняшнего вечера не получил никаких дальнейших сообщений. *Чиршки*" [2. Bd. II. № 388. S. 109].

Приведенная телеграмма вызвала переполох в германском Ведомстве иностранных дел – ведь политико-дипломатическая ситуация была уже принципиально иной. Правда, она не исключала оккупацию австро-венгерской армией части сербской территории в качестве "залога", но теперь Германии, в случае отклонения австро-венгерским руководством четверного посредничества в какой-либо форме, грозила большая опасность. Для исполнения Чиршки в Вену была отправлена телеграмма с выдержками из первой беседы Лихновского с Греем, а существо дела заключалось во второй беседе, в ходе которой британский государственный секретарь по иностранным делам высказал свою едва прикрытую угрозу в адрес Германии.

Срочно были приняты соответствующие меры, и в 2 ч. 55 м. ночи 30 июля на Главный телеграф поступила телеграмма Бетман-Гольвега для Чиршки, черновик которой был написан Яговом. В ней полностью воспроизводилась телеграмма Лихновского с изложением его второй беседы с Греем от 29 июля и давалось следующее резюме положения: "Мы стоим, таким образом, перед [лицом] конфликта (Conflagration), в котором Англия выступила бы против нас, [а] Италия и Румыния, по всем признакам, – не с нами, и мы вдвоем противостояли бы четырем державам. На долю Германии вследствие враждебности Англии выпала бы главная тяжесть борьбы". Далее в этой телеграмме, имевшей исходящий номер 192, содержалась аргументация, которую Чиршки должен был развить перед австро-венгерским руководством: "Политический престиж Австрии, боевая честь ее армии, равно как ее оправданные (berechtigten) притязания по отношению к Сербии могли бы быть в достаточной степени обеспечены оккупацией Белграда или других мест. Ее положение на Балканах, как и по отношению к России, вновь сделалось бы сильным". И в заключение – предписание Чиршки в сочетании с призывом подумать о возможных последствиях, обращенным к австро-венгерскому руководству: "При этих обстоятельствах мы должны срочно и настоятельно представить на рассмотрение венского кабинета принятие посредничества на данных почетных условиях. Ответственность за наступившие в противном случае последствия была бы для Австрии и [для] нас необычайно тяжелой" [2. Bd. II. № 395. S. 114].

Ровно через 5 минут, в 3 ч. 00 м. на Главный телеграф поступила еще одна телеграмма рейхсканцлера для германского посла в Вене (исходящий номер – 193), в

которой приводилась (в несколько сокращенном виде) телеграмма германского посла в С.-Петербурге Ф. фон Пурталеса от 29 июля. Соглашаясь с австро-венгерской точкой зрения относительно невозможности вести переговоры с Сербией, с которой Австро-Венгрия находилась в состоянии войны, Бетман-Гольвег считал вместе с тем "тяжелой ошибкой" отказ австро-венгерского руководства от всякого обмена мнениями с российской дипломатией, "так как он просто провоцирует военное (kriegerischen) вмешательство России, избежать которого заинтересована в первую очередь Австро-Венгрия". Далее, с учетом общей ситуации, в рассматриваемой телеграмме говорилось: "Мы, правда, готовы выполнить наш союзнический долг, но должны отказаться позволить Вене необдуманно (leichtfertig) и без учета наших советов втянуть нас в мировой пожар. И в итальянском вопросе Вена, по-видимому, пренебрегает нашими советами". В заключение в телеграмме содержалась просьба "немедленно со всей настойчивостью и большей серьезностью высказаться [в этом смысле] перед графом Берхтольдом" [2. Bd. II. № 396. S. 115].

Днем 30 июля в Вене Чиршки выполнил инструкции Бетман-Гольвега, содержащиеся в его телеграммах № 190 и № 192, а также в примыкавшей к последней по своему содержанию телеграмме № 193.

В телеграмме, отправленной в 15 ч. 20 м., германский посол в Вене рассеял иллюзии рейхсканцлера относительно перспективы мирного разрешения конфликта благодаря уступчивости Сербии. Чиршки сообщил в Берлин "разъяснение" Бетман-Гольвегу на сей счет: "[То], что с принятием статей 5 и 6 австрийской ноты она принята в своей совокупности, – это является заблуждением, так как Сербия сделала оговорки также в различных других пунктах. Полного принятия требований ноты было достаточно для здешних [людей] (für hier), пока мирный исход конфликта между Сербией и монархией еще подлежал обсуждению. Теперь, после наступления состояния войны, условия Австрии должны были бы, естественно, звучать иначе" [2. Bd. II. № 432. S. 146].

Что касается телеграммы Чиршки, переданной из Вены в 17 ч. 22 м. и сообщавшей об исполнении поручения "срочно и настоятельно представить на рассмотрение венского кабинета принятие посредничества на данных почетных условиях", то она была краткой: "Поручение исполнено самым настоятельным образом. Граф Берхтольд по испрошении повеления императора Франца-Иосифа даст срочный ответ" [2. Bd. II. № 434. S. 147]. Эта телеграмма поступила в Берлин уже в 17 ч. 56 м., а в 20 ч. 45 м. на основании дополнительных сведений Бетман-Гольвег телеграфировал Вильгельму II: "Ответ из Вены будет здесь (в Берлине. – М. Ч.) самое раннее завтра в середине дня, так как граф Тиса прибывает в Вену рано утром" [2. Bd. II, № 440, S. 151].

Венгерский премьер-министр граф И. Тиса в силу своей особой позиции, занятой в начале июльского кризиса [17], имел репутацию противника войны против Сербии. Однако после 12 июля, когда его доверенное лицо венгерский министр "при высочайшем дворе" барон И. Буриан был принят Францем-Иосифом I и передал венгерскому премьер-министру пожелание императора и короля о скорейшем преодолении расхождения – "которое Его Величество, впрочем, не считает существенным", – между ним и остальными государственными деятелями, входившими в состав австро-венгерского руководства [6. S. 268], Тиса, будучи лояльным подданным своего государя, пересмотрел свою первоначальную точку зрения и "14 июля... присоединился к тому большинству, которому затем 19 июля предстояло принять жестко сформулированный ультиматум, адресованный Сербии" [18. с. 598].

Благодаря соответствующему донесению Чиршки [2. Bd. I. № 51. S. 70–71] об этом стало известно в Берлине; между тем Бетман-Гольвегу была не чужда мысль использовать Тису в интересах принятия австро-венгерским руководством предложения о четверном посредничестве на основе взятия "залога". Это показывает и знаменитая телеграмма № 200, отправленная с берлинского Главного телеграфа в 21 ч. 00 м. 30 июля и поступившая в германское посольство в Вене в 3 ч. 00 м. 31 июля. В ней

Бетман-Гольвег, в частности, указывал Чиршки: "Если Вена... отклонит всякий переход на примирительную позицию, в особенности последнее предложение Грея (телеграмма № 192), едва ли больше возможно перекладывать на Россию ответственность за вспыхивающий европейский пожар... Это создает для нас совершенно несостоятельную позицию по отношению к собственной нации. Мы можем поэтому только настоятельно рекомендовать, чтобы Австрия приняла предложение Грея, которое во всяком отношении защищает ее позицию."

Соблаговольте, В. Пр-во, немедленно самым настоятельным образом высказаться в этом смысле перед графом Берхтольдом, эвентуально также перед графом Тисой" [2. Bd. II. № 441. S. 151–152].

Можно только строить предположения о том, какой результат имела бы беседа Чиршки с Тисой, если бы она состоялась, согласился ли бы венгерский премьер-министр поддержать предложение о четверном посредничестве на вышеуказанной основе в расчете на то, что его, как заведомо неприемлемое для себя, отклонит Россия. Все телеграммы, о которых шла речь выше, были шифрованными, и для их дешифровки требовалось известное время. Однако в 23 ч. 20 м. 30 июля с берлинского Главного телеграфа была отправлена открытым текстом подписанная Бетман-Гольвегом телеграмма № 202, гласившая: "Инструкцию № 200 прошу временно не исполнять". Эта телеграмма дошла до германского посольства в Вене быстро, поэтому с дешифровкой телеграммы № 200, пришедшей несколько позже, не спешили.

Тем временем, между 17 и 19 часами 30 июля 1914 г., в Берлине состоялось заседание королевско-прусского государственного министерства (правительства). Выступая на нем в качестве прусского министра-председателя, Бетман-Гольвег, в частности, сказал: "Со стороны германского правительства венскому правительству было рекомендовано заявить в Петербурге: Сербия только частично обещала выполнить венские пожелания, к тому же в большей мере сомнительно, сдержит ли она данные обещания. Венское правительство имеет своей целью поэтому приобрести путем временного вступления во владение (Besitznahme) гарантию в отношении [выполнения] своих требований и в отношении благонамеренного поведения (Wohlverhalten) сербского правительства. На этот вчерашний демарш сегодня еще нет ответа. Определяющим для позиции Германии являются следующие причины (здесь и далее в оригинале разрядка. – М. Ч.): Должно придаваться величайшее значение тому, чтобы представить Россию в качестве виновной стороны, и это было бы достигнуто с помощью такого австро-венгерского заявления, которое довело бы русские утверждения ad absurdum..."¹⁰. В заключение своего выступления Бетман-Гольвег признал, "что все правительства – включая [правительство] России – и подавляющее большинство народов сами по себе являются миролюбивыми, но руководство утрачено, и делу уже дан ход. Как политик он, однако, до тех пор, пока его демарш в Вене не отклонен, еще не отказался от надежд и усилий, [на правление] на сохранение мира. Решение может последовать в короткое время, так как будет проложен другой маршрут". В соответствии с этим фактически желаемым "другим маршрутом" – маршрутом войны – прусское правительство наметило соответствующие мероприятия, причем собственно военные мероприятия были представлены как "чисто оборонительные" [2. Bd. II. № 456. S. 163, 164–165].

В "Германских документах о возникновении войны 1914 г." опубликован проект неотправленной телеграммы Бетман-Гольвега Чиршки, в котором задержка исполнения инструкции № 200 объясняется сообщением германского Генерального штаба о том, "что военные приготовления наших соседей, главным образом на востоке, требуют неотложного решения, если мы не хотим подвергнуться неожиданностям" [2. Bd. II. № 451. S. 159].

¹⁰ До нелепости (лат.).

И в полном соответствии с решением, *de facto* принятым в Берлине, в Вену пришел стимул к решению в виде телеграммы начальника германского Генерального штаба Х. фон Мольтке начальнику австро-венгерского Генерального штаба Ф. Конраду фон Хётцендорфу. Время отправления телеграммы из Берлина неизвестно, но известно, когда она была принята в Генеральном штабе в Вене – 31 июля в 7 ч. 50 м. утра. В "Германских документах..." телеграмма приводится – без гарантии правильности текста, хотя само существование телеграммы не оспаривается, – по публикации в IV томе мемуаров Конрада. Телеграмма была по-военному немногословной: "Русская мобилизация проводится до конца: Австро-Венгрия должна хорошо держаться, [т.е.] одновременно [с мобилизацией против Сербии] провести мобилизацию против России. Германия проведет мобилизацию. Италию [нужно] компенсациями принудить к [выполнению] союзнического долга" [2. Bd. II. № 451a. S. 159].

Днем 31 июля 1914 г. в Вене собрался общий совет министров Австро-Венгерской монархии. Открыв заседание, Берхтольд зачитал поденный отчет общего министерства иностранных дел от 30 июля, в котором говорилось о демарше, предпринятом Чиршки. Общий министр иностранных дел сказал, что как только германский посол изложил ему британское предложение, он сразу же заявил, что прекращение австро-венгерских военных действий против Сербии невозможно, а относительно предложения о посредничестве должен "испросить повеления" у императора и короля, а также обсудить вопрос на общем совете министров. Далее Берхтольд информировал о своей аудиенции у Франца-Иосифа I, который рекомендовал проявить предупредительность в форме ответа германскому правительству и в заключение представил свои соображения относительно такового, подчеркнув, что австро-венгерские условия должны быть приняты полностью. "Если бы акция закончилась теперь только приобретением престижа (*mit einem Prestigegewinne*), то она была бы, на его взгляд, совершенно напрасно предпринята. Мы не имели бы решительно ничего от простой оккупации Белграда, даже если бы Россия дала свое согласие на это. Все это было бы мишурной работой (*Flitterwerk*), Россия выступила бы спасительницей Сербии и, в особенности, сербской армии. Последняя осталась бы нетронутой, и мы через два-три года вновь должны были бы ожидать нападения Сербии при намного более неблагоприятных обстоятельствах" [13. № 3. S. 155–156].

Присоединившись к сказанному Берхтольдом и точно так же, как и он, выразив свою враждебность идее об обсуждении британского предложения по существу, Тиса вместе с тем проявил большую гибкость в выполнении "высочайшего пожелания" монарха. Как значится в протоколе, венгерский премьер-министр "спрашивает себя..., необходимо ли уже теперь вообще делать известными наши новые требования к Сербии державам, и предложил бы ответить на английскую инициативу в том смысле, что мы в принципе были бы готовы ближе познакомиться с таковой, и все же только при условии, что наши операции против Сербии будут продолжены, а русская мобилизация – прекращена" [13. № 3. S. 156]. Это предложение, являвшееся, по выражению К. Каутского, "истинной насмешкой над предложением мира" [19. С. 169], встретило общее одобрение присутствующих.

По словам австрийского премьер-министра графа К. Штюргка, "мысль о конференции столь одиозна для него, что он хотел бы избежать [даже] кажущегося согласия на таковую. Он считает, поэтому, предложение графа Тисы правильным". Общий министр финансов и управляющий по делам Боснии и Герцеговины Л. фон Билински счел инициативу Тисы "чрезвычайно искусной" и сказал, что выдвиганием упомянутых двух условий австро-венгерское руководство выиграло бы время. "И он придерживается мнения, что не следует резко отклонять английское предложение". Присутствовавший на общем совете министров венгерский министр "при высочайшем дворе" барон И. Буриан также высказался в одобрительном смысле относительно предложения своего шефа [13. № 3. S. 156–157].

Решение, означавшее по существу признание, что австро-венгерское руководство, так же как и германское правительство, упорствует в своем стремлении вести войну

против Сербии, даже осознавая перспективу превращения ее в европейскую войну с неблагоприятным для Германии и Австро-Венгрии соотношением сил, было зафиксировано в протоколе следующим образом: "...Предложение графа Тисы единогласно принимается и констатируется, что существует принципиальная склонность согласиться на английское предложение при двух выдвинутых графом Тисой условиях" [13. № 3. S. 157].

Итак, задуманная, с одной стороны, как способ сохранить равновесие сил в Европе (Грей), а с другой – как способ обеспечить "боевую честь" австро-венгерской армии (Вильгельм II) – в обоих случаях ценой принесения в жертву суверенитета и территории Сербии, – идея "остановки в Белграде" была, в конечном счете, отклонена австро-венгерским руководством. По своей объективной роли она значительно способствовала развязыванию Первой мировой войны. Иначе и быть не могло при имперском менталитете, присущем большинству государственных деятелей и дипломатов великих держав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. (От русско-французского союза до Октябрьской революции.) М., 1997.
2. Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Neue, durchges. u. verm. Ausg. Berlin, 1927. Bd. I–IV.
3. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.
4. The British Documents on the Origins of the War, 1898–1914. London, 1926. Vol. XI. The Outbreak of the War. Foreign Office Documents. June 28th – August 4th.
5. *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. I–II.
6. *Galdntai J.* Die Österreichisch-Ungarische Monarchie und der Weltkrieg. Budapest, 1979.
7. *Renouvin P.* Les origines immédiates de la Guerre (28 juin – 4 août 1914). Deuxième édition, revue et mise à jour. Paris, 1927.
8. Дипломатический словарь. Изд. 4-е, перераб. и дополн. М., 1984–1986. Т. 1–3.
9. *Grey of Fallodon.* Twenty-five Years, 1892–1916. New York, 1925. Vol. 1–2.
10. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. М.; Л., 1935. Сер. III. Т. V.
11. Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Wien; Leipzig, 1930. Bd. VIII.
12. *Lutz H.* Das Entscheidende über den "Halt in Belgrad" // Die Kriegsschuldfrage. Berliner Monatshefte zur internationale Aufklärung. 5. Jg. 1927. № 7. Juli.
13. Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1914–1918. Budapest, 1966.
14. *Игнатьев А.В.* Россия и происхождение Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.
15. Международное право. М., 1974.
16. Оранжевая книга. (До войны). Сборник дипломатических документов. СПб., 1914.
17. *Чуканов М.Ю.* Иштван Тиса о своем "звездном часе" // Вопросы истории. 1998. № 11/12.
18. *Haselsteiner H.* Ungarn und Attentat von Sarajevo. Die Stellungnahme der Abgeordneten des ungarischen Reichstages in Juli 1914 // Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976.
19. *Каутский К.* Как возникла мировая война. По документам германского министерства иностранных дел. М., 1924.

© 2001 г. И. ПЕТРОВА

НОВЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГОРОДСКИЕ ПРАЗДНИКИ БОЛГАРИИ ПЕРИОДА ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА (1878–1900)

В последние два десятилетия XIX в., непосредственно после освобождения Болгарии от османского рабства, в болгарском обществе развиваются динамичные и разносторонние процессы, касающиеся как экономики, так и социально-политической и культурной жизни. Качественные изменения в социально-экономических, политических и культурно-бытовых отношениях становятся объективной предпосылкой для создания особого облика болгарской духовной культуры, одним из основных компонентов которой является система праздников и обычаев, также развивающаяся и функционирующая на базе социально-экономической структуры Болгарии после Освобождения.

Формирование и утверждение свободно развивающегося болгарского общества предполагало необходимость возникновения и упрочения ряда новых элементов в "праздничной" жизни. Эти элементы создавались сообразно с существующими социальными отношениями, взаимосвязями и контактами с их возрастающим многообразием. Так, объективные общественные потребности периода после Освобождения приводят к формированию новых дополнений в системе праздников, а они, в свою очередь, содействуют утверждению господствующих общественных отношений, нравственных и идейных ценностей и норм и обслуживают их [1. С. 247; 2. С. 239; 3. С. 37–41].

Возникающие новые праздники имеют светский характер и многостороннюю социальную и идеологическую направленность. Они относятся преимущественно к сфере общественно-политической жизни, к формирующимся государственным структурам и органам власти, к определенным социальным и культурным явлениям, а также к значимым моментам жизни и деятельности отдельной личности и семьи. С момента своего зарождения и вплоть до середины XX в. новые праздники отмечаются преимущественно в болгарской городской среде, становясь неотъемлемой частью и существенным элементом городской культуры.

С конца 70-х годов XIX в. система праздников городского населения характеризуется значительными изменениями, при которых формируется большое число новых праздничных структур. В условиях национальной консолидации и государственно-политической стабилизации только что возникшие городские праздники превращаются в важную сферу общественной жизни [4. С. 146] и занимают существенное место в

национальной системе культуры. В целом болгарский город конца XIX в. приобретает определенный нравственный облик и создает духовную культуру, которая постепенно становится доминирующей в болгарском обществе [5. С. 210].

Основные характеристики города как целостной социологической структуры, отличной от болгарского села, и как совокупности социально-экономических и культурно-исторических предпосылок определяют специфику "праздничной" жизни. Здесь сосредоточены институциональные формирования только что созданной государственной власти и администрации. Основной потенциал интеллигенции концентрируется в городах, что оказывает влияние на развитие различных областей культуры [6. С. 83–86]. Интеллигенция становится одним из существенных факторов утверждения нововведений в области праздников в городской культурной среде. С ее помощью "праздничная" жизнь приобретает новые очертания.

В городском обществе прежде всего наполняются смыслом общезначимые ценности свободно развивающейся болгарской нации. Здесь непосредственно зарождаются новые критерии значимости определенных событий, фактов и личностей, достойных и необходимых для торжественного празднования. Этническая традиция в городской среде приобретает новые измерения: на этапе свободного государственно-политического развития болгарской нации особенно необходимо было создать и сохранить историческую память, воспоминания о событиях и личностях новой истории, внесших свой вклад в возвышение и утверждение нации. Наиболее удачными средствами и формами выражения этнической традиции в соответствии с ее измененным содержанием оказываются новые праздники в общественно-политической сфере [7. С. 153–154]. Они представляют собой самую значительную группу только что созданных праздников в болгарских городах и оказываются самыми устойчивыми во времени: большая их часть отмечается и в наши дни.

Общественно-политические праздники сосредоточивают внимание на особо важных датах и событиях недавнего исторического прошлого, наиболее тесно связанных с идеей завоевания политической свободы и осуществления национального объединения. Непосредственно сразу после освобождения в городской среде начинают отмечать годовщину Апрельского восстания (20 апреля), даты восстаний регионального значения (например, Старозагорского, Кресненско-Разложского и др.), годовщину сражения на Шипке (11 августа) или других памятных битв времен русско-турецкой освободительной войны. Отмечаются даты освобождения русской армией отдельных городов. Третье марта, день освобождения от османского рабства, начинает утверждаться как особо значимый праздник в общественно-политической сфере. С освобождением Болгарии открывается новая эпоха в историческом бытии болгар, поэтому и праздник, посвященный этому событию, занимает центральное место среди новых праздников. С 1886 г. болгары отмечают годовщину Соединения Княжества Болгария и Восточной Румелии (6 сентября) как естественного продолжения национально-освободительной борьбы.

В "праздничной" жизни городов вначале спонтанно и стихийно начинает зарождаться ряд праздников, связанных с выражением почтения к делу и жизни великих сынов болгарского народа. По инициативе демократических общественных сил организуется чествование годовщин смерти героев, погибших в освободительной борьбе: Христо Ботева, Василя Левского, Хаджи Димитра и Стефана Караджи. Прогрессивные городские круги становятся выразителями идеи, согласно которой преклонение перед подвигом и почитание памяти отдавших жизнь за Отечество является важной чертой каждого подлинного болгарина. В новых праздниках объектом чествования становится определенная историческая личность [8. С. 6–7; С. 307]. С течением времени начинают отмечаться и дни рождения Ботева и Левского, сначала в их родных городах. Эти празднования соотносятся с новыми взглядами, утвердившимися в городской среде, относительно даты рождения как большого личного праздника.

Содержание рассматриваемых общественно-политических праздников является определенно патриотическим. Благодаря им в праздничном календаре отмечаются

наивысшие моменты новой истории и выражается преклонение перед борьбой за национальную независимость периода возрождения. Превращение праздников и дат биографий политических личностей в значимые факты политической истории отвечало конкретным потребностям болгарской нации. Новые празднования свидетельствуют о причастности всех социальных прослоек города к определенному периоду исторического прошлого. В праздничных днях находит конкретное выражение существующая у болгарской нации необходимость осуществления преемственности с традициями национально-освободительной борьбы и с идеалами погибших за свободу родины. Эта преемственность становится особенно необходимой после политического разъединения болгарской нации в результате решений Берлинского Конгресса. Актуализируя идеи борьбы за освобождение и дела героев, периодически вспоминая их во время торжеств, болгары тем самым ищут стимул и направления будущего общенационального объединения.

Характерной чертой развития общественно-политических праздников становится их институциональная организация. В первые годы после Освобождения непосредственная инициатива празднования и подготовка большинства новых праздников в городах является делом отдельных патриотично настроенных общественных деятелей, бывших участников национально-освободительного движения. Эти люди начинают занимать все более значительное место в городской политической жизни, они вступают в местные структуры власти или входят в руководство оппозиционных партий, возглавляют общественные организации, библиотеки, издают газеты. Независимо от принадлежности к той или иной стороне поля политических сил, эти недавние поборники справедливости всегда ищут возможность идентификации с личностями и делами национальных героев и с идеями недавнего прошлого. Такую возможность предоставляют ежегодно организуемые празднования новых общественно-политических дат.

С начала 80-х годов XIX в. подготовка торжеств из инициативы и дела отдельных личностей превращается в объект деятельности различных государственных и общественных институтов и учреждений: местных органов управления, политических партий, культурно-просветительских организаций, женских содружеств, церкви, школ и др. [7. С. 154]. Усиливающееся активное вмешательство расширяющейся сети институций воздействует в значительной степени на форму, содержание и структуру общественно-политических праздников. С вовлечением государственных управленческих органов возникшим спонтанно торжествам придается официальный характер. К концу XIX в. роль государственного механизма в регулировании новых праздников существенно нарастает.

Очень часто в городах создаются специальные организационные комитеты, отвечающие за подготовку праздников. В их состав входят представители различных институциональных формирований, равно как и отдельные граждане. В создании комитетов находит воплощение идея широкой социальной ангажированности подготавливаемых торжеств, поскольку за каждой институцией-организацией стоит определенная социальная группа. Само включение в состав организационного комитета рассматривается руководителями политической партии, культурно-просветительской организации или профессионального союза как средство повышения социального престижа соответствующей организации и утверждения их собственного авторитета.

Организационные комитеты готовят подробные программы общественного празднования важных дат, заботятся об их подготовке и дают полномочия определенным лицам следить за успешным проведением торжеств. Кроме того, что комитеты приглашают большой или меньший круг людей, вовлекая их в непосредственную подготовку праздника, они предоставляют выработанные ими программы средствам массовой информации. Со страниц печатных изданий начинается предварительное оповещение о предстоящих торжествах, предоставляются сведения об основных организаторах и формах праздника, отправляются специальные приглашения с целью более активного включения горожан в чествование.

Основной задачей организационных комитетов становится забота о приглашении высоких гостей, чей ранг официального лица придает дополнительную социальную значимость отмечаемому празднику. Всегда отправляются приглашения местным депутатам Народного собрания. Своим присутствием на торжествах они открыто демонстрируют причастность к жизни избирателей. Приглашались также члены правительства, а на большие торжества, связанные с круглыми датами, специальные делегации отправлялись в столицу, чтобы вручить приглашения членам княжеской семьи и самому князю.

В структуре общественно-политических праздников выделяются торжественная (официальная) и развлекательная (неофициальная) части [4. С. 149]. На торжественной церемонии публично выступали местные административные, политические и общественные руководители. Активным было и участие священнослужителей. Присутствие церковных ритуалов в большинстве праздников было регламентировано, а церковная обрядность прочно закреплялась как составной элемент рассматриваемых городских торжеств. Непременными участниками праздников являлись учителя и ученики школ. Включение подрастающего поколения в официальные чествования приобщало молодежь к национально значимым идеям, которые выражались и утверждались посредством праздников. Произносили речь во время торжеств также военные, придавая тем самым дополнительную парадность и церемониальность действу.

Формы праздника, включенные в официальную часть, были самыми разнообразными. Их многообразии и объем зависели от продолжительности времени, определенного для празднования, т.е. от того обстоятельства, отмечался ли праздник как официальный в нерабочий день, захватывал ли он два дня последовательно или торжества проводились только утром или вечером. Чаще всего праздник начинался с манифестации на центральных улицах города. Во главе праздничного шествия были представители административной и военной власти, за которыми следовали многочисленные граждане. Местом торжеств обычно была городская площадь или историческая местность вблизи города. Ее выбирали с целью обеспечения массовости и публичности их проведения, украшали плакатами, портретами и зеленью.

Начало публичных действий на месте, определенном для общегородского празднования, знаменовалось обычно церковным ритуалом: торжественной литургией, освящением воды или молебном с участием представителей городской духовной элиты. Важное место в структуре торжественной части занимали речи, произносимые местными политиками, общественными деятелями и гостями. В выступлениях подчеркивалось значение события или исторической личности, объекта праздничного действия. Существенным элементом некоторых чествований был смотр войсковых частей или военный парад, посредством которого военное сословие демонстрировало свою сопричастность празднику. Вечерний торжественный салют с иллюминацией подчеркивал значимость общественно-политического праздника и оказывал эмоциональное и эстетическое воздействие на присутствующих. Большую роль в официальной части церемонии занимал музыкальный фон, создаваемый выступлениями военных музыкантов и школьников. Оркестры играли государственный гимн, гимн короне, а также мелодии патриотичных песен периода Возрождения. К заключительным моментам официальной части относилось возложение венков и цветов к памятникам, памятным плитам, гробницам.

Развлекательная сторона праздников также характеризуется исключительной вариативностью и многообразием форм. В них находят выражение прежде всего спонтанные проявления. После торжественной части городское увеселение протекало в более тесных или широких социальных рамках согласно организации праздника и общественной активности участников. Очень распространенной формой развлечения было хоро (хороводный народный танец. – *Прим. пер.*). В рамках праздничного шествия или при встрече официальных лиц – гостей торжества – демонстрировались народные костюмы соответствующей этнографической области. Школьники началь-

ных классов исполняли традиционные игры и песни обрядов колядования, лазарования, Пеперуды (обряд вызывания дождя. – *Прим. пер.*) и др. Включение этих форм праздника в увеселительную часть новых городских чествований было доказательством значения народных праздничных традиций. Обрядовые и игровые элементы культурной системы болгарского села присутствовали в структуре городского праздника в очень трансформированном виде, однако они удачно вписывались в ценностную систему граждан и удовлетворяли их потребность в праздничном общении.

В развлекательной части торжества утверждаются и новые формы развлечений, заимствованные или возникшие под влиянием иноэтнических культур: художественно-музыкальные программы, увеселения в саду, разыгрывание вещевой лотереи, балы, вечеринки. Две последние формы были социально дифференцированы: они устраивались или для городской элиты, или для определенных сословий и профессиональных групп.

Новые общественно-политические праздники, официально регламентированные властью, занимают постоянное и значимое место в праздничном календаре болгарского города. Через них находит выражение новое представление о праздничном времени, об организации форм празднования. Рассмотренные праздники отличаются ярко выраженной этнической определенностью [1. С. 313]. Праздники возникают в результате исторического развития системы обычаев, что более всего заметно в выделении героев и событий болгарской политической истории. Направляя общественное внимание к недавнему прошлому, связанному с борьбой за освобождение и созданием болгарской государственности, праздники сильно воздействуют на национальное самосознание и влияют на укрепление этнического и социального самоопределения. Посредством торжеств непосредственно сохраняется историческая память и поддерживается национальная гордость за героическое прошлое болгар. С другой стороны, праздники регламентируют особым образом целостность нового государства и символизируют единство болгарского общества. Общественно-политические праздники как публичное проявление социальных и национальных влечений объединяют городскую общественность и наиболее четко отвечают новым социальным нуждам: поддержанию национального самосознания и высокого гражданского чувства, утверждению гражданского общества, уважению и преклонению перед демократическими традициями, духовному обогащению личности.

Перевод с болгарского Е.С. Узеновой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Георгиев Г.* София и софиянци. 1878–1944. София, 1983.
2. *Георгиев Г.* Освобождението и етнокультурното развитие на българския народ. 1877–1900. София, 1979.
3. *Стаменова Ж.* Патриотизмът и празнично-обрядната система. София, 1986.
4. *Хаджиева Р.* Обществени празници в гр. Горна Джумая // Българска етнология. 1997. Кн. 1/2.
5. *Колева Т.* Народная и национальная культура в Болгарии. Взаимоотношения с Освобождения до наших дней // *Problemi kultura ljudova i narodova.* София, 1971.
6. *Кузманова М.* Поглед към някои специфики на градския празничен календар // Българска етнография. 1994. Кн. 1.
7. *Маркова Л.* Традиционные календарные обычаи и новые общественные праздники в городах Болгарии после Освобождения // Освобождението на България и развитието на българската народна култура. София, 1979.
8. *Симеонова Г.* Видове празнични календари – взаимовлияние и историческо развитие // Българска етнография. 1987. Кн. 2.

В.К. ВОЛКОВ. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. 368 С.

1990-е годы изменили весь современный мир. Однако больше всего изменений пришлось на Центральную, Юго-Восточную и Восточную Европу. Рухнули коммунистические режимы, от которых отказались все страны этих регионов, распались СССР, Югославия, Чехословакия, ушел в прошлое двухполюсный мир.

Осмысление этих событий и всего 50-летнего периода существования "социалистического эксперимента" в странах Центральной и Юго-Восточной Европы идет весьма интенсивно, и одной из серьезных попыток рассмотрения всех этих проблем в их взаимосвязи (при необходимости – с экскурсами в историю, с отступлениями на сто и более лет назад) стала книга известного историка, директора Института славяноведения РАН, члена-корреспондента РАН В.К. Волкова. Необходимо сразу подчеркнуть, что особый интерес, в частности, представляет ввод автором в научный обиход широкого пласта архивных материалов, в том числе и прежде всего документов из закрытого ранее, да и сегодня весьма труднодоступного для исследователей Архива Президента Российской Федерации. Понятно, что это придает книге особую ценность, в том числе и в качестве важного источника для дальнейших исследований.

Автор собрал в книге статьи, написанные им в последнее время по самым разным поводам, но перед читателем все же не обычный сборник, а скорее монографическое издание, объединенное общим замыслом и общей проблематикой. Книга делится на три раздела "Проблемы истории", "Историография" и "Общественно-политические

проблемы". Таким образом, автор фактически разбирает интересующую его проблему – роль и место народов Центральной и Юго-Восточной Европы в современном мире – с трех сторон: конкретно-исторической, историографической и теоретической. Причем внимание автора сосредоточивается как на этом регионе в целом, так и на его составных частях или отдельных странах. Так, из 13 статей, представленных в сборнике, региону в целом посвящены – две, Балканам (преимущественно Югославии) – пять, общеславянским проблемам – четыре и по одной статье – Восточной Германии и Чехословакии. Разумеется, эта градация довольно условна, во многих статьях пересекаются проблемы, которые касаются и региона в целом, и его отдельных частей.

Повторим, книга представляется нам весьма цельной и по форме и по содержанию. Собранные в ней под одной обложкой работы раскрылись новыми гранями, произошло как бы качественное их изменение. И прежде всего потому, что сборник скрепляют несколько сквозных "узловых" проблем, а перед читателем предстает "картина развития всего региона за определенный исторический период, отличающийся внутренней цельностью и взаимосвязанностью событий" (С. 5). Остановимся на этих проблемах подробнее.

В открывающей сборник статье, посвященной отношениям Советского Союза и Германии в 1940 г., речь идет о политике *фашизации* балканских государств. Эта политика, которую проводила гитлеровская Германия, затронула Венгрию, Румынию, Болгарию, осуществлялись попытки ее рас-

пространения на Югославию. Разумеется, как это обычно и бывает, такая политика прикрывалась разговорами о "новом европейском порядке", о "заинтересованности в сохранении мира на юго-востоке Европы" и т.п. (С. 19). Советский Союз пытался не остаться в стороне от балканских проблем, избежать изоляции, тем более что германский МИД не считал нужным информировать его о своих шагах. Однако нежелание Германии вступать в переговоры по балканским проблемам советское руководство трактовало как "расхождения либо частные, либо региональные" и "упорно продолжало следовать уже выработанному курсу" (С. 25).

Тем не менее именно "балканские проблемы стали тем пробным камнем в советско-германских отношениях, который показывал истинные намерения нацистского руководства" (С. 28). Региональный характер событий лишь камуфлировал стратегический масштаб противоречий двух держав. «Кремль в итоге оказался неспособным что-либо противопоставить тому драматическому развитию событий, которое привело к полному подчинению Балкан фашистской "осью", а затем и к нападению на Советский Союз» (С. 34).

Не претендуя на полную аналогию, заметим, что современный процесс, который можно назвать "натоизацией" Балкан, в свою очередь также выявил истинные цели альянса, рассуждающего о "новом мировом порядке", правах человека, демократических ценностях и т.п. И НАТО также не стеснялось фактически с противодействием российской дипломатии. Но об этом мы еще скажем. Сейчас же отметим, что первой статьей сборника автор попутно аргументированно опровергает домыслы В. Суворова (Резуна) по поводу начального этапа Великой Отечественной войны (см., например, с. 25–26), которые в последнее время получили широкое распространение в отечественной публицистике.

Между фашизацией и натоизацией Балкан пролегал период в 50 с лишним лет, и он тоже был отмечен важным и в чем-то схожим процессом – *советизацией* Восточной Европы. Он прошел ряд этапов, на которых автор подробно останавливается в следующих пяти статьях своей книги: «У истоков концепции "социалистического лагеря"», "Советское руководство и Юго-Восточная Европа в последний год войны. Некоторые проблемы советско-югославских отношений (1944–1945)", "Германский вопрос глазами Сталина (1947–1952)", «Советский Союз и страны "социалистичес-

кого лагеря": десталинизация "международных отношений нового типа" (1955–1957)» и «Инстинкт самосохранения: советская партократия и "Пражская весна" 1968 года».

Еще до окончания войны, несмотря на некоторые реверансы в адрес союзников, Сталин расставил все точки над "i": "Эта война отличается от всех предыдущих: кто занимает территорию, тот устанавливает свой собственный общественный порядок. Каждый вводит свою систему, куда входит его армия. По-другому и быть не может" (С. 78). По-другому и не было. Процесс советизации в его крайней, *сталинской форме* проходил вплоть до смерти коммунистического диктатора и дал сбой лишь в случае с Югославией в 1948 г. После 1953 г. начинается этап *десталинизации* как внутри СССР, так и в его отношениях со странами "социалистического лагеря". Фактически, как отмечает автор, это означало переход в 1955–1957 гг. в отношениях с социалистическими странами "от протектората к ограниченному суверенитету". В книге приводится и более конкретная дата этого рубежа – 31 октября 1956 г., когда была принята "Декларация Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами" (С. 183).

Однако "оттепель", как известно, не привела к весне. Вновь наступили "заморозки". Они были связаны с событиями 1968 г. в Чехословакии, значение которых "отнюдь не ограничивается рамками одной страны". Эти события, как отмечается в книге, делят историю "социалистического содружества" на два хронологически примерно равных периода. После чехословацкого кризиса отношения между социалистическими странами "шли неизменно под уклон" (С. 195). Собственно говоря, и понятие "ограниченный суверенитет" ("доктрина Брежнева") появилось именно после 1968 г. Подавление "Пражской весны" особенно повлияло на состояние умов в СССР, где диссидентское движение впервые вышло на арену политической жизни. А главное – в Праге была убита вера в возможность реформирования "реального социализма", придания ему "человеческого лица" (С. 220). Нельзя не сказать, что в сборнике получили отражение фактически *все кризисы* в европейских социалистических странах – начиная от 1948 г. в Югославии, включая кризисы 1953 г. в ГДР, 1956 г. в Польше и Венгрии, и кончая "бархатными революциями" 1989 г. в Восточной Европе.

Наконец, уже упомянутый третий процесс, связанный с историей региона и происходящий фактически в наши дни, – его *натоизация*. Автора интересует главным образом наиболее грубая форма этого процесса – натоизация бывшей Югославии. Данной проблематике посвящены три статьи сборника: "Трагедия Югославии (1991–1995)", "Балканы в системе геополитических интересов России" и "Балканская западня и проблема столкновений цивилизаций". Одним из первых в отечественной историографии В.К. Волков подробно разбирает историю югославского кризиса (в основном его боснийскую составляющую), значение которого, безусловно, вышло далеко за региональные и даже европейские рамки. Он исходит из того, что Югославия не была случайным конгломератом разнородных земель, а ее возникновение "стало следствием сознательного стремления югославянских народов к объединению" (С. 224). Однако развитие послевоенной Югославии привело к тому, что в ее республиках и автономных краях сформировались этнократические кланы (С. 227). События в этом государстве невозможно понять и без международного фона: во-первых, перестройки в СССР и "бархатных революций" 1989 г. в Восточной Европе (отметим, что в новой сербско-черногорской Югославии такая революция произошла только через 10 лет) и, во-вторых, вмешательства западных держав в начавшуюся этногражданскую войну. При чем столь затяжной характер война приобрела как раз вследствие вмешательства в нее стран НАТО (С. 290). И в целом, делает вывод автор, "ныне Балканы стали объектом боковой политики НАТО, не сдерживаемой никаким противовесом" (С. 319).

Любопытно, что главный отпор всем трем отмеченным нами процессам – фашизации, советизации и натоизации – оказывала одна и та же страна – Югославия, и фактически она им так и не покорилась. Добавим только одно. Мы бы поостереглись однозначно употреблять термин "балканский кризис", как это иногда делается в сборнике. На наш взгляд, термин "югославский кризис" – точнее. Нигде в балканских и других соседних странах, даже в Албании (где были собственные проблемы), его начало не вызвало никаких потрясений. Смеем полагать, что их бы и не было. А именно опасностью распространения кризиса на соседние страны, его региональным характером и оправдывалась необходимость вмешательства мирового сообщества. Получалось же наоборот. Определенное

вмешательство Албании в косовский конфликт было прямо связано с натовской агрессией против Югославии, но называть это балканским кризисом пока преждевременно. Без стимуляции извне его может и не быть.

Кстати, и сам автор справедливо полемизирует в своей книге с теми, кто видит в Балканах лишь некую зону постоянной нестабильности и даже неевропейской цивилизации (С. 338). По крайней мере, в 1940-е годы война пришла на Балканы извне, со стороны фашистских держав, а о вмешательстве НАТО во главе с США в югокризис в 1990-е годы мы только что упоминали. Вообще делать из Балкан своего рода пугало стало в последнее время чрезвычайно модно. Некоторые западные авторы, запутавшись в лабиринтах балканской истории, пришли к выводу, что понять ее просто невозможно. Так, подлинным бестселлером, выходящим массовыми тиражами, стала в США книга Р. Каплана "Балканские привидения: путешествие сквозь историю". Каплан рисует неприглядную картину балканской истории, где действуют иррациональные, кроваво-жадные, полумистические люди вроде знаменитого Влада Цепеша-Дракулы. И вся эта история – путь в сторону от нормального развития человечества. Показательно, что именно по этой книге знакомилась с балканской историей президент США Б. Клинтон и его жена.

Так или иначе, но ныне Балканы превратились фактически в протекторат НАТО (С. 265). Мы бы, сравнивая с периодом советизации, сказали, что в разных балканских странах сегодня существует сочетание "ограниченного суверенитета", протектората и даже элементов прямой оккупации, как в Боснии и Косово. Но разными способами проводится одна политика – натоизации Балкан.

Еще одной вертикалью, связывающей воедино сборник статей В.К. Волкова, является проблема международных отношений и, в частности, складывания новых моделей *системы международной безопасности*. Как уже упоминалось, сборник начинается со статьи "Балканские проблемы в отношениях Советского Союза и Германии в 1940 году", в которой, по сути, речь идет о последних месяцах существования *Версальской системы*. В последующих статьях подробно и в разных ракурсах раскрываются механизмы создания и функционирования *Ялтинско-Потсдамского* биполярного блокового мира. Наконец, в статьях, посвященных юго-

славскому кризису и геополитическим вопросам, повествуется уже о складывании нового *натоцентристского* однополярного мира. "Балканский кризис, – пишет В.К. Волков, – ускорила те процессы, которые неизбежно должны были произойти в системе международных отношений. Их суть состоит в замене одной конкретно-исторической модели этой системы (Ялтинско-Потсдамской) на иную, которая пока не получила своего названия. Это сдвиг поистине тектонического масштаба... За последние четыре столетия подобная смена происходит пятый раз (после Тридцатилетней войны в Европе и Вестфальского мира 1648 г.; эпохи Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г.; Первой мировой войны и системы Версальских договоров 1919–1920 гг.; Второй мировой войны и Ялтинско-Потсдамского урегулирования 1945 г.)" (С. 322).

Таким образом, три из пяти моделей системы международной безопасности нашли отражение в сборнике. Причем в замене одной на другую важнейшую роль сыграли именно Балканы. Про 1940-е и 1990-е годы мы уже говорили. Но даже в годы "холодной войны" роль Балкан "определялась не столько их внутренними проблемами, сколько идеологическим и политическим противостоянием, характерным для двухполюсного мира" (С. 343). И сегодня "в двусторонних российско-американских отношениях в Европе Балканы явно претендуют на второе место после вопроса о расширении НАТО на Восток. Общее между этими двумя проблемами в том, что обе они связаны с перспективами безопасности в Европе" (С. 355). Представляется, что это именно так. Вмешательство НАТО во главе с США в югокризис – тот же процесс расширения НАТО, только военным путем и под видом миротворчества.

Автор предсказывает, что, возможно, роль Балкан при смене моделей международной безопасности сохранится и впредь. Сегодня «Балканы превратились в зону повышенного внешнеполитического риска как для России, так и для НАТО, а также США, хотя и по разным причинам... Не исключено, что Балканам суждено стать "пороховым погребом" НАТО... Смогут ли США выдержать бремя единственной сверхдержавы в мире? И, может быть, будущие поколения тоже будут говорить: "Все начиналось с Балкан!"» (С. 325).

Кстати, *советская (российская) политика на Балканах и в целом в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы* является

еще одной линией, проходящей через всю книгу. Так или иначе, с нею связаны все 13 статей сборника. Отметим один важный момент. Стоит согласиться с автором, когда он вступает в спор с теми, кто расценивает Советский Союз как "последнюю империю" и не замечает, что "это было государственным образованием совсем другого рода" (С. 333). При всех гримасах коммунистического режима не стоит, и на наш взгляд, бездумно повторять тезисы об "имперском прошлом", "имперских амбициях", "неодержавности" и т.п. К сожалению, этим грешат в России и люди, обремененные верховной властью.

Особо актуально рассмотрение в сборнике российской политики на Балканах в 1990-е годы (в статьях "Трагедия Югославии(1991–1995)", "Балканы в системе геополитических интересов России" и "Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций"). Автор полагает, что новый внешнеполитический курс России после распада СССР "строился как антитеза прежнему" (С. 321). На наш взгляд, это не совсем точно. Известный парадокс состоит в том, что при всем антагонизме двух команд – Горбачева – Шеварднадзе и Ельцина – Козырева – как раз в сфере внешней политики имелась известная преемственность. Была даже конкуренция – кто больше понравится Западу. В то же время в сборнике не только совершенно справедливо констатируются провалы российской дипломатии на Балканах (главное, что Россия оказалась в изоляции), но и предлагаются пути исправления сложившегося положения. Один из параграфов статьи "Балканы в системе геополитических интересов России" так и называется "Что же делать?".

А что же делать самим Балканам, чтобы перестать быть разменной монетой в игре великих держав? На наш взгляд, автор и здесь дает единственный разумный совет – налаживание экономического сотрудничества между странами региона. Причем, «проекты типа "Регионального подхода" Европейского Союза» или Новой американской инициативы о кооперации в Юго-Восточной Европе пока не дают результата». (Добавим, что и известный Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы также является до сих пор скорее одним из механизмов натоизации Балкан, нежели реального сотрудничества). "Очевидна необходимость их собственной инициативы, идущей из их собственной среды и открывающей перспективы экономического сотрудничества с традиционными партнерами, поиски новых путей" (С. 355).

(Иногда нам кажется, что пора вернуться к старому лозунгу – "Балканы – балканским народам". Хотя это, к сожалению, почти невозможно.) Да и идеи "славянской взаимности" сотрудничества славянских народов, по убеждению В.К. Волкова, не утратили своего значения, своего творческого потенциала (С. 335).

Судьбы славянских народов в XX в. – еще одна тема, придающая цельность всему сборнику (статья "Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра. К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН", "Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы", "Вторая мировая война и славянские народы. Некоторые размышления в связи с 50-летием Победы" и «"Славянская идея" и русское национальное самосознание»). Автор указывает на три "тектонических сдвига" в славянском мире в прошедшем столетии – Первая и Вторая мировые войны, а также события 1989–1991 гг. (С. 297). Два последних из них нашли отражение в сборнике. Нынешнее состояние славянского мира автор определяет термином "энтропия", означающим разбегание славян по "национальным квартирам". В славянском мире наблюдаются многие болезненные явления, в том числе и русофобия – среди националистических элементов Украины, Белоруссии, Польши и даже Болгарии (С. 304). Нынешние тенденции развития славянских государств "могут поставить их в такое положение, при котором они окажутся перед угрозой потери национальной самобытности или, как сейчас говорят, идентичности". Задача славянских стран – "пройти эпоху модернизации без утраты национального лица" (С. 311–312).

Проблема эта – одна из самых актуальных, и не случайно, например, не так давно в Белграде в Историческом институте Сербской академии наук и искусств сос-

тоялась специальная международная конференция на тему "Национальная идентичность и суверенное государство в Юго-Восточной Европе". И в целом необходимо подчеркнуть, что "восточноевропейцы", в частности славяне, всегда вносили в "копилку" европейской цивилизации свой особый, неповторимый вклад. Сегодня же Восточная Европа теряет свою идентичность, ее голос почти не слышен в мощном хоре западных соседей. Исчезает ее индивидуальность, "необщее выражение" ее лица. На наш взгляд, это – плохо для всех. Любая монополия губительна, и международные отношения – не исключение.

Говоря о "Пражской весне", автор приводит выражение известного публициста А. Бовина: "На Западе полагали, что мы играем в шахматы, а мы играли в бильярд" (С. 219). "Шахматная тема" в размышлениях о судьбах Восточной Европы и всего мира стала модной. Большой резонанс имела, в частности, книга З. Бжезинского "Великая шахматная доска". Американский политолог, по-видимому, мнит себя гроссмейстером, разыгрывающим хитроумные комбинации. Но в шахматы в Восточной Европе не играют уже давно. Играют все в тот же бильярд – и в 1940 г., и в 1945 г., и во все последующие годы вплоть до агрессии НАТО против Югославии в 1998 г. В этом еще раз убеждаешься, познакомившись с интересной, и мы бы даже сказали этапной, книгой В.К. Волкова. По крайней мере, так – по охвату материала и глубине его осмысления – на современную тему не писали уже давно. К сожалению, книга напечатана тиражом всего в 300 экземпляров. Но ее уже не сможет обойти вниманием ни один серьезный исследователь, интересующийся судьбой славянства и историей Восточной Европы XX в.

© 2001 г. К. Никифоров

V. DOUBEK. *T.G. Masaryk a česká slovanská politika (1882–1910)*. Praha, 1999. 199 S., obrázková příloha.

В. ДОУБЕК. *Т.Г. Масарик и чешская славянская политика (1882–1910)*.

В тексте, помещенном на обложке рецензируемой книги Вратислава Дубека, говорится, что этот труд отличает основательность и строгая критичность в оценке наследия Томаша Гаррига Масарика (1850–1937) (в чешской историографии принято сокращение ТГМ). С подобным мнением следует согласиться, ибо анализируемая работа представляет собой действительно глубокое исследование творчества и политической деятельности выдающегося чешского философа и политика конца XIX – первого десятилетия XX в.

Трудно поверить, но до сих пор нет полной биографии Т.Г. Масарика. Вместе с тем существуют сотни статей и книг, в которых с разной степенью подробности освещается многогранная деятельность этого человека. Предметом изучения В. Дубека стало одно из важнейших ее направлений, а именно: славянская, вернее чешско-славянская проблематика. Она представлена в книге в широких хронологических рамках – от впечатления, произведенного на тринадцатилетнего деревенского мальчика с моравско-словацкой границы польским восстанием 1863 г., до масштабных размышлений признанного философа, известного ученого и политика, отметившего свое шестидесятилетие.

Работа состоит из семи очерков: 1. Между славянством и чешством. Университетские компромиссы. 2. Борьба не только рукописная. 3. Российский опыт и чешская реальность. 4. Политические метаморфозы реализма. 5. "Новые реалисты" в политической изоляции. 6. Славянский вопрос в литературной концепции ТГМ. 7. Славянское единство и неославизм Масарика. Таким образом, в монографии шаг за шагом с величайшей дотошностью на широком историческом фоне показано становление и трансформация взглядов Масарика на славянский мир XIX и XX в.

Особенно ценно, на наш взгляд, то, что В. Дубек, свободно ориентируясь в имеющейся литературе, пытается затронуть ряд теоретических и терминологических проб-

лем, которые неизменно встают перед историками, занимающимися славянскими сюжетами. Так, автор широко оперирует термином "чешство", введенным в понятийный аппарат Йирижи Коржалкой и пока еще мало используемым российскими исследователями. Далее он разъясняет, что определение "чешскославянский", неразрывно связанное с развитием чешского общества в XIX в., само по себе испытало заметный семантический сдвиг. В своем узком, в масариковский период уже устаревшем значении, оно было тождественно определению "ненемецкий", являлось антонимом для понятия "чешсконемецкий" в рамках Чешского королевства, а затем и во всех землях Чешской короны. Его использование было вынужденным прежде всего применительно к населению Моравии и Силезии, говорящему по-чешски, которое не отождествляло себя с понятиями "чех" и "чешство" (S. 12).

В "чешской славянской политике" В. Дубек видит одно из главных направлений чешской политики того времени, которое свои основные требования и цели связывало со славянской аргументацией. По убеждению автора, прославянские и прорусские тенденции представляли собой по сути неповторимый феномен. Через отношение к славянскому вопросу совершенствовалась чешская политическая культура. Вопрос о направленности и целесообразности славянской концепции определял мировоззренческую грань, через него преломлялась дискуссия о сущности и ориентации общества. Уклониться от этого вопроса означало, с точки зрения исследователя, отказать от чешской политической и культурной программы вообще.

Подобная позиция В. Дубека заслуживает особого признания. Здесь, на наш взгляд, необходимо напомнить о том, что в современной чешской историографии, особенно в работах, вышедших в последние несколько лет, превалирует интерес прежде всего к чешско-немецким отношениям. Но это не главное. Наиболее существенно то,

что немецкий и – шире – германский фактор приобретает в этих исследованиях определяющее значение в политической судьбе чешского народа. На таком фоне книга В. Дубека, в которой он признает, что славянское направление было одним из важнейших в чешской политике, играло "формирующую роль" (S. 12), особенно актуальна.

В монографии убедительно показано, что интерес Масарика к славянскому миру проявился еще в гимназические годы. Уже тогда, судя по воспоминаниям современников, его называли "фанатичный славянин". Между тем ни во времена студенчества, ни позднее этот интерес не был ориентирован исключительно на Россию. Лишь в конце 1870-х годов Масарик находился под влиянием отчасти панславистских настроений, иллюзорных представлений о бескорыстном, эффективном влиянии России на судьбы балканских и австрийских славян.

Глубокое познание славянской проблематики в самых различных ее аспектах продолжалось на протяжении всей жизни героя книги. Однако наиболее драматичным оказалось начало его карьеры как экстраординатора Пражского университета, открывшегося в 1882 г. (это произошло после переезда приват-доцента из Вены в старейший в Европе университет им. Карла Фердинанда, разделенный на два – чешский и немецкий).

Автор исследования, характеризуя драматическую атмосферу, "настоящий ужас" вокруг так называемой "рукописной борьбы" (спор о признании двух литературных памятников, национальных святынь – Краледворской и Зеленогорской рукописей – подделками XIX в.), восстанавливает шаг за шагом действия, предпринятые непосредственно Масариком. Таким образом удалось показать, что в многолетней баталии он сыграл мобилизующую роль, объединив прогрессивно мыслящих историков и журналистов, не побоявшихся восстать против консерватизма ученого мира и общественного мнения.

Вместе с тем Дубек весьма далек от идеализации образа Масарика. Пожалуй, впервые в историографии он так ярко предстает как человек, полный противоречий, пылкая воинственность, азартность которого не позволяла прощать ошибки даже своим соратникам (S. 43). Историк беспристрастно констатирует, что по этой причине как во время "рукописной борьбы", так и в последующие годы вокруг Масарика, индивидуалиста и демократа

одновременно, как правило, группировались безоговорочно преданные ему, лишенные собственных амбиций люди, и, напротив, его покидали сильные творческие личности (например, выдающийся чешский историк, основатель школы позитивистов Я. Голл). В этом, на наш взгляд, и следует искать ключ ко многим неудачам, порой поражениям чешского политика.

Подробно показав все сложности и перипетии перехода Масарика от научной деятельности (в 1883 г. он становится во главе научного журнала, ежемесячника "Athenaeum", через два года входит в редакцию крупной чешской иллюстрированной энциклопедии, публикует серию философских работ и т.д.) к политической, В. Дубек делает вполне обоснованный вывод о естественности увлечения Масарика активной политикой, которое и определило всю его дальнейшую судьбу.

Скрупулезно проанализирована деятельность Масарика в новом журнале "Čas" ("Время"), ситуация вокруг его ухода из редакции знаменитого чешского научного словаря Я. Отто. Однако автор монографии отдает явный приоритет первой (весна 1887 г.), а затем – через год – и второй поездкам своего героя в Россию. Тщательное изучение материалов, связанных с этими сюжетами, которые находятся в пражских библиотеках и архивах, позволило В. Дубеку сделать ряд важных наблюдений. Помимо стремления решить несколько сугубо научных задач, найти в России как признанном центре славянской науки профессиональную поддержку (S. 50), главным для Масарика было убеждение в необходимости познать русский духовный мир, его основы. В заключении работы в этой связи отмечается, что путь молодого Масарика шел от неясных панславистских мечтаний к активно пробывавшемуся "чешству". Однако в этот первый, "неполитический" период своих поисков чешской национальной идеи опору нового, современного образа "чешства" он ищет именно в наследии русских интеллектуалов (S. 143).

Несколько двойственными выглядят рассуждения В. Дубека в связи с ситуацией, сложившейся вокруг возможности переезда Масарика в Россию для занятия должности профессора Дерптского (Тартуского) университета. Автор выступает против переоценки непосредственных впечатлений от состоявшихся путешествий, не хочет верить, что в царской России Масарик мог обрести желанную свободу для научной деятельности, которую он мечтал найти почти десятилетие назад, когда обсуждался

вопрос об отъезде его семьи в Америку на родину жены (S. 55).

Его "некритическое опьянение" русской литературой и философией (здесь особенно сказалось влияние Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, московских интеллектуалов) продолжалось до конца 1880-х годов, несмотря на острую внутреннюю борьбу в Чехии. Вопреки растущей напряженности в русско-германско-австрийских отношениях, Масарик, как показано в книге, в этот период русских почитал как наиболее толерантных среди других народов, а политику России расценивал как исключительно оборонительную (S. 58).

Позитивное отношение к России исследователь объясняет тем, что Масарика, как правило, больше интересовали принципы, которыми следовало руководствоваться, содержание деятельности, чем конкретная форма ее реализации. Изменения произошли лишь тогда, когда он был вынужден сформулировать политическую программу чешского народа, а затем и ее теоретическую составляющую – в рамках австрийской государственной реальности. Серьезные перемены в его мировоззрении вызвали русско-польские отношения, вернее – русско-польское противостояние.

Столь же подробно исследуется поведение Масарика в период формирования реализма как общественно-политического течения. Буквально в деталях воссоздана картина крайне сложных, зачастую противоречивых взаимоотношений с соратниками – уже известными политическими деятелями новой волны Й. Кайзлем (1854–1901), профессором экономики Пражского университета, в 1885–1887 гг. депутатом парламента от старочехов и К. Крамаржем (1860–1937), ученым-юристом и др. На основе материалов фонда "Корреспонденции" Архива Института Т.Г. Масарика в Праге В. Дубеку удалось показать ранее неизвестные аспекты и в событиях разрыва Масарика со старочехами (Национальной партией), ведущей политической группировкой на тот момент, и ее лидером Ф.Л. Ригером, а затем характер острых дискуссий и с другими оппонентами реалистов.

Естественно, что в центре внимания автора книги оказалась славянская концепция младочехов (Национальной партии свободомыслящих), с которыми реалисты попытались связать свою политическую судьбу. В 1891 г. Масарик, Кайзел и Крамарж были избраны депутатами в рейхсрат от этой партии. При этом В. Дубек опроверг вошедший в историографию тезис, высказанный Ю. Кржижеком еще в конце 50-х

годов XX в., о том, что Кайзел оказался единственным чешским политиком, не занимавшимся славянским вопросом (S. 71–72).

Всесторонний анализ внутри- и межпартийных споров начала 90-х гг. XIX в., например вокруг "славянского радикализма", который отстаивал Я. Вашаты, показывает, насколько сложным был поиск истины, многовариантное построение конструкции: Франция – Россия – Германия – Австрия. Исследователь справедливо замечает, что разработанная Масариком концепция внешнеполитического курса государства не стала альтернативной. В духе Ф. Палацко и К. Гавличка-Боровского вновь было заявлено о заинтересованности чешской политики в усилении Австро-Венгрии, а славянская программа "защищала актуальные политические требования славянских чехов в рамках монархии" (S. 76). Только так, например, можно трактовать следующее высказывание Масарика: "Славянскую идею мы понимаем исходя из своей чешской государственно-правовой точки зрения – самостоятельность чешских земель в составе Австрии является нашей главной целью" (S. 76). Архивные материалы, введенные в научный оборот В. Дубеком (четвертый раздел монографии в основном написан на них), позволяют понять, сколь непростым был поворот Масарика от культурно и научно обоснованного интереса к России к проблематике австрийских славян.

Широко используемые в книге новые документы заметно расширяют наши представления о действиях Масарика на политической сцене и дополняют его психологический портрет. Ему уже было больше 40 лет, когда он занялся депутатской деятельностью на уровне сейма и парламента. Сомнения, чувство высочайшей ответственности (ранее перед студентами, теперь перед народом), стремление познать корни того или иного явления, увидеть смутные очертания будущего порой делали его неуверенным, оказывались сильнее, чем то, что подсказывал ему интеллект, широкий взгляд на прошлое и настоящее, ослабляли кредит доверия к нему со стороны избирателей (S. 79).

Вынужденно оставив депутатство в 1893 г., Масарик оказался в очевидной политической изоляции. В этой связи автор монографии сделал любопытнейшее наблюдение о том, что методом преодоления политической пассивности, а позднее политических кризисов у него становится опора на молодое поколение, новых лидеров, не связанных в конфликт. Сближение с про-

грессистами, основание нового культурно-политического ревю "Naše doba" ("Наше время", вместе с Й.С. Махаром), сотрудничество с редакцией венского издания "Die Zeit" ("Время") в 1895–1897 гг. и т.д. происходили у "реалистического реалиста", по мнению автора, на фоне поиска третьего пути: вне младочехов, но и без самостоятельной политической партии (S. 96).

Масарик 1890-х годов, творец двух важнейших трудов – "Česká otázka" ("Чешский вопрос") и "Naše pupeljн krize" ("Наш нынешний кризис"), имел о целях своего народа уже совершенно иные представления. Они основываются по-прежнему на историко-философской концепции чешских будителей. Однако защита самобытного исторического пути чехов была поставлена не на национальную, а на гуманистическую основу (S. 97). Имелась в виду не борьба за государственное историческое право, а успехи в нравственном, интеллектуальном и экономическом развитии нации.

Очерк "Славянский вопрос в литературной концепции Т.Г.М." представляет собой краткое изложение опубликованной в 1996 г. специальной статьи В. Дубека на эту же тему. Автор пытается, правда, очень бегло (очерк занимает всего семь страниц), показать изменения, которые вносил Масарик в трактовку славянского вопроса в конце XIX – начале XX в., обосновывает новые тематические направления его философских размышлений, литературной и публицистической работы, появившиеся в период с 1889 по 1911 гг. Ссылаясь на широко распространенный взгляд историков, согласно которому большинство его трудов было написано под влиянием актуальных событий, В. Дубек отмечает, что трехтомное сочинение "Россия и Европа" совсем не вписывается в этот ряд (S. 108).

В последнем, седьмом очерке книги говорится о панславизме и его "неославистском эпигоне" как заслуживающем внимания историческом и социологическом феномене, примере квинтэссенции демагогии и политической целесообразности (S. 114). Автор попытался охарактеризовать линию Масарика уже после образования самостоятельной Народной партии (реалистов) в 1900 г. Сопоставление позиций известных и весьма амбициозных политиков – Крамаржа и Масарика – позволило ему прийти к выводу, что каждый свято придерживался своей политической идеи. При этом Масарик изначально не отказывался от сотрудничества с активизирующимися сторонниками неославизма. Более

четко, чем в существующей историографии, раскрыто его отношение к Пражскому съезду неославистов 1908 г., Славянскому Союзу. Это объединение славянских депутатов рейхсрата автор монографии так же, как и другой известный чешский историк, Ян Кржен, рассматривает как внутривнутриполитическую аналогию неославизма (S. 134).

Широко используя материалы из фондов "Политические статьи" и "Славянские штудии" Архива Института Т.Г. Масарика, В. Дубек анализирует этот мало известный ранее момент в судьбе лидера реалистов. С образованием Славянского Союза он связывал выдвижение своей кандидатуры на должность председателя парламента, однако не получил необходимой поддержки даже со стороны чешских депутатов. По мнению исследователя, эти события стали важным переломным моментом в жизни Масарика (S. 133). Крайне болезненно переживая поражение, он активно включается в так называемые "югославянские процессы" ("Загребский" и "Фриджунга"), участие в которых принесло ему европейскую известность. В то же самое время, как показано в работе, радикально меняется его отношение к австро-венгерской государственной системе. В событиях на юге монархии он увидел угрозу чешским интересам, поскольку следующий удар мог последовать по другому крупному центру антиавстрийского движения – Праге (S. 140).

В заключении работы содержится ряд весьма важных выводов. Так, место Масарика на политической сцене характеризуется как "почитаемое и уважаемое", но не директивное, отнюдь не положение "ведущего авторитета". Не умаляя влияния и роли Масарика, автор подчеркивает, что ни его политические действия, ни его теоретические разработки не определяли главный тон чешской предвоенной политики (S. 142). В отечественной историографии пока еще только преодолевается политико-идеологический стереотип в трактовке личности Масарика (при этом особенно живуча оказалась тенденция изначально видеть лидера реалистов как идеолога критического русофильства, прозападной внешнеполитической ориентации чехов). В данной связи представляется особенно важным утверждение автора о том, что "славянские аспекты", интерес Масарика к которым был перманентным, не являли собой самостоятельной политической линии. Они были лишь уравнивающей составляющей по отношению к культурному и духовному влиянию Запада в проводимом им поли-

тическом курсе. Чешский вопрос был центральным во всех его устремлениях и действиях, и в этом смысле Масарик – "интегральный националист" (S. 144).

Особо следует остановиться на научном аппарате книги. Сказать, что он образцовый, явно недостаточно. Он включает исчерпывающий перечень исторических трудов, большинства статей академического свойства, а также имеющих существенное значение выступлений публицистов по избранной автором проблематике. В то же время это показательный пример использования приложений для продолжения и углубления дискуссии, уточнения позиции ученого и его героя по многим сюжетам, косвенно связанным с заданной темой.

Что касается критических замечаний, то они могут быть высказаны прежде всего по отношению к структуре монографии. В ней превалирует анализ деятельности Масарика в период до конца 1890-х годов. Слишком бегло представлено начало XX в., история которого нуждается в столь же углубленном изучении. Впрочем, сам Масарик полагал, что между его пятидесятилетием и шестидесятилетием "ничего не происходило" [1. С. 96]. Приходится сожалеть и об отсутствии историографического очерка. Российский читатель обратит внимание также на явно незначительное количество ссылок на работы отечественных авторов, в част-

ности по истории позднего славянофильства, славянского вопроса в России. Задачей масарикологов по-прежнему остается исследование проблемы взаимовлияния чешского гуманиста и таких либеральных российских деятелей начала XX в., как П.И. Милюков, В.П. Сватковский и др. Вряд ли можно согласиться с тезисом автора, что их отношение к австрийским славянам все больше отождествлялось с официальной царской политикой (S. 113) (ср. [2]). В уточнении нуждается и характеристика взглядов И.С. Аксакова как приверженца панславизма (S. 57). В своем "вероисповедании славянофильства" (1849) он заявлял: "В панславизм мы не верим и считаем его невозможным" (развернутую аргументацию этой позиции см.: [3. С. 152]). Несмотря на некоторые другие дискуссионные положения рецензируемой работы, прежде всего оценочного толка, необходимо приветствовать новаторский труд чешского ученого.

© 2001 г. З.С. Ненашева

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000.
2. Интеллигенция в России. М., 1910.
3. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1887.

Славяноведение, № 3

Powstanie Warszawskie 1944. Praca zbiorowa / Pod red. S. Lewandowskiej i B. Martina. Warszawa, 1999. 300 S.

Варшавское восстание. 1944. Сб. статей

Тема Варшавского восстания 1944 г. является постоянной и животрепещущей не только в польской и полонийной историографии, но и в польском национальном сознании. Новый импульс изучению проблемы дал полувековой юбилей этого героического и трагического события. Говоря о научных аспектах проблемы, отметим научную сессию, проведенную в июне 1994 г. Польской академией наук, Институтом истории ПАН и Обществом любителей истории. О статусе мероприятия

свидетельствовало то, что оно прошло в Королевском замке в Варшаве [1].

Завершение юбилейных мероприятий, естественно, не прекратило исследований. Польские историки не только сами изучают Варшавское восстание как комплексное военное, дипломатическое и социально-политическое явление, но и сотрудничают с коллегами из других стран. Рассматриваемое нами издание является публикацией материалов польско-немецкого научного симпозиума, прошедшего в Карвицы на Мазурах

летом 1996 г. В нем, по словам издателей, приняли участие представители трех поколений польских и немецких ученых. Среди них видные польские историки Е. Дурачинский, Я. Чехановский, Ч. Мадайчик, профессор из Фрайбургского университета (ФРГ) Б. Мартин и др.

Наряду с историками на симпозиуме выступили участники событий 1944 г. с польской и немецкой сторон. Немецкий историк Вольф-Дитер Дорн сделал сообщение об отношении молодого поколения немцев к Варшавскому восстанию. Очень верной является мысль редакторов издания С. Левандовской и Б. Мартина о том, что "только диалог поможет преодолеть глубоко укоренившиеся историко-национальные стереотипы..." [2. S. 12]. Весьма знаменательным и перспективным в исследовательском плане явилось и то, что в докладе известного российского историка и публициста Л. Безыменского представлена "советская точка зрения на важнейшие аспекты восстания" [2. S. 11]. Это тем более важно, что, как неоднократно отмечали авторы сборника, без детального изучения позиций высшего советского военного и политического руководства данную проблему решить весьма сложно.

В открывающей сборник статье Ч. Мадайчика были определены "темные пятна" в историографии восстания. Основное из них связано с его генезисом: какие политические, идеологические и, прежде всего, военные события заставили руководство Армии Крайовой принять роковое решение. В докладах Б. Мартина и Е. Дурачинского показаны международные аспекты восстания как части надвигавшегося глобального противостояния СССР и его западных союзников. По мнению немецкого историка Й. Дюльффера, несмотря на все возмущение общественности Запада бездействием Сталина в отношении поддержки Варшавского восстания, "смягченная" реакция Рузвельта и Черчилля была продиктована как их надеждами на сотрудничество во время войны, так и пониманием, что Польша вошла в зону советского влияния [2. S. 165].

В связи с этим принципиальным является вопрос о позиции Сталина в отношении восстания. Традиционное объяснение, что Сталин ненавидел "буржуазно-помещичью" Польшу вообще и такое ее проявление как эмигрантское правительство в частности, является правильным, но недостаточным для объяснения действий этого расчетливого и хладнокровного политика. Естественно, эта

проблема была рассмотрена авторами сборника. С. Ячинский отмечает, что только ознакомление с ныне недоступными материалами заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД, разведки, Ставки Верховного Главнокомандования позволит выявить мотивы сталинских решений [2. S. 169]. Такая точка зрения представляется несколько наивной. Вполне возможно, что публикация указанных материалов хотя и расширит источниковую базу конкретных исследований, но не решит вопрос в целом. А стоит он следующим образом: могла и хотела ли Красная Армия брать Варшаву в августе-сентябре 1944 г.? С. Ячинский считает, что этот вопрос без привлечения дополнительных источников пока неразрешим. Л. Безыменский, проанализировав военную ситуацию лета 1944 г., пришел к однозначному выводу – и не могла, и не хотела [2. S. 81].

Немецкими историками основное внимание уделено позиции немецкой стороны накануне и во время восстания по различным направлениям: восстание как результат немецкого поражения на Восточном фронте в 1944 г.; восстание как шанс на раскол антигитлеровской коалиции и польского общества и т.д.

Польские и немецкие исследователи рассмотрели как традиционные темы, связанные с восстанием: механизм принятия военных решений, ход боевых действий, гражданские власти и население восставшей столицы, гитлеровский террор, так и новые. К их числу относится работа немецкой исследовательницы Т. Виллингер, которая на примере освещения восстания в немецких средствах массовой информации показала механизм действия гитлеровской пропаганды, в частности, военной кинохроники.

Польско-немецкий симпозиум показал необходимость комплексного исследования Варшавского восстания 1944 г. с привлечением польских, немецких, российских, английских, американских и других заинтересованных историков.

© 2001 г. А.В. Болдов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Powstanie Warszawskie z perspektywy półwiecza. Studia i materiały z sesji naukowej na Zamku królewskim w Warszawie, 14–15 czerwca 1994. Warszawa, 1995.
2. Powstanie Warszawskie 1944. Warszawa, 1999.

Slovensko pesništvo Upora. 1941–1945. Novo Mesto, 1998. *Prva kn. Partizanske / Izbral in uredil B. Paternu. Sodel. M. Stanonik in I. Novak-Popov.* 556 S.; *Slovensko pesništvo Upora. 1941–1945.* Novo Mesto, 1995. *Druga kn. Partizanske / Izbral in uredil B. Paternu. Sodel. I. Novak-Popov.* 709 S.; *Slovensko pesništvo Upora. 1941–1945.* Novo Mesto, 1996. *Tretja kn. Zaledne (...)* 395 S.; *Slovensko pesništvo Upora. 1941–1945.* Novo Mesto, 1997. *Četrta kn. Zaporniške in taboriščne. Izgnanske. Iz tujih enot (...)* 629 S.

Словенская поэзия Сопротивления. 1941–1945. Ново Место, 1998. *Первая кн. Партизанские / Собрал и отредактировал Б. Патерну. Сотр. М. Станоник и И. Новак-Попова.* 556 С.; *Словенская поэзия Сопротивления. 1941–1945.* Ново Место, 1995. *Вторая кн. Партизанские / Собрал и отредактировал Б. Патерну. Сотр. И. Новак-Попова.* 709 С.; *Словенская поэзия Сопротивления. 1941–1945.* Ново Место, 1996. *Третья кн. Ледяные (...)* 395 С.; *Словенская поэзия Сопротивления. 1941–1945.* Ново Место, 1997. *Четвертая кн. Тюремные и лагерные эмигрантские. Из иностранных источников (...)* 629 С.

К концу XX в. словенская филология подвела итоги собирания и изучения поэзии и песенности периода народно-освободительной борьбы в годы Второй мировой войны. Выход фундаментальной четырехтомной антологии "Словенская поэзия Сопротивления. 1941–1945" – заметное событие в современном славяноведении. Изложим вкратце предысторию издания.

В апреле 1941 г. прежняя, королевская Югославия, распалась. Словения подверглась агрессии со стороны Германии, Италии и Венгрии. В трагической ситуации малочисленный, отрезанный от своих южнославянских соседей словенский народ начал героическую борьбу с оккупантами. Начавшееся летом вооруженное восстание разрослось в многолетнее, хорошо организованное партизанское движение, впоследствии скоординированное с аналогичными боевыми действиями в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии. Особенностью словенского Сопротивления было активное участие в нем интеллигенции – учителей, студентов и преподавателей учебных заведений, поэтов, композиторов, театральных деятелей. Это определило характер культурно-просветительской работы в партизанских отрядах, способствовало созданию множества стихотворений и песен, получивших затем ши-

рокое распространение в устной форме и отчасти фольклоризовавшихся.

Публикация таких материалов началась уже в годы войны. В июне 1942 г. в подпольной типографии был напечатан анонимный сборник с умышленно "академическим" названием: "Словенские народные песни", а в 1943 г. издано не менее трех анонимных сборников. В 1944 г. опубликованы "Марши" (составитель композитор И. Кухар), "Наши песни" (составитель писатель Й. Пахор), "Песни для молодежи" (составитель М. Пирник), "Песни наших борцов" (составитель поэт М. Клопчич) и др. (Замечу, что эти сведения не систематизированы в рецензируемой антологии.) Но легальная издательская деятельность и первые научные исследования стали возможны после освобождения Словении. Среди тех, кто внес особенно значительный вклад в изучение партизанской песенности, был люблянский музыковед Р. Хроватин.

Новый этап в систематическом собирании и исследовании поэзии Сопротивления связан с именем профессора Люблянского университета Б. Патерну. В 1970 г. он организовал и возглавил специальный семинар, в котором участвовали свыше 50 студентов-филологов. На протяжении двух десятилетий студенты работали по единой, хорошо продуманной программе, собирали

материалы, формировали уникальный архив (он насчитывает более 12 тыс. записей текстов). В этой работе Б. Патерну постоянно помогали М. Станоник (блистательно защитившая докторскую диссертацию в Загребе [1]) и И. Новак-Попова, составившая комментарии к текстам и завершившая техническую подготовку к изданию всей антологии.

В 1987 г. в Любляне под редакцией Б. Патерну была издана первая книга задуманной им серии – *Partizanske* – с обстоятельным предисловием (на словенском, английском, русском и немецком языках), где излагалась научная концепция четырехтомной антологии и ее структура. Но после выхода в свет этой, ставшей библиографической редкостью книги, Люблянское издательство отказалось продолжать публикацию следующих томов – как написал впоследствии Б. Патерну, “по неясным причинам, вероятно, денежным и каким-то другим...” [2. S. 1]. Только в 1995 г. в г. Ново Место появилась вторая книга, в 1998 г. там же переиздана оформленная заново первая книга, но до нее опубликованы книги третья и четвертая (1996, 1997).

В совокупности вся серия с едва ли не исчерпывающей полнотой, доступной современному исследователю, охватывает все виды поэтического и песенного творчества 1941–1945 гг. (включая и некоторые антифашистские произведения предвоенных лет). Первые две книги посвящены стихам и песням, бытовавшим в партизанских отрядах; в третью книгу вошла “тыловая поэзия”, т.е. творчество подпольщиков и активистов – поддерживавших партизан горожан и крестьян; в последней книге представлены тюремные и лагерные стихи и песни, а также произведения, созданные в среде словенцев, изгнанных в Сербию, Силезию и Баварию, и, наконец, – протестная поэзия, возникшая в среде мобилизованных рабочих или насильственно зачисленных в военные единицы оккупационных войск.

Разнообразны жанры поэзии Сопротивления: лирика, баллады, гимны, марши, сатира. Важно отметить, что в отличие от сборников военных и первых послевоенных лет с четкой идеологической направленностью (прославление Тито и коммунистической партии) в рецензируемой антологии, не утаивающей эти черты поэзии 1941–1945 гг., характерными признаками стихов и песенности военных лет предстают любовь к отчизне, идеалы свободы и боевой дружбы, презрение к врагу, сострадание к жертвам фашизма, сочувствие к мате-

ринскому горю. Следует отметить широту мировоззренческого спектра, включающего религиозные мотивы (специфический жанр молитвы), а также преобладание жизнеутверждающего пафоса, героики.

В серии представлено творчество известных словенских поэтов середины XX в. и непрофессиональных авторов, а также адаптированных стихов классиков (Фр. Прешерна, Симона Енко) [2. S. 631–633, 674]. Здесь много и переводов на словенский язык: песен советских поэтов (А. Архангельского, М. Исаковского, А. Сурикова, В. Лебедева-Кумача и др.), стихов хорвата В. Назора, серба Бр. Чопича, испанских и французских стихов и песен. Издание снабжено алфавитным указателем имен.

Текстологическая и эдиционная культура серии очень высока. Каждый текст воспроизводится в рукописном оригинале (авторском или в копии участника Сопротивления) и параллельно – в печатной транскрипции, сохраняющей языковые особенности оригинала, сопровождается скрупулезным комментарием (указаны сведения об авторе и о тех, кто распространял его стихи, либо отмечается анонимность), приводятся библиографические данные (первые публикации в подпольных изданиях, варианты текста в других сборниках и листовках), позднейшая запись участников семинара, единица архивного хранения и проч.

Завершается серия книг статьей Б. Патерну, обобщающей содержание каждого раздела антологии и характеризующей разные методы изучения поэзии Сопротивления [3]. Спорным в теоретической концепции автора является недооценка устного, песенного исполнения стихов и фольклоризации некоторых из них в период народно-освободительной борьбы. Ограничиваясь поэтикой зафиксированного в записи текста, Б. Патерну, на наш взгляд, обедняет стилистику поэзии звучавшей. Разумеется, далеко не все стихи становились массовыми песнями, но полное представление о реальном творческом процессе в годы войны может дать только сочетание литературоведческого подхода с фольклористическим, принимая во внимание варьирование вербальных текстов и напевов (что в Словении удавалось делать Радославу Хроватину).

В целом серия в равной степени может заинтересовать историков, культурологов, филологов и искусствоведов. Документальность, бесспорная достоверность материала, всеохватность и научная объективность его подачи позволяют признать четырехтомную

антологию одним из выдающихся трудов современной славистики. Единственное пожелание словенским коллегам – с такой же тщательностью собрать, обобщить и проанализировать материалы музыкальной и театральной культуры словенского народа в годы Второй мировой войны.

Антология воспринимается как достойный памятник борцам антифашистского Сопротивления и вместе с тем приобретает новую актуальность в связи с современными процессами в общественном развитии и в культуре славянских стран, с необходи-

мостью научного осмысления этих процессов современным славяноведением.

© 2001 г. В.Е. Гусев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Живая старина. 2000. № 4.
2. *Paternu B. Spremnna beseda // Druga knjiga. Novo Mesto, 1995.*
3. *Paternu B. Slovensko pesništvo Upora 1941–1945 // Četrta knjiga. Novo Mesto, 1997.*

Славяноведение, № 3

Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов.
Брянск, 2000. 238 С.

Центр славяноведения Брянского государственного педагогического университета под руководством д-ра ист. наук С.И. Михальченко издал второй сборник "Проблемы славяноведения" (о первом см.: [1]). В нем приняты участие 29 авторов из России, с Украины, из Белоруссии, США. Материалы книги распределены по рубрикам: статьи; публикации; заметки и рецензии. В конце издания приведены краткие сведения об авторах.

Как и предыдущий, новый сборник весьма разнообразен по тематике и охватывает историю славян от глубокой древности до современности; в отличие от первого сборника, здесь помещены также работы филологического содержания: лингвистов, канд. ист. наук из Петербурга И.И. Ворониной, Л.Н. Каминской и А.А. Новика "Некоторые вопросы исследования албанской и южнославянской ландшафтной лексики" и Л.Н. Каминской "К типологии вокалических проблем балканских языков. История вопроса".

Книгу открывают две статьи "модного" ныне потестарного направления, которое игнорировалось в марксистской историографии. В статье канд. ист. наук Е.А. Шинакова (Брянский гос. пед. университет) "К вопросу о семейно-брачных механизмах институционализации власти у славян" на основе исследования разнообразных этнографических и сравнительно-исторических материалов сделан интересный вывод об

особой роли семейно-брачных механизмов в институционализации, легитимизации и даже передачи власти, прав женщин на долю власти у славянских народов в начале средневековья. Автор считает, что в этом отношении славянский мир, обладая собственной спецификой, выступал "в качестве перекрестка северно- и южноевропейских (скандинаво-балтийских и византийских) традиций потестарно-политической культуры" (С. 9). А.С. Щавелев (студент пятого курса истфака МГУ) рассматривает "родовой сюзеренитет династии Рюриковичей в системе политического устройства Древней Руси", определяет основные особенности существования специфического – не столько семейного, сколько родового – "княжого права". Он полагает, что потестарный подход позволяет уточнить политический облик домонгольской Руси, отойти от преувеличенной социализации некоторых ее институтов.

Наиболее основательно в сборнике представлены историографические исследования. Д-р ист. наук Ю.Е. Ивонин (Смоленский гос. пед. университет) и Е.И. Матвеева (аспирантка Запорожского гос. университета) в статье "Англичане XVII века о запорожском казачестве" и канд. ист. наук Л.И. Ивонина (Смоленский гос. пед. университет) в статье «Запорожские казаки глазами французов XVII в. (По материалам "Французской газеты")» продолжили в

сборнике свои изыскания по историографии запорожского казачества и представлений о них в Западной Европе.

Канд. ист. наук С.Ф. Пивовар (Киевский нац. университет) рассмотрел новый ракурс исторической концепции Н.И. Костомарова, разбор которой начал в предыдущем сборнике, а именно "проблему возникновения древнерусской государственности". Автор отметил, что хотя теория литовского происхождения Руси сегодня признана ошибочной, но она давала почву для дискуссий, наносила удар по господствующей концепции официальной историографии об одномоментном акте образования государства с утверждением династии Рюриковичей. В свете современных споров о приоритете отдельных славянских народов в образовании Древнерусского государства важен и принципиальный вывод автора, сделанный вслед за Костомаровым, о том, что "возникновение государства – не одномоментный акт, а результат сложного и длительного социально-экономического и политического развития восточнославянского общества" (С. 69).

Канд. ист. наук Н.В. Середа (Тверской гос. университет) сопоставила представления известных историков И.И. Дитякина и А.А. Кизеветтера (на основе разных типов источников) на городское общество и городское гражданство и показала, что первый пришел к выводу о всеословности собрания городского общества и думы, а второй писал о преимущественно их торгово-промышленном составе в конце XVIII в. Последняя идея, по мнению автора, еще не нашла должной оценки и развития в отечественной историографии.

В статье д-ра ист. наук Л.П. Лаптевой (МГУ) "Русский историк Н.И. Кареев (1850–1931) и его взаимоотношения с политическими режимами России" наглядно показано, что талантливый ученый с независимым мировоззрением не вписывался в любую репрессивную общественную систему, преследующую инакомыслящую интеллигенцию. Так было при царском самодержавии, не принял ученого и пришедший ему на смену тоталитарный советский режим.

Канд. ист. наук И.Б. Матяш (зам. директора Украинского гос. научно-исследовательского института архивного дела и документоведения) всесторонне охарактеризовала уникальный вклад российского историка-архивиста В.И. Веретенникова в архивное дело Украины, особенно в 1920–1930-е годы, что не являлось предметом рассмотрения предшествующей историографии.

Особое внимание авторов сборника привлекла разносторонняя деятельность известного русского историка и общественного деятеля П.Н. Милюкова в его дореволюционный и доэмиграционный период. П.А. Трибунский (аспирант Рязанского гос. пед. университета) в статье "П.Н. Милюков и Предварительный съезд русских славистов 1903 г." подробно осветил его мнения по организации съезда и по вопросу издания "Славянской энциклопедии". М.И. Илюхин (ст. преподаватель Орловского гос. университета) в материале «"Особая позиция" П.Н. Милюкова по вопросам внешней политики в период Балканских войн 1912–1913 гг.» показал, что представления Милюкова по этой проблеме отличались от мнений других лидеров кадетской партии и эволюционировали в сторону перехода "от политики патернализма России" "к политике защиты и отстаивания собственных интересов" (С. 109).

Заслуживает внимания публикация д-ра философ. наук С.П. Щавелева (зав. каф. философии Курского медицинского университета) "Славянская археология в эпистолярном архиве Д.Я. Самоковасова (Письма В.Б. Антоновича)", которая наглядно показывает плодотворные связи видного русского историка и археолога и классика украинской историографии в конце XIX в. Письма хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.

Интересны очерки о представителях украинской интеллигенции, вынужденной эмигрировать за границу. Канд. ист. наук В.П. Ляхочкий (директор Украинского гос. научно-исследовательского института архивного дела и документации) представил творческий портрет известного историка, культуролога, государственного деятеля И.И. Огиенко (митрополита Илариона), охарактеризовав его как "идальго украинской культуры". Он стоял у основания Украинского народного университета в Киеве (1917), Украинской Центральной Рады, стал профессором Варшавского университета, активно работал в украинских церковных и культурно-просветительных и научных организациях, накануне войны был интронизирован епископом Холмским и Подляшким, при немецкой оккупации боролся за создание украинской автокефальной православной церкви. Не принимая большевизм, он эмигрировал в Канаду, был избран там в 1951 г. Собором епископов первосвященником Украинской греко-православной церкви.

Новые факты о деятельности укра-

инского историка Н.Д. Полонской-Василенко при немецкой оккупации в 1944–1945 гг. представлены в статье д-ра ист. наук И.В. Вербы (Институт украинской археологии и источниковедения НАНУ) в дополнение к статье в первом сборнике.

Тематический блок, посвященный важной и малоизученной проблеме украинской эмиграции, удачно дополняет рецензия д-ра ист. наук Михальченко (Брянский гос. пед. университет) "Новая украинская литература по историографии", в которой подробно проанализированы три новые книги украинских историков [2]. На примере этих книг наглядно видна важность объективного изучения на основании новых архивных материалов "трудных" вопросов деятельности украинских эмигрантов и ученых, особенно в период фашистской оккупации.

Информационной насыщенностью отличается статья канд. ист. наук Е.В. Петрова (докторант Республиканского института повышения квалификации при С.-ПбГУ) "Обзор фондов русских историков-эмигрантов в архивах США", в которой он кратко представил и охарактеризовал основные центры сосредоточения этих личных фондов при Техасском, Колумбийском ("Бахметьевский" архив), Стэнфордском ("Гуверовский архив войны, революции и мира"), Принстонском, Гарвардском, Калифорнийском и других университетах, в архивах государственных учреждений США (Национальный архив, рукописный отдел Библиотеки Конгресса США), при культурных (Толстовский фонд в Нью-Йорке) и религиозных обществах (архивы Синода Русской православной церкви за рубежом, Свято-Владимирской семинарии в Крестовде, Свято-Тихоновского монастыря в Пенсильвании) и др.

В другой статье Е.В. Петров сделал интересную попытку выделить и охарактеризовать основные этапы становления и развития в университетах США типового направления "американских исследований России", начиная с 1870 г. до современности, связав их с событиями мировой истории и "волнами" российской эмиграции.

"Страноведческие" статьи сборника разноплановы и лишь выборочно представляют славянские страны и их историю. Южнославянским сюжетам посвящены статьи Е.О. Шенкаревой (магистрантка истфака Брянского гос. пед. университета) "Взаимоотношения Черногории с Россией, Венгрией и Турцией в конце XVII в.", д-ра ист. наук Ю.В. Костяшова (Калининградский гос. университет) "Сербские анклавы в Хорватии в XVIII веке" и д-ра ист. наук Т.Н. Геллы

(Орловский гос. университет) "Балканы 70-х годов XIX века в общественном мнении России и Великобритании". Все они основаны на новом архивном материале и периодической печати и дополняют уже известные данные, развивая и уточняя историографию по названным проблемам. То же можно сказать и о польских сюжетах сборника, ориентированных более на современные проблемы: статьи Н.А. Строгановой (с.н.с. музея Калининградского гос. университета) "Мазуры в Восточной Пруссии в XX веке", Т.А. Джалилова (аспирант истфака МГУ) "ЦК КПСС о польской интеллигенции", К.В. Трощенко (ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Калининградского гос. университета) "Конфедерация независимой Польши в структуре польской оппозиции в конце 70-х – начале 80-х гг.". Любопытна единственная, посвященная истории Чехии, заметка д-ра ист. наук С.В. Кретинина (Воронежский гос. университет) "Чехи и немцы в 1918–1939 гг.: между конфронтацией и сотрудничеством", где представлен сложный вопрос о национальном сосуществовании чехов и немцев в едином государстве в межвоенный период на фоне противоречий великих держав.

Проблемы белорусистики в рамках российско-белорусских связей нашли отражение в публикации д-ра филол. наук А.К. Кавко (Институт мировой литературы РАН) "Виленские встречи Валерия Брюсова: Янко Купала, Братья Луцкевичи" и заметке И.Б. Красильникова (ст. преп. Смоленского гос. пед. университета) "Российско-белорусские культурные связи в первые послевоенные годы".

Некоторый диссонанс в "славистические сюжеты" сборника вносит статья американского историка из университета Северной Каролины Дональда Дж. Рэля "Саратовские рабочие против коммунистов: некоторые мысли о волнении рабочих во время Гражданской войны", которая посвящена вопросам нашего отечествоведения.

В заключение заметим, что новый сборник брянского Центра славяноведения свидетельствует о большой научной активности последнего и продолжает удачно начатое дело славистических публикаций. По сравнению с первым, в данном сборнике меньше статей теоретико-постановочного характера, перевеса проблем регионалистики; хорошо, как и в первом сборнике, в духе научной сдержанности и объективности представлены дискуссионные историографические сюжеты, отдана

дань приоритетному сейчас потестарному направлению исторических исследований. Положительно мы оцениваем и то, что ответственный редактор сборника С.И. Михальченко не боится публиковать интересные работы начинающих ученых.

В дальнейшем, как нам кажется, по мере приобретения изданием научного авторитета, может идти речь об организации тематических сборников, которые способствовали бы большей систематизации материалов, умерили бы их разбросанность и подчас большую разносюжетность. Сборник наглядно свидетельствует, что общие научные интересы могут способствовать так необходимому сейчас сближению ученых братских восточнославянских стран – России, Украины и Белоруссии.

© 2001 г. *М.Ю. Досталь*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Досталь М.Ю.* Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2000. Вып. 1 // Славяноведение. 2001. № 2.
2. *Матяш І.* Катерина Грушевська: життєпис, бібліографія, архіви. Київ, 1997; *Юркова О.В.* Діяльність Науково-дослідної кафедри історії України М.С. Грушевського (1924–1930). Київ, 1999; *Верба І.* Олександр Оглоблин: Життя і праця в Україні. До 100-річчя з дня народження. Київ, 1999.

Совещание-семинар преподавателей славянских языков

12–15 октября 2000 г. в г. Светлогорске (Калининградская обл.) состоялось научное совещание-семинар преподавателей славянских языков, которое проводилось на базе факультета славянской филологии и журналистики Калининградского государственного университета под эгидой учебно-методического объединения университетов России. В работе совещания приняли участие около 30 ученых и преподавателей из вузов Москвы (МГУ, МГИМО), Санкт-Петербургского, Томского, Самарского, Воронежского, Вильнюсского (Литва), Варминьско-Мазурского (Польша) университетов. Совещание было посвящено прежде всего проблеме лингвострановедческого аспекта в процессе создания нового поколения учебников инославянских языков для студентов. Кроме того, затрагивался ряд научных вопросов сравнительно-сопоставительного исследования славянских языков и отражения его результатов в практике преподавания славистических курсов. Значительное внимание было уделено насущному положению дел и перспективам развития славянской филологии в университетах.

На открытии первого заседания со словами приветствия к участникам семинара обратился ректор КГУ А.П. Клемешев, который в своем кратком выступлении отметил факторы, определяющие развитие филологических наук в КГУ.

Доклад В.Ф. Васильевой (МГУ), пригласившей присутствовавших к обсуждению круга актуальных проблем сравнительно-сопоставительной лингвистики, был посвящен различиям в деривационных процессах русского и чешского языков, определяющим

специфику функциональных различий некоторых грамматических категорий. Такого рода сопоставительный анализ позволяет получить представление о языковой картине мира как способе закрепления всей деятельности мышления по отражению реальности. В докладе Г.Г. Тяпко (МГИМО) обосновывалась целесообразность приложения методики югославской исследовательницы С. Слабшак к описанию сложных абстрактных имен существительных в языке сочинений Досифея Обрадовича. Проблеме старшинства глаголических почерков в свете сравнительного семиотико-палеографического анализа посвятил свое выступление Л.Б. Карпенко (Самара). Л.П. Дронова (Томск) представила типологические данные в пользу близости семантических преобразований и.-е. **dhē* – в восточной, западной и южной группах славянских языков. Проблеме перевода на польский язык и интерпретации некоторых русских литературных эпонимов в связи с их семантико-аксиологическими преобразованиями в русском языке был посвящен доклад Л. Миронюка (Ольштын, Польша). Его коллега И. Ожеховская (Ольштын) рассмотрела специфику употребления грамматических форм в "Житии Нифонта".

В ряде выступлений затрагивались проблемы содержательного аспекта преподавания общеславистических, а также теоретических и практических курсов инославянских языков. Так, в докладе Г.Ф. Ковалева (Воронеж) подчеркивалась необходимость более пристального анализа данных ономастики и этимологии в курсе "Введение в славянскую филологию". А.В. Бабановым

(Санкт-Петербург) были проанализированы терминологические разночтения в национальных вариантах (русском и польском) грамматических описаний. В связи с основными современными тенденциями в развитии болгарского языка (демократизацией, интеллектуализацией) О.А. Ржанникова (МГУ) отметила необходимость внесения существенных поправок в перечень традиционно предлагаемых для усвоения лексических тем.

Значительное внимание в процессе работы семинара было уделено актуальному состоянию и перспективам славянских специализаций в университетах. Выступление В.П. Гудкова (МГУ) было посвящено развитию украинистики и белорусистики в МГУ и других российских университетах. О перспективах польской филологии в Вильнюсском университете говорил М. Давлевич (Вильнюс). Л.В. Колобкова (Калининград) представила в своем сообщении анализ многолетней работы филологического факультета КГУ, предшествовавших открытию в 2000 г. новой специализации "Польский язык и литература".

В кругу активно обсуждавшихся оказались проблемы методики преподавания славянских языков. Результатами обобщения специфики преподавания чешского и польского языков как вторых славянских поделились М.О. Мельниченко и Е.И. Варюхина (Санкт-Петербург). Об особенностях методической организации аудиторной работы в связи с неоднородностью этнического состава групп и разным "стартовым" уровнем владения языком говорила В. Ушинскене (Вильнюс – Познань) в докладе "Специфика преподавания польского языка как иностранного в Вильнюсском университете" Е.М. Коницкая (Вильнюс) представила методический опыт интенсификации освоения словенского языка в разноязычной аудитории. О методике обучения интерпретативному чтению художественных текстов при обучении русскому языку польских студентов говорилось в выступлении Б. Еглиньской (Ольштын).

Лингвострановедческая проблематика преподавания славянских языков была затронута в выступлениях Р. Якубенас (Вильнюс) и Т.М. Шкапенко (Калининград).

Особый интерес участников семинара вызвали выступления, посвященные анализу имеющихся учебников и задачам, которые возникают в связи с их обновлением. Так, в докладе Т.С. Тихомировой (МГУ) "Концепции учебников инославянских языков для студентов-русистов" говорилось о необходимости создания учебных пособий нового поколения, построенных на принципах дифференцированного подхода к материалу и функционально-семантической ориентации при изложении грамматического материала. На оценке соотношения аудилингвального и коммуникативного подходов в новейших учебниках польского языка как иностранного, изданных в Польше, остановился в своем выступлении Е. Суков (Калининград). Т.А. Ацаркина (МГУ) представила присутствующим свой новый учебник чешского языка для начинающих, построенный на методическом принципе сопоставления явлений различных языковых уровней при обучении близкородственному славянскому языку.

Участники семинара одобрили инициативу калининградских коллег, планирующих создание на базе факультета славянской филологии и журналистики КГУ научно-методического центра польского языка и литературы, основная цель которого – координация методических и научных усилий кафедр вузов России, специализирующихся на преподавании польского языка и литературы. Деятельность НМЦ будет осуществляться в следующих формах: постоянно действующий научно-методический семинар преподавателей польского языка и литературы; летняя языковая школа для студентов из вузов России; оказание информационной и практической помощи в приобретении учебной и научной литературы, изданной в Польше, и пр.

Тезисы докладов и другие материалы семинара подготовлены к изданию.

© 2001 г. Л.В. Колобкова

К 70-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА АНТОНОВИЧА ДЫБО

30 апреля 2001 г. исполнилось 70 лет Владимиру Антоновичу Дыбо, члену-корреспонденту РАН, академику РАЕН. Каждый большой ученый – это феномен. По словам В.Н. Топорова, особый феномен Дыбо следует рассматривать "... именно в том исходном значении греческого слова τὰ αἰώματα, когда факт обнаружения явления неотделим от некоего благодатного света и от переживания этого явления как глубокого знаменья, чуда..." [1. С. 9].

В.А. Дыбо вошел в науку на рубеже 50–60-х годов, когда поколение И.А. Мельчука, В.М. Иллич-Свитыча, А.А. Зализняка и чуть раньше – Вяч.В. Иванова, В.Н. Топорова заявило о себе как о поколении, продолжавшем лучшие традиции компаративизма и не чуравшемся зарождавшегося структурализма.

В.А. Дыбо выделяется в этой генерации рядом особенностей, дающим право назвать его великим ученым. Это прежде всего самостоятельность в выборе собственного пути в науке и верность избранному пути на протяжении всей творческой жизни. Ему чужд соблазн облегченных вариантов, поспешности, редукции, компромисса, что весьма затрудняет жизнь тем, кого судьба связала с ним в роли редакторов, издателей и даже соавторов. Можно вспомнить их совместный с Иллич-Свитычем доклад к V съезду славистов, когда измученный Свитыч, вовремя написавший свою часть доклада [2], никак не мог получить от соавтора его текст.

Для В.А. Дыбо характерны безупречность методологических приемов работы с материалом, что сопровождается редким сочетанием скрупулезности и тщательности поиска и обработки изучаемых фактов – во всех деталях и фрагментах – с глобальностью построения системы, отличающейся единой логикой "творения-развития" и логикой "актуального функционирования" [1. С. 10].

В.А. Дыбо связал свою творческую жизнь с акцентологией, очень специальной и сложной областью языкознания, требующей, однако, глубоких знаний всей языковой системы: фонетической, этимологической, морфологической, словообразовательной и синтаксической ее областей. Проведя полную и строгую ревизию "классической" славянской акцентологии, Дыбо расчистил путь к генетическому построению цельного здания славянской, балто-славянской и индоевропейской акцентологии [3]. Никто до Дыбо не обращался в таком объеме к материалам славянских средневековых письменных источников, методика оценки и извлечения фактов из которых тщательно и продуктивно разработана ученым. Этот материал составил прочный фундамент его праславянских построений.

Со временем в акцентологических штудиях В.А. Дыбо появляется новый аспект: необходимость найти для реконструированных славянской и балто-славянской акцентных систем место в типологическом пространстве. Представление о типологическом пространстве акцентуационных систем в науке отсутствовало, и его предстояло построить. В этом направлении Дыбо со своими молодыми коллегами-учениками проделали огромный объем работы. Для типологического обоснования выдвинутой Дыбо тонологической гипотезы генезиса индоевропейских парадигматических систем свободного ударения были сделаны разработки по установлению типологического тождества индоевропейских, западнокавказских, центральносахарских, аустронезийских, банту систем с системами определенного типа фиксированного акцента [4].

Трагическая гибель друга и коллеги В.А. Дыбо – Владислава Марковича Иллич-Свитыча (1934–1966) определила Владимиру Антоновичу заняться проблемой отдаленного родства

языков, чтобы довести до публикации незавершенный труд Иллич-Свитыча по н о с т р а т и к е, труд, открывший новое направление в языкознании. От Дыбо требовалось войти в эту область языкознания так глубоко, как постиг ее автор ностратики. Свитыч не успел составить таблицы фонетических соответствий разных уровней (по шести языковым группам плюс ностратические). Эта работа была по плечу лишь В.А. Дыбо. А.Б. Долгопольский, уже не один год параллельно со Свитычем занимавшийся исследованиями по отдаленному родству языков – на более ограниченном материале – не мог поверить, что таблицы составлены Дыбо, что их не было в архиве Иллич-Свитыча. Два тома Ностратического словаря [5; 6], ответственным редактором которых был В.А. Дыбо, вышли при его строгой и безупречной подготовке текста с восполнением недостающих и требующих тщательного комментария-исследования частей работы [5. С. I–XXXVI]. Первый выпуск третьего тома [7] становится по сути уже исследованием Дыбо, так как включает новый материал, появившийся после смерти создателя ностратики, и является дальнейшим шагом в ностратических разысканиях.

Уникальная особенность творческой личности Владимира Антоновича – это его педагогический дар, раскрывшийся еще в 1972 г. в неформальном объединении, которое впоследствии получило название "Ностратический семинар им. В.М. Иллич-Свитыча". Студенческая молодежь, загоревшаяся идеей отдаленного родства языков и проявившая глубокий интерес к сравнительно-историческому языкознанию, как бы сама собой стала собираться вокруг Дыбо, который не только щедро делился с ней своими знаниями, но – самое главное – учил молодых коллег работать методами Свитыча – Дыбо, значит, в строгом понимании "поэтапной реконструкции" и в понимании, что реконструкция более содержательна и более информативна, чем отдельный языковой факт. Ностратический семинар продолжает действовать до сих пор. За почти три десятилетия Дыбо вырастил не одно поколение высококвалифицированных лингвистов. Среди его учеников немало докторов наук и чл.-корр. С.А. Старостин. Сейчас В.А. Дыбо продолжает свою педагогическую деятельность также и как формальный руководитель – он заведует кафедрой славянского языкознания РГГУ, где читает курсы "Сравнительная грамматика славянских языков и праславянская реконструкция", "Славянская сравнительно-историческая акцентология", "Балтийская сравнительно-историческая акцентология", "Типология и генезис парадигматических акцентных систем".

В.А. Дыбо и его ученики с их глубоким профессионализмом дали мировой науке образцы фундаментальных новаторских исследований в области исторического и сравнительного изучения языков, завоевав и определив на многие годы вперед престиж российской компаративистики.

© 2001 г. Р. Булатова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Топоров В.Н.* К юбилею Владимира Антоновича Дыбо // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997.
2. *Дыбо В.А., Иллич-Свитыч В.М.* К истории славянской системы акцентуационных парадигм // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1963.
3. *Дыбо В.А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981; *Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990; *Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. М., 1993. Вып. I.
4. *Дыбо В.А.* Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. М., 2000. Т. I, Т. II – в печати.
5. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (*h – k*) / Под ред. и со вст. В.А. Дыбо. М., 1971.
6. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (1 – 3). Указатели / Под ред. В.А. Дыбо. М., 1976.
7. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (*p – q*). (По карточкам автора) / Отв. ред. В.А. Дыбо. М., 1984.

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА СОФРОНОВА

В кругу коллег существует приятная традиция – в связи с определенными датами личной биографии оценить пройденный ученым путь и научные достижения. 31 марта 2001 г. отмечался юбилей нашей Коллеги – известного слависта, замечательного специалиста в области славянской культуры, доктора филологических наук, заведующего Отделом истории культуры, руководителя Центра по изучению русской культуры Института славяноведения, Людмилы Александровны Софроновой.

Очевидно, путь филолога был начат выбором филологического факультета МГУ, который Людмила Александровна закончила в 1962 г., а продолжен в стенах Института славяноведения и балканистики АН СССР, где ею была защищена кандидатская диссертация «Сравнительный анализ сюжета польской драмы XVII в. "Komunia duchowna św. Bogusa i Gleba" и группы древнерусских произведений о Борисе и Глебе», со всей определенностью свидетельствующая о ее интересе к межкультурным связям России и Польши, которые неизменно продолжают оставаться в центре ее исследований. О состоянии этого интереса свидетельствует, в частности, вышедшая несколько лет спустя монография "Древнерусский сюжет в польской драматургии XVII в." (1976).

Вместе с тем сфера научных интересов Людмилы Александровны постоянно расширялась, вмещая все новые области. Ее внимание привлекают три большие эпохи – Барокко, Просвещение и Романтизм в славянских культурах.

Широко известны ее труды в области славянского Барокко, прежде всего – его поэтики. Среди них – монография "Поэтика славянского театра XVII – первой половины XVIII вв. Польша, Украина, Россия" (1981), где рассматриваются вопросы барочного искусства, а театр исследуется на широком историко-культурном фоне как важное звено славянских культурных связей. Во многом благодаря ее инициативе и усилиям как автора и редактора в свет вышли коллективные труды, посвященные эпохе Барокко, ее историко-культурному анализу, исследованию национальных особенностей славянского искусства в европейском контексте ("Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи". 1979; Барокко в славянских культурах". 1982 и др.).

Как эпоха Барокко, так и следующая за ней эпоха Просвещения долгое время оставались вне поля внимания отечественных исследователей, и к бесспорным заслугам Людмилы Александровны относится радикальное изменение этого положения. Ее перу принадлежат также значительные труды (например, монография "Польская театральная культура эпохи Просвещения". 1985), где анализируются и взаимодействие 'автор–произведение–читатель', и общественная программа искусства эпохи Просвещения, и особый тип соотношения эстетики и дидактики.

Обратившись к изучению эпохи Романтизма – одной из наиболее существенных в польской национальной культуре ("Польская романтическая драма. Мицкевич. Красиньский. Словацкий". 1992), Людмила Александровна рассматривает ее в историко-культурном аспекте, исследуя, в частности, романтическую мифологию, славянские мифы и обряды в театре, романтическую философию истории, поэтику, интертекстуальные связи польской драмы. Она участвовала в написании главы, посвященной литературе романтизма в академическом труде, выпущенном нашим Институтом ("История литератур западных и южных славян. Т. 2. Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII – 80-ые годы XIX века". 1998).

Значительной заслугой Людмилы Александровны как исследователя несомненно является ее стремление к рассмотрению культурных явлений в широком общеславянском контексте, к учету связей, существующих между литературами, театральным искусством славянских стран. Людмила Александровна занимается польской, русской и украинской культурой XVII–XIX вв., обогащая исследовательский контекст также и за счет введения в научный оборот восточнославянского материала: ею опубликованы фундаментальные труды – помимо упомянутой "Поэтики славянского театра XVII – первой половины XVIII вв. Польша–Россия–Украина", монография "Старинный украинский театр" (1996), в настоящее время завершена работа над книгой "Три мира Григория Сковороды".

Для исследований Л.А. Софроновой – а ею опубликовано около 150 работ – характерен синтез историко-культурного и филологического подходов к тексту, вопросы поэтики неразрывно связаны в них с вопросами истории и теории культуры. Основным предметом историко-культурного исследования она предлагает видеть текст в широком контексте, границы которого являются культуuroобразующими. Культура рассматривается ею в противопоставлении с натурой, с историей; в поле ее зрения постоянно находятся проблемы

самоосознания славянской культуры, а также представлений этноса, социума и человека о самих себе в том виде, в которых они зафиксированы в конкретных текстах. Человек в реальных и идеальных измерениях, его исследования в мифологическом аспекте, принципы самоописания человека в культуре – таков еще один круг проблем, разрабатываемых Л.А. Софроновой. Эта проблематика нашла свое отражение в работах последних лет, опубликованных автором в коллективных трудах "Становление национальной классики" (1992), "История культуры и поэтика" (1994), "История и история культуры" (1997), "Автопортрет славянина" (1999), "Миф и культура: человек/не-человек" (2000), "Книга в пространстве культуры" (2000) и др.

Л.А. Софронова известна как подлинный организатор науки – ею разработана программа по изучению славянской культуры, которая легла в основу работы Института в этой области; по ее инициативе проводятся многочисленные научные конференции комплексного характера.

Коллеги по Институту Славяноведения РАН и журналу "Славяноведение", с которым Людмила Александровна активно и плодотворно сотрудничает в течение многих лет в качестве автора и члена редколлегии, сердечно поздравляют ее с очередной приятной датой и желают ей осуществления научных замыслов, а также необходимого для этого здоровья.

© 2001 г. *Коллеги*

ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА ДМИТРИЕВИЧА АНДРЕЕВА

(1929–2000)

Ушел из жизни Всеволод Дмитриевич Андреев – видный болгарист и замечательный человек, вызывавший всеобщую симпатию своей неизменной доброжелательностью, мудрой неторопливостью и рассудительностью. Вся его жизнь с конца 1940-х годов оказалась тесно связанной с Ленинградским (ныне – Санкт-Петербургским) государственным университетом: студент славянского переводческого отделения филологического факультета – аспирант – ассистент – доцент – профессор, наконец, декан взрастившего его факультета на протяжении около четверти века, почти до самой своей смерти.

Основные научные интересы ученого были сосредоточены на истории болгарской литературы первой половины XX в. Он начал свою научную деятельность с изучения литературного наследия Г. Караславова и защитил на эту тему кандидатскую диссертацию ("Творчество Г. Караславова", 1959), которую впоследствии превратил в обстоятельный монографический труд: "Георгий Караславов: Критико-биографический очерк" (Л., 1972). В дальнейшем ученый расширил диапазон своих научных разысканий и обратился к особенностям болгарской прозы 1920–1930-х годов. Его интересовало уже не творчество какого-либо отдельного болгарского писателя, а общие тенденции литературного процесса, имевшиеся в развитии национальной литературы Болгарии в указанный исторический период. Вскрывая разнообразие художественной манеры и даже мировоззрения болгарских писателей той эпохи, В.Д. Андреев сумел найти и то, что их объединяло; это позволило ему сделать вывод о существовании своеобразного феномена "демократического единства" в литературном движении Болгарии тех десятилетий.

Все эти исследования легли в основу докторской диссертации В.Д. Андреева "Литература демократического единства и проблемы реализма (на материале болгарской прозы 1920–1930-х годов)" (1973). Но, как и в случае с кандидатской диссертацией, ученый не спешил публиковать свою новую работу. Он вновь и вновь обращался в своих статьях к указанному и смежным периодам в развитии болгарской литературы, еще раз выверял свои выводы на дополнительных материалах, углублял сделанные им ранее наблюдения, оттачивал формулировки. И только спустя годы он издает две монографии, обобщающие результаты его многолетних раздумий: "Проблемы реализма в болгарской литературе XX века" (Л., 1977) и "Развитие реализма в болгарской литературе XX века" (София, 1986, на болг. яз). Возможно, именно это стремление к взвешенности, неспешности и основательности, бывшее неотъемлемой чертой характера В.Д. Андреева как человека и исследователя, способствует тому, что большинство его заключений и сегодня не утратили свою значимость, несмотря на произошедшее в наших странах изменение идеологических и эстетических ориентиров.

В.Д. Андреев был не только талантливый исследователь, но и отличный преподаватель и педагог. Он обладал способностью кратко, доходчиво и строго системно излагать студентам материалы по изучаемым славянским литературам с тем, чтобы они надолго остались в памяти слушателей. Эти качества отразились и в созданном им первом отечественном учебнике "История болгарской литературы", выдержавшем два издания (М., 1978; 1987). Переведенный на болгарский язык, он вошел в обиход болгарских студентов. У нас учебником пользуются не только болгаристы, но и все студенты-слависты, готовящиеся к экзамену по общему курсу "Истории славянских литератур". Большую помощь последним оказывает и составленная В.Д. Андреевым хрестоматия с отрывками лучших произведений болгарских писателей от

древности до современности: "Болгарская литература. Хрестоматия" (М., 1987). Значительная часть текстов была переведена на русский язык самим ученым, зарекомендовавшим себя еще и талантливым переводчиком болгарской художественной литературы. Он познакомил русских читателей с рядом произведений Г. Райчева, К. Константинова, Н. Райнова и других болгарских писателей. Свою любовь к переводам он прививал и студентам, читая спецкурс "Мастерство художественного перевода" и публикуя статьи на эту тему.

Велики также заслуги В.Д. Андреева в научно-организационной сфере и популяризации у нас знаний об истории и культуре Болгарии. Он стал инициатором проведения Державинских чтений в память известного ленинградского слависта акад. Н.С. Державина. С 1996 г. чтения начали регулярно проводиться в Санкт-Петербургском университете под председательством самого В.Д. Андреева, в них принимали участие ученые не только России, но и Украины, Белоруссии и Болгарии. По его инициативе проводились университетские семинары, межвузовские и международные конференции по сравнительно-историческому и типологическому изучению зарубежных славянских литератур и актуальным проблемам развития литератур славянских народов. Он выступал с просветительскими докладами и лекциями о культуре Болгарии, держал речи о великих славянских первоучителях свв. Кирилле и Мефодии в дни болгарских национальных праздников и в День славянской письменности в Санкт-Петербургском университете, Доме дружбы, Славянском лицее и т.д. Ему принадлежат многочисленные статьи о болгарской литературе и болгарских писателях в Краткой литературной и Большой советской энциклопедиях, ряд разделов в "Истории всемирной литературы".

Вклад В.Д. Андреева в развитие болгаристики и укрепление дружбы между двумя странами был высоко оценен на родине и в Болгарии. За первый отечественный учебник по истории болгарской литературы и за цикл научных статей на ту же тему он дважды удостоивался премий Ленинградского университета (1981, 1990); был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1981), получил звание Заслуженного работника высшей школы РФ (1999) и был избран действительным членом Академии гуманитарных наук (1994). Болгарское правительство наградило его орденами "Кирилла и Мефодия I степени" (1977) и "Мадарски конник" (1999), медалями в честь 100-летия освобождения Болгарии от османского ига (1978) и в честь 1300-летия Болгарии (1981); он был избран почетным доктором Пловдивского университета.

В последние годы жизни ученый не утратил оптимизма и не впал в уныние, несмотря на политические катаклизмы, повлекшие за собой определенный кризис славянской общности. Он был убежден в жизнестойкости ее многовековых языковых, этнических и культурных традиций и призывал славистов переключить свое внимание с политизированной современности на культуру славянских народов досоциалистической эпохи. Эти идеи легли в основу его доклада, прочитанного в мае 2000 г. в Санкт-Петербурге на конференции "Славянская цивилизация в XXI веке". Но смерть оборвала реализацию его творческих планов... Светлая память о В.Д. Андрееве – видном русском ученом и удивительно порядочном, чистом, принципиальном и скромном человеке, навсегда останется в сердцах его бывших студентов, коллег и знакомых. Его будут помнить выпестованные им многочисленные ученики, где бы они ни находились.

© 2001 г. *Н.К. Жакова*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Gibiansky L.Ya.</i> (Moscow). Triest Question at the End of the IIWW (1944–1945)	3
<i>Marvina V.V.</i> (Moscow). The Events in Karpatt Rus (Ukraine) in the Autumn of 1944 – Winter of 1945	27
<i>Tazbir J.</i> (Warsaw). Polish Humanistics in XXI Century – Dangerous and Chances	49
<i>Strykalin A.S.</i> (Moscow). Theory and Practice of Socialistic Realism in Hungary on the Beginning of 1950ies	59

COMMUNICATIONS

<i>Marney L.P.</i> (Moscow). Merchant Policy of Russia and Polish Kingdom After the Vienna Congress, 1815–1819	74
<i>Tshukanov M.Yu.</i> (Kaluga). "The Stay in Belgrad": Ideas and Attempts of Execution (1914)	82
<i>Petrova I.</i> (Sofia). New Social and State Municipal Holydays in Bulgaria After the Release from Turkey Yoke (1878–1900)	98

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Nikiforov K. B.K.</i> Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы	103
<i>Nenasheva Z.S. V. Doubek. T.G. Masaryk a česká slovanská politika (1882–1910)</i>	108
<i>Boldov A.V.</i> Powstanie Warszawskie 1944. Praca zbiorowa	112
<i>Gusev V.E.</i> Slovensko pesništvo Upora. 1941–1945	114
<i>Dostal M.Yu.</i> Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов	116

SCHOLARLY LIFE

<i>Kolobkova L.V.</i> The Meeting-Seminar of Slavic Languages Teachers	120
--	-----

PERSONALIA

<i>Bulatova R.</i> Toward the 70th Anniversary of Vladimir Antonovich Dybo	122
<i>Ludmila Alexandrovna Sofronova</i>	124

OBITUARY

<i>Zhakova N.K.</i> Vsevolod Dmitrievich Andreev (1929–2000): In Memoriam	126
---	-----

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 08.02.2001	Подписано к печати 03.04.2001	Формат 70×100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать.	Усл.-печ.л. 10,4	Усл.-кр.-отт. 6,4 тыс.	Уч.-изд.л. 12,0	Бум.л. 4,0
Тираж 608 экз.		Зак. 2058		

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

Индекс 70891